

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

04.2.01 2 71195 - ДЕМИН АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГГ. XX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А.В. Третьяков

КУРСК 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3–19
Глава 1. Власть и инакомыслие: формирование системы политического контроля над жизнедеятельностью населения СССР и Центрального Черноземья в послевоенный период (1945-й – начало 1950-х годов).....	20–69
1.1 Партийно-государственный аппарат и репрессивные органы в политической повседневности Центрального Черноземья.....	20 – 41
1.2 Создание и развитие механизма политического контроля в послевоенном советском обществе.....	42–69
Глава 2. Политический контроль над общественной жизнью населения российской провинции (вторая половина 1940-х – первая половина 1970-х годов).....	70–157
2.1 Политические настроения отдельных категорий населения региона во второй половине 1940-х – 1950-е годы.....	70–113
2.2 Борьба территориальных органов КГБ СССР с инакомыслием в российской провинции в 1960-е – первой половине 1970-х годов.....	114–157
Заключение.....	158–169
Список источников и литературы.....	170–185

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Политический контроль является неотъемлемой составляющей любого государства. Существенные различия в практике его реализации определяются наличием или отсутствием правового поля и степенью его соблюдения государством.

Составляющей понятия «политический контроль» является борьба власти с инакомыслием, т.е. с несогласием или особым мнением меньшинства общества по поводу официальной точки зрения по тому или иному вопросу. Подавление любого инакомыслия, борьба с оппозицией, запрет гласности – все это невозможно без крупномасштабного использования государственными органами и специальными службами механизмов политического контроля.

Изучение исторического опыта функционирования системы политического контроля в СССР представляется важным с точки зрения определения допустимых пределов воздействия государства на общество, позволяет уточнить механизмы создания массовой опоры власти. В Советском Союзе система политического контроля была призвана через тотальную слежку за жизнедеятельностью населения, поведением и мыслями советских граждан скрыть факты о реальном социально-экономическом положении страны и сформировать выгодные режиму представления. Нельзя забывать, что советские спецслужбы считались политическими органами и выполняли функции «вооруженного отряда партии».

Инакомыслие в широком смысле по-прежнему вызывает интерес у исследователей и общественности, тем более что в настоящих условиях явного укрепления государственности значительное число россиян полагает, что свободомыслие, как атрибут демократии, будет серьезным образом властью ограничено. У любой оппозиции весьма силен деструктивный момент. Ведь оппозиция, как правило, борется против кого-то или чего-то. Любая политическая или философская дискуссия о России, ее прошлом и

будущем неразрывно связана с интерпретацией исторического опыта нашей государственности. К сожалению, в течение последних двадцати лет в этих оценках общественности нередко навязывались стереотипы, искажающие отечественную историю. Для власти стабильность в обществе – одно из главных ее завоеваний. Вот почему столь важно найти механизм взаимодействия власти с оппозицией.

Актуальность исследования определяется и отсутствием обобщающих работ, посвященных практике реализации политического контроля на региональном уровне, в частности в Центральном Черноземье.

Объект исследования – государственная политика, реализуемая центральными и региональными органами власти и направленная на создание и сохранение социально-политической стабильности в СССР.

Предмет диссертационной работы – практическая деятельность партийно-советского аппарата, органов госбезопасности и внутренних дел по обеспечению политического контроля над жизнедеятельностью населения Центрального Черноземья во второй половине 1940-х – первой половине 1970-е годов.

Географические рамки. Располагаясь в центре страны, Центрально-Черноземный регион, с одной стороны, занимал важное, с точки зрения геополитики, положение по площади территории, экономическому потенциалу, численности населения. С другой стороны, это типичный регион советской провинции по методам административно-уголовного и идеологического воздействия властных и силовых структур в системе политического контроля и формам проявления инакомыслия различными слоями населения.

Хронологические рамки диссертации включают период со второй половиной 1940-х до середины 1970-х годов. Нижний временной предел исследования обусловлен окончанием Великой Отечественной войны, породившей в обществе, с одной стороны, надежды на ослабление политического диктата, а с другой – приведшей к качественно новому витку

преследования инакомыслящих. Выбор верхней временной границы мотивирован тем, что к середине 1970-х годов, в результате активного прессинга партийного аппарата и силовых структур, а также административно-уголовного преследования организованное диссидентское движение снизошло на «нет». Дальнейшая борьба с инакомыслием стала вестись, в основном, посредством предупредительных мер. В частности, основное внимание в данном вопросе сосредотачивалась на индивидуальной воспитательной работе с политическими незрелыми лицами в соответствии с положениями Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1975 года «Об объявлении предостережения как профилактической меры».

Историография проблемы исследования. Условно весь массив работ, связанных с исследуемой проблемой, можно разделить на два этапа: с начала 1950-х годов до конца 1980-х годов, и с начала 1990-х годов по настоящее время.

В советской историографии проблема политического контроля практически не изучалась. Советская власть не нуждалась в афишировании форм и методов подавления любого инакомыслия или протеста в обществе. Вместе с тем в работах советских историков все же содержался материал (в значительной степени идеологизированный), позволяющий современникам приблизительно оценить масштабы тайного политического контроля. Речь, в частности, идет о монографиях и публикациях авторов, предметом рассмотрения которых являлась борьба партийных комитетов и органов госбезопасности с «контрреволюционной», «антисоветской» деятельностью политических партий, общественных организаций, фракционных группировок внутри ВКП (б) – КПСС и отдельных граждан¹.

---

¹ См.: Коцик В. Свобода совести и ее лжезащитники. М.,1968; Николаев А., Ушаков К. Высокая бдительность – оружие против происков империализма // Коммунист.1968.№11.С.93 – 102; Цвигун С.К. Борьба с идеологическими диверсиями против социализма // Коммунист.1969.№11.С.102 – 111; Он же: Идеологическая диверсия – оружие империалистической реакции // Коммунист.1972.№5.С.109 – 118 и др. Спирин Л.М. Крах одной авантюры. М.,1971; Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М.,1973; Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.,1979; Кучинский Ю. Права человека и классовые права. М.,1981; Маленин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.,1981; Веселов В.И., Владимиров А.Л. За ширмой святости. М.,1981; Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. М.,1981;

Только с начала 1990-х годов в связи с демократическими преобразованиями в России и рассекречиванием архивных фондов стали появляться научные работы, посвященные непосредственно политическому контролю. Одним из первых ввел в научный оборот понятие «политический контроль» и разработал методологию его исследования петербургский историк В.С. Измозик². По его мнению, под политическим контролем следует понимать систему регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций. Политический контроль всегда включает сбор информации, ее оценку, принятие решений, учитывающих настроения общественных групп и призванных воздействовать в нужном направлении, а также политический сыск и репрессии при наличии угрозы (реальной или мнимой) государству и обществу.

Одновременно к частным сюжетам проблемы политического контроля обратились и другие российские исследователи. Одной из первых по хронологии была работа В. Пономарева «Общественные волнения в СССР: от XX съезда КПСС до смерти Брежнева»³. Автор выдвигает и доказывает тезисы, полностью подтвердившиеся в более поздних исследованиях о том, что именно по мере прекращения бунтов, повышается роль столиц и интеллектуального слоя. Восстания же происходили преимущественно на обездоленной пролетарской периферии, захватывали массу люмпенизированных слоев, и кровавые расправы государства над их участниками были типичным явлением «послелагерной эпохи».

Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1982; Курицын В.М. Развитие права и свобод в Советском государстве. М., 1983, и др.

² Измозик В.С. Глаза и уши режима (Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918 – 1928 гг.). СПб., 1995; Он же. Политический контроль и сыск: методологические аспекты // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С.8–17.

³ Пономарев В. Общественные волнения в СССР: от XX съезда КПСС до смерти Брежнева. М., 1990.

Проблема нарушения правоохранительными органами прав человека и личности в советском обществе исследуется в работе Л. Алексеевой «История инакомыслия в СССР. Новейший период», в которой не только приводится значительное количество фактического материала, но и анализируется деятельность партийно-государственных органов по выработке мер, направленных на пресечение несогласия советских граждан с официальной идеологией, в каких бы формах оно не проявлялось⁴. При этом автор наиболее подробного монографического исследования по истории инакомыслия уделяет инакомыслию в «русской провинции» всего несколько страниц, сконцентрировав основное внимание столичным городам.

Выявлению особенностей правозащитного движения в СССР, как духовно нравственной оппозиции тоталитаризму, посвятил свое исследование «Спротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества» Ю.Ф. Лукин, который раскрыл конкретные формы сопротивления сталинизму в 1940-е – начале 1950-х годов, в том числе внутри партии, среди рабочих, крестьян, молодежи, военных, интеллигенции⁵.

Показу объективных и субъективных предпосылок ужесточения тотального политического контроля в советском обществе в последние годы жизни Сталина уделено значительное место в работе А.А. Данилова «История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг.»⁶.

Долгие годы партийно-государственным руководством Советского Союза отрицался факт существования государственных органов цензуры в стране. Первая книга из документальной серии «Культура и цензура», основанная на рассекреченных материалах из федеральных архивов, вышла в 1995 году под названием «Исключить всякое упоминание: Очерки истории советской цензуры» и была посвящена роли Главному управлению по охране государственных тайн и печати как центральному органу политической

---

⁴ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1991.

⁵ Лукин Ю.Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20 – 80-е годы). М., 1992.

⁶ Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. – М., 1997.

цензуры в сфере духовной жизни советских людей⁷. Значительное место в рассмотрении механизма идеологического контроля над настроениями творческой интеллигенции в СССР заняли исследования Д.Л. Бабиченко⁸.

В.В. Коровин в работе «История отечественных органов безопасности»⁹ отметил исключительно важную роль вопросов правового регулирования в организации и деятельности системы исполнительно-распорядительных органов государства. От того, насколько научно обосновано, правильно выработана и закреплена правом их система и структура, четко определены задачи, основные направления, формы и методы деятельности, подотчетность и подконтрольность соответствующим органам власти и управления, во многом зависит успешное выполнение возложенных на них функций. Вопросы правового регулирования организации и деятельности органов госбезопасности по осуществлению политического контроля над жизнедеятельностью населения. В различные периоды Советского государства решались по-разному. И это, на наш взгляд, представляет определенный интерес.

Тема гражданского сопротивления в СССР рассматривается в монографии Р.Г. Пихоя «Советский Союз: История власти. 1945–1991»¹⁰. В ней автор на уникальных документах показывает особенности эволюции властных институтов в первые послевоенные годы, утверждает, что сложившаяся в эти годы система власти может рассматриваться как классическая советская (или сталинская). Особый интерес представляет материал, посвященный действиям ЦК КПСС в отношении диссидентов, информация органов госбезопасности по ликвидации инакомыслия в стране.

Предметом исследования В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.)» являлись

⁷ Исключить всякое упоминание: Очерки истории советской цензуры / Сост. Г.М. Горяева. Минск–М., 1995.

⁸ Бабиченко Д.Л. «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932–1946 гг.: Сб. документов. – М., 1994; Он же. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. – М., 1994; Он же. ЦК ВКП (б) и Советская литература: проблемы политического влияния и руководства. 1936–1946 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

⁹ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1998.

¹⁰ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945 – 1991. М., 1999.

насильственные столкновения и конфликты населения и власти¹¹. Исследование в основном посвящено периоду нахождения у власти Н.С. Хрущева. Автор подчеркивает, что, несмотря на значительное количество оппозиционных групп, инакомыслящие не стремились к установлению контактов и оказанию влияния на толпу во время массовых беспорядков. Монография ценна и тем, что изучение волнений проводится в контексте социальной и политической истории общества.

В монографии О.Б. Мозохина¹² исследуются внесудебные полномочия органов государственной безопасности вплоть до 1953 года, делегированные им высшими законодательными структурами советского государства. В работе представлены статистические данные о деятельности спецслужб за исследуемый период, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, что позволяет определить масштаб репрессий в отношении «антисоветчиков» в Черноземье, провести сравнительный анализ с другими регионами страны.

Одной из последних работ по теме исследования стала книга С.А. Воронцова «Спецслужбы России», в которой автор рассматривает особенности политических репрессий конца 1940-х – начала 1950-х годов, основные направления повседневной деятельности органов КГБ в 1960-е – первой половине 1980-х годов в сфере политического сыска и борьбы с так называемой идеологической диверсией¹³.

Со второй половины 1990-х годов появляются диссертационные работы, раскрывающие отдельные вопросы рассматриваемой темы¹⁴.

Все перечисленные выше исследования, посвященные разнообразным аспектам политического контроля, преследовали цель показать ее действенность в масштабах СССР – РСФСР, и вплоть до начала 2000-х годов

---

¹¹ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999.

¹² Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918 – 1953). М., 2006.

¹³ Воронцов С.А. Спецслужбы России. Ростов н/Д., 2008.

¹⁴ Давыдов С.Г. Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине 60-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Калкутин Д.Л. Деятельность молодежной оппозиции в СССР (1945 – 1960 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000; Давыдов С.Г. Становление и развитие неформального молодежного движения в СССР (1945 – 1985 гг.): дис. ... докт. ист. наук. М., 2002; Королева Л.А. Власть и диссидентство (1950 – 1980-е гг.): дис. ... докт. ист. наук. М., 2001 и др.

региональный аспект системы политического контроля комплексно практически не изучался.

Начало комплексного изучения специфики функционирования системы политического контроля в российской провинции положило диссертационное исследование В.И. Демина¹⁵. Автор предпринял попытку, довольно удачную, показать направления и механизмы деятельности местных партийных, государственных и правоохранительных органов по установлению контроля над политическими настроениями населения одного из регионов Центрального Черноземья – Курского края, и реализации конкретных мер по борьбе с инакомыслием. Использование значительного корпуса архивных источников делает выводы автора аргументированными и заслуживающими признания. Работа В.И. Демина продемонстрировала перспективность изучения регионального аспекта

Региональные исследования, появившиеся в последние годы, привлекают внимание широкой источниковой базой, введением в научный оборот большого количества недоступных ранее документов и материалов¹⁶.

Следует также отметить труды зарубежных авторов, в которых содержится весьма неплохой теоретический и фактический материал по проблемам, связанным с темой исследования¹⁷.

¹⁵ Демин В.И. Борьба партийно-государственных органов с инакомыслием в советской провинции: 1917 – 1945 гг. (на материалах Курского края): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005.

¹⁶ См.: Бобровский С.С. Становление и развитие территориальных органов прокуратуры СССР в Центральном Черноземье (1934 – 1953 годы): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003; Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Из истории государства и права: тотальный контроль над культурой // Из истории государства и права: региональный аспект. Науч. труды. Т.16. / Курская гос. с.-х. акад. Курск, 2004. С.125–140; История Курской прокуратуры: люди, события, документы. Курск, 2001; Карнаевич В.Г. Деятельность правоохранительных органов Курской области по реабилитации жертв массовых репрессий (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000; На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края. Курск, 2002; Пашин В.П. Некоторые направления и последствия руководства сельским хозяйством «сверху» (на примере Курской области) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международной научно-практической конференции. Белгород, 1998. С.111–112; Пикалов Б.В. Правоохранительные органы и проблема прав человека: 1917–1953 гг. (на примере Курского региона): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007; Чеботарев С.А. Отношения государства и церкви в середине 1940-х – середине 1960-х гг. (на материалах Тамбовской области): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004; Шамаев, В.Г. Во имя спокойствия и безопасности державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края. Воронеж, 2008 и др.

¹⁷ См.: Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990; Желев Ж. Фашизм. М., 1991; Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992; Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992; Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993; Хоскинг Д. Дж. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1994; Кальвокоресви П. Мировая политика после 1945 года: В 2-х кн. М., 2000; Tucker R. The Soviet Political Mind. London, 1972; Swayze H. Political Control of the Literature in the USSR. 1946–1959 и др.

В последнее время западные историки пытаются глубже вникнуть в суть послевоенных перемен и дать новую трактовку ряда проблем. Много внимания уделяют советским политическим лидерам, особенно Сталину, Хрущеву, Берии и др. Однако, общие оценки почти не изменились. Так, американский исследователь Дж. Кип в книге «Последняя из империй. История Советского Союза. 1945–1991»¹⁸ утверждает, что до смерти Сталина СССР оставался традиционной империей с «классом рабов», чиновничьей иерархией и огромным репрессивным аппаратом. По его мнению, рабочие и крестьяне, «одураченные» сталинской пропагандой, жили не лучше узников ГУЛАГа.

Немецкий историк Д. Байрау в монографии «Интеллигенция и диссидентство. К истории русских образованных слоев в Советском Союзе с 1917 по 1985 гг.»¹⁹ дал развернутую характеристику взаимоотношений политической власти и различных слоев советской интеллигенции в послевоенный период. Он проследил зарождение и проявление диссидентства, показал репрессивную политику в отношении инакомыслия при Сталине и пришел к выводу о том, что правящий режим «слишком поздно» приступил к реформам. Автор считает, что «опека» политическим руководством всех граждан вообще и интеллигенции в особенности, сделала необходимым крах советской системы.

Во многом типичной для понимания западными исследователями проблемы «власть – инакомыслие» стала коллективная работа «Инакомыслие в Советском Союзе: политика, идеология и люди»²⁰. В ней авторами дается определение диссидентства, делается попытка периодизации, приводится классификация движения. Хотя в книге и оговаривается, что предметом анализа является инакомыслие, возникшее с окончанием Второй мировой войны, тем не менее в разряд диссидентов зачислены не только Буковский,

¹⁸ Keep J.L.H. Last of the Empires. A History of the Soviet Union, 1945–1991. Oxford, 1995.

¹⁹ Байрау Д. Интеллигенция и диссидентство. К истории русских образованных слоев в Советском Союзе с 1917 по 1985 гг. Геттинген, 1993.

²⁰ Dissent in USSR: Politics, Ideology and People. London, 1976.

Галансков, Сахаров и им подобные, но и Вознесенский, Кочетов, Твардовский и т.д. Под диссидентами, вероятно, понимаются все, чье мнение отлично от официальной общепринятой точки зрения, пускай даже оно просто консервативное.

Таким образом, анализ историографической ситуации позволяет утверждать, что, несмотря на публикацию указанных выше работ, посвященных системе политического контроля, данная тема требует дальнейшей разработки. Более того, на сегодня отсутствует единая концептуально однородная историческая работа, в которой был бы предпринят анализ накопившихся источников по всему спектру политического контроля над жизнедеятельностью населения в Центральном Черноземье в заявленные хронологические рамки.

Целью исследования является изучение деятельности партийно-государственного аппарата, правоохранительных органов по осуществлению политического контроля в Центральном Черноземье во второй половине 1940-х – первой половине 1970-х годов. Достижение поставленной цели предусматривало решение следующих задач:

- изучить законодательные и нормативные акты, составившие основу организационно-правового осуществления политического контроля в стране и регионе;

- проанализировать политические настроения населения региона инакомыслие как совокупность различных качественных и количественных характеристик личностного и общественного уровней, взаимодействие и взаимовлияния власти и оппозиции;

- рассмотреть систему государственных органов, которые осуществляли политический контроль в Центральном Черноземье в исследуемый период, роль и место силовых структур в обеспечении контроля над духовной и частной жизнью советских граждан;

– выявить особенности государственного контроля над жизнедеятельностью населения российской провинции, характерные для Центрального Черноземья.

Методологическая основа и методы исследования. В процессе работы над темой автор выдвигает и применяет основные принципы и методы познания общественно-политических явлений: принцип историзма, рассмотрения событий в их всеобщей связи и взаимозависимости, системный, функциональный, институциональный методы. Принципы историзма и всеобщей связи ориентируют исследование явлений общественной жизни и политического реформирования на анализ реальных факторов их происхождения, этапов и результатов развития. С этими подходами связан и принцип конкретности истины, предполагающий изучение общественно-политических явлений с точки зрения условия, в рамках которых они возникли и развивались. Системный подход в анализе сложных социальных объектов важен для нас возможностью выявления многообразия связей и отношений, имеющих место как внутри данного объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением. Используя структурно-функциональный типологический подход, автор подвергает анализу средний уровень институциональных аппаратов высшей и местной власти. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, квалификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

Источниковая база диссертационной работы представлена несколькими группами документов и материалов, как опубликованных, так и извлеченных из архивов.

Первую группу составили документы партийных съездов, уставные и программные материалы. Заслуживают внимания исследователей документы отделов ЦК ВКП (б) – КПСС, общего, административных органов, науки, культуры и др. Одно из центральных мест в этих документах занимают

материалы Секретариата ЦК партии, сосредоточенные до 1953 г. – в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), с 1953 года – в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В их числе – подготовительные материалы к заседаниям, аналитические записки, переписка с органами госбезопасности и внутренних дел по вопросам борьбы с инакомыслящими в СССР. Существенный интерес для темы исследования представляют документы оппозиционных движений, организаций и объединений, материалы о судебных разбирательствах в отношении инакомыслящих и диссидентов (фонды Верховного суда и Прокуратуры СССР), отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

К следующему блоку источников относятся документы фондов государственных архивов Центрального Черноземья, в которых хорошо видна реакция на действия конкретных оппозиционных организаций и инакомыслящих как со стороны партийной номенклатуры, так и отдельных коммунистов, выступавших на собраниях, конференциях, партактивах, пленумах райкомов, парткомов и обкомов партии и комсомола.

Для реализации задач исследования были использованы рассекреченные документы МГБ – КГБ СССР, которые находятся на хранении в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ) и касаются всех инакомыслящих, когда-либо попавших в поле зрения органов госбезопасности. Существенное значение для рассмотрения вопросов, связанных, прежде всего, с политическим контролем в советском обществе в послевоенные годы, имели рассекреченные документы из архива управления Федеральной службы безопасности по Курской области (АУФСБ РФ КО). Докладные и аналитические записки, информационные справки и сообщения сотрудников госбезопасности содержат уникальные сведения о политических настроениях в советском обществе и касаются практически всех сторон повседневной жизни населения региона. Знакомство с архивными документами органов

госбезопасности указывает на то, что чекисты чутко улавливали смену настроений в ЦК партии, и в ряде случаев дозировали направляемую информацию.

Отдельный блок источников составили законодательные акты Советского государства и материалы их обсуждений в руководстве страны и в широких слоях населения. В их числе – все советские Конституции, а также законы и указы советской власти, регламентирующие пределы инакомыслия в СССР и предусматривающие кары за их нарушение. В их числе законопроекты, вносившиеся МГБ – КГБ СССР в партийные инстанции с целью ослабления и пресечения оппозиционной деятельности²¹.

Весьма важными для исследования проблемы являются материалы опубликованных сборников документов. Так, достоянием общественности, стали рассекреченные материалы Комиссии Политбюро ЦК КПСС, связанные с репрессиями, имевшими место в период 1930-х – 1940-х и начала 1950-х годов²².

Коренные изменения политической и общественной обстановки в стране после 1991 года открыли новый этап в изучении истории России в целом, и заявленного периода в частности. Введение в активный научный оборот рассекреченных архивных документов объективно повысило уровень проводимых исторических исследований²³.

Существенную роль в раскрытии темы играют труды партийно-государственного руководства страны, усилиями и теоретическими посылками которых были заложены основы тоталитарного режима в России и необходимости борьбы с инакомыслием. Не менее интересна позиция лидеров КПСС последующих поколений, которые свое отношение к

²¹ См., например: История Советской Конституции (В документах) 1917–1956. М., 1957; Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1991. М., 2003; Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ ГУКР «Смерш». 1939 – 1946. М., 2006 и др.

²² Реабилитация: политические процессы 30-х–50-х гг. М., 1991.

²³ См., например: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 2002; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960: Сб. документов и материалов. М., 2002; Советская жизнь. 1945–1953: Сб. документов. ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953: Сб. документов. М., 2004; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. М., 2005 и др.

несоблюдению прав гражданина более искренне выражали в выступлениях на Политбюро и Секретариатах ЦК партии, служебной переписке с КГБ, закрытых для широкой аудитории, нежели в мемуарах и официальных речах.

Особое место среди источников занимает мемуарная литература: воспоминания видных политических деятелей²⁴, руководителей и сотрудников органов госбезопасности²⁵, а также самих инакомыслящих²⁶. Мемуары по своему смыслу в той или иной степени субъективны, но они позволяют проникнуть «за кулисы», «вовнутрь» исторических событий. Кроме того, для понимания исследуемых событий нам особенно ценен был взгляд непосредственных их участников, записи дневникового характера, в которых отразилась сиюминутная оценка восприятия конкретного исторического факта, события, явления.

Отдельное место среди источников принадлежит периодической печати. На страницах газет и журналов помещалось огромное количество разнообразных материалов, относящихся к различным аспектам политических преобразований. Очевидно, что наряду с центральными существенное значение для раскрытия темы имели и местные периодические издания.

Таким образом, весь комплекс источников, изученных при разработке исследуемой темы, содержит различную по полноте и степени достоверности информацию. Он отличается разнообразием, возможностью сопоставления полученных данных и позволяет обеспечить решение задач, поставленных в диссертационном исследовании.

Научная новизна диссертации заключается в том, что автор из первых предпринял попытку комплексного исследования проблемы

---

²⁴ См, например: Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1989; Микоян А.И. Дорогой борьбы. М., 1971; Громыко А.А. Памятное. М., 1990; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, Трояновский О.А. Через годы и расстояния. М., 1997 и др.

²⁵ См, например: Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. М., 1997; Агабеков Г. ЧК за работой. М., 1992; Эндрю К., Гордиевский О. КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992 и др.

²⁶ Буковский В. И возвращается ветер. М., 1990; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990; Амальрик А. Существует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991 и др.

политического контроля в Центрально-Черноземном регионе в заявленные хронологические рамки.

В работе рассматривается в единстве совокупность государственного политического контроля, осуществлявшегося посредством коммунистической партией, властных государственных структур и органов безопасности. На основе широкого источникового материала показано, что правоохранительные органы и спецслужбы действовали под руководством и контролем коммунистической партии, которые непосредственно осуществляли ЦК и Политбюро.

В научный оборот впервые введен специфический пласт архивных источников, не востребованных или недоступных ранее в силу разнообразных причин. Исследование государственной политики, осуществляемой властными структурами в отношении инакомыслящих, позволило выявить специфику инакомыслия как социального феномена в истории преобразования российской действительности, а исследование проблемы «власть – инакомыслие» в социокультурном ракурсе позволило обосновать тенденции и перспективы реформирования и развития демократических принципов в условиях современной России.

Практическая значимость диссертации. Основные положения исследования могут быть использованы при создании обобщающих работ по отечественной истории, в преподавании исторических, политологических и правоведческих дисциплин в высших и средних учебных заведениях. Материалы диссертации также могут представлять практический интерес для современных политических партий, общественных институтов, уполномоченных по правам человека.

Апробация работы. Исследование проводилось на базе кафедры истории Отечества Курского государственного университета. Основные положения, результаты и выводы диссертации излагались на международной (г. Тамбов, 2009 г.) и всероссийской (г. Курск, 2010 г.) научно-практических конференциях, отражены в девяти научных публикациях автора общим

объемом 1,91 печатных листа, в том числе в пяти журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Демин, А.Ю. Основы политического контроля в российской провинции в 1960-е гг.: на материалах Курской области [Текст] / А.Ю. Демин // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Архангельск, 2008. – №14. – С.51–55.(0,2 п.л.)

2. Демин, А.Ю. Власть и инакомыслие в 1960-е – 1970-е гг.: региональный аспект (на материалах Курской и Орловской областей) [Текст] / А.Ю. Демин // Известия Курского государственного технического университета. – Курск, 2009. – №2(27). – С.120–123.(0,18 п.л.)

3. Демин, А.Ю. Организационно-правовые основы осуществления политического контроля над жизнедеятельностью населения СССР и Центрального Черноземья в послевоенные годы [Текст] / Н.Л. Авилова, А.Ю. Демин // Известия Курского государственного технического университета. – Курск, 2010. – №3(32). – С.131–135.(0,2 п.л.)

4. Демин, А.Ю. Партийно-чекистский контроль в сфере государственно-церковных отношений в послевоенные годы (на материалах Центрально-Черноземного региона) [Текст] / А.Ю. Демин // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2010. – №7(87). – С.275–281. (0,2 п.л.)

5. Демин, А.Ю. Проблемы инакомыслия в СССР [Текст] / А.Ю. Демин // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2011. – №3(95). – С.186–188. (0,3 п.л.)

6. Демин, А.Ю. Политический контроль в повседневной жизни российской провинции в послевоенные годы (на материалах Центрально-Черноземного региона) [Текст] / А.Ю. Демин // История и практика. МВД РФ – Орловский юридический институт. – Орел, 2009. – №2(39). – С.24–27.(0,2 п.л.)

7. Демин, А.Ю. Проблемы партийно-чекистского контроля в сфере государственно-церковных отношений в 1940-е гг. (на материалах Курской области) [Текст] / А.Ю. Демин // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: сб. научн. тр. VIII Междунар. научн.-практ. конф. (заочной). – Тамбов, 2010. – С.44–46. (0,2 п.л.)

8. Демин, А.Ю. Политические настроения инвалидов Великой отечественной войны в период восстановления народного хозяйства (на материалах Курской области) [Текст] / А.Ю. Демин // Приоритеты системной модернизации России и ее регионов: сб. науч. статей Всероссийской науч.-практ. конф. – Курск, 2010. – С.235–239. (0,18 п.л.)

9. Демин, А.Ю. Массовые политические настроения населения Центрального Черноземья в послевоенные годы [Текст] / А.Ю. Демин // Казанская наука: сб. науч. статей. – Казань, 2010. – С.89–90. (0,25 п.л.)

Структура диссертации определена в соответствии с основными задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав (четырёх параграфов), заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. ВЛАСТЬ И ИНАКОМЫСЛИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ НАД ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ СССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945-й – начало 1950-х годов)

1.1 ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ И РЕПРЕССИВНЫЕ ОРГАНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Послевоенное советское общество представляло собой сложный социально-психологический феномен. Война изменила его состав и демографический баланс, внесла коррективы в систему ценностей и норм поведения людей. Военные потери не просто привели к сокращению численности населения: последствия войны поставили страну на грань демографической катастрофы и сказались десятилетия спустя после победы. В наибольшей степени пострадали от войны самые перспективные (дееспособные) группы населения, прежде всего мужчины, что явилось причиной более глубоких социальных и психологических дисбалансов. Для многих современников, переживших войну, адаптация к мирной жизни превратилась в проблему поиска новой идентичности.

Война породила у части общества либеральные иллюзии. Послепобедная эйфория, расширение контактов с западными союзниками, некоторое ослабление идеологического контроля и другие вполне реальные процессы рождали надежды, главным образом в среде интеллигенции, на возможность либеральной трансформации режима. Когда советская система 1920 – 1950-х гг. определяется как мобилизационная, обычно имеется в виду система власти и управления, ее способность подчинить все ресурсы – экономические, политические, человеческие и т.д. – решению поставленных задач. Меньше говорится или вообще не упоминается о собственном

мобилизационном потенциале общества, который в чрезвычайных обстоятельствах выполнял функцию самосохранения. Даже при устойчивой привычке к государственному патернализму люди, оказавшись один на один с повседневными проблемами, вынуждены были действовать на свой страх и риск. Когда же государство пыталось решить свои проблемы за счет населения, оно рассчитывало на способность общества к самосохранению и активно эксплуатировало этот ресурс²⁷.

Сложными и противоречивыми выдались первые послевоенные годы как для жителей Советского Союза в целом, так и Центрального Черноземья в частности. Это было время апогея режима тоталитарной власти и культа личности Сталина и вместе с тем все более четко обозначившегося кризиса административно-командной системы, самой «сталинской модели социализма». Одновременно это были массового подвига населения региона, сумевшего восстановить порушенное войной хозяйство, возродить села и города. Наиболее принципиальное, что характеризовало переход от войны к миру, – это нараставшее противоречие между изменившимся обществом, прошедшим проверку на стойкость и жизнеспособность в жесточайшей войне, и прежними административными, приказными методами партийно-государственного руководства.

Как показали изученные источники, победа в войне не изменила сути власти, в послевоенные годы продолжали использоваться методы жесткого контроля высшего партийного руководства страны за деятельностью местных партийных руководителей и преимущественно административно-репрессивные меры разрешения противоречий. Этот тезис нашел подтверждение и в ходе изучения, уже в постсоветский период истории страны, феномена советского бюрократизма и клиентелизма, на основе которого выстраивалась система центр – регионы²⁸.

---

²⁷ Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. С. 8-9.

²⁸ См.: Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000; Зубкова Е.Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС. 1945–1953 гг. // Свободная мысль. 1999. №3,4,6; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. №7. С.25–38; Махов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 г.). Пермь, 1998; Хлевнюк О.В.

Характер советской политической системы predetermined особое место ЦК ВКП (б) – ЦК КПСС, его аппарата в структуре информационного обеспечения. Вся система получения информации в СССР была строго централизована и в конечном счете замыкалась на Центральный комитет независимо от характера и содержания информации. Исключения бывали крайне редко. Сведения о положении и политических настроениях населения регионов содержали информационные сводки отделов ЦК ВК (б); докладные записки инспекторов ЦК ВКП (б); отчеты местных партийных органов, прежде всего обкомов; перечни вопросов, задаваемых слушателями во время лекций и собраний; материалы обсуждений партийных и правительственных решений (стенограммы собраний, информационные сводки, письма); информационные записки о настроениях населения, поступающие из других государственных ведомств и общественных организаций²⁹.

Степень достоверности полученной информации определялась несколькими факторами: каналами поступления информации, выборкой (например, по Центрально-Черноземному региону), содержанием первичной информации, характером обработки первичной информации при составлении итогового документа (принципами систематизации и отбора).

Информация о политических настроениях населения поступала в ЦК ВКП (б) главным образом от партийных органов, от государственных структур и общественных организаций, от частных лиц. В качестве информаторов по «партийной линии» выступали секретари обкомов и горкомов, уполномоченные Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), инструкторы отделов ЦК на местах. Сбором такого рода информации в ЦК занимались в основном два отдела – пропаганды и агитации и организационно-инструкторский. Последний в 1946 г. был преобразован в

Советские региональные руководители: политизация номенклатуры // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С.97–100; и др.

²⁹ Советская жизнь. 1943 – 1953. М., 2003. С. 11.

Управление по проверке партийных органов, а в 1948 г. – в Отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов.

Наиболее полную информацию из регионов получал организационно-инструкторский отдел, при котором работал специальный сектор партийной информации, чьи сотрудники готовили информационные сводки для доклада руководству. При этом для оперативного получения информации практиковался опрос руководителей областей в телефонном режиме. Таким образом собирались, например, сведения о настроениях населения в период подготовки и проведения выборов 1946 г., об отношении граждан к повышению пайковых цен 1946 г. и денежной реформе 1947 г. «Телефонная» информация являлась лаконичной, без подробностей и главным образом лояльной по содержанию. Кроме того, итоговые сводки, составленные по результатам телефонных опросов, не позволяли определить принципы отбора первичной информации, поскольку первоисточник отсутствовал³⁰.

Более содержательными являлись информационные материалы, поступавшие в ЦК ВКП (б) из обкомов. Иногда сотрудники сектора партийной информации на основе материалов, полученных из региональных партийных комитетов, по собственной инициативе привлекали внимание руководства к существовавшей проблеме. Как правило, это свидетельствовало о том, что вокруг той или иной проблемы складывается непрогнозируемая ситуация. Так было, например, сразу после окончания войны, когда на ряде заводов, где работали эвакуированные рабочие, возникли настроения недовольства, связанные с нежеланием администрации предприятий отпускать рабочих на прежнее место жительства. Так, в Информационную сводку сектора информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП (б) «О фактах ослабления трудовой дисциплины на предприятиях» от 28 мая 1945 г. было включено сообщение Воронежского обкома ВКП (б) о том, что «...на некоторых промышленных

---

³⁰ Советская жизнь. 1943 – 1953. М., 2003. С. 11.

предприятиях «Воронежское стройуправление, Рудоуправление, Мостпоезд и др.) за последние дни среди рабочих велись разговоры о том, что «война окончена, теперь нам можно расходиться по домам». На заводе им. Калинина 20 мобилизованных рабочих не возвратились из кратковременного отпуска. В Управлении военно-строительных работ отмечены случаи дезертирства отдельных рабочих»³¹. Проблема эвакуированных и мобилизованных рабочих в течение нескольких месяцев присутствовала в информационных сводках ЦК ВКП (б).

В свою очередь для региональных обкомов ВКП (б) существенными источниками информации выступали сведения, полученные от городских и районных комитетов партии. Обычно о состоянии дел в той или иной партийной организации, а вместе с тем в городе или районе, на предприятии или в колхозе вышестоящие инстанции информировал секретарь партийного комитета. Однако почти на каждом крупном предприятии существовали так называемые «внештатные информаторы», которые осуществляли свою деятельность на «общественных началах». Это были своего рода «глаза и уши партии», главные источники информации о настроениях в рабочей среде. Не случайно часто в роли внештатных информаторов выступали сотрудники спецотделов. Таким образом «по цепочке» – от цехового информатора до секретаря обкома – в ЦК ВКП (б) поступали сведения не только о жизни партийных организаций, но и о частных разговорах, беседах в кругу коллег, слухах и толках.

Информаторы – штатные и добровольные – существовали везде: на заводах, в колхозах, в учебных заведениях, академических институтах... Они присутствовали даже в очередях за хлебом. В народе их часто называли иначе – «стукачами», «доносчиками» и пр. В официальных партийных документах слово «донос» не употреблялось, предпочитали говорить о «сигналах». В советских политических условиях, когда отсутствовали свобода слова и публичная оппозиция правящему режиму, такого рода

---

³¹ РГАСПИ.Ф.17.Оп.88.Д.649.Л.35–36.

«сигналы» часто выполняли функции контроля над аппаратом и являлись источником «непрофильтрованной» информации, в том числе и о политических настроениях населения. Столь же часто «сигналы» становились средством для сведения личных счетов, превращаясь в данном случае в тривиальный донос³².

Далеко не все «сигналы», поступающие в ЦК ВКП (б) становились предметом специального разбирательства, большинство из них переправлялись на рассмотрение местных партийных органов. Но иногда по «сигналу» (письму) назначалась специальная проверка (комиссия) ЦК ВКП (б), которая должна была подтвердить или опровергнуть сведения, содержащиеся в письме-обращении или письме-жалобе. В этом случае по письму принималось специальное решение ЦК ВКП (б).

Помимо партийных каналов и «сигналов» от частных лиц информация о настроениях в обществе поступала в ЦК ВКП (б) от государственных и общественных организаций. В их числе НКВД (МВД) СССР, МГБ СССР, Главное Политическое управление Советской армии и Военно-Морского флота, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Прокуратура СССР и др. Наиболее информативными являлись материалы органов госбезопасности, включая докладные и аналитические записки, а также сводки по результатам перлюстрации частной переписки. Характер информации отражал интересы различных ведомств: информаторы органов госбезопасности обращали внимание прежде всего на наличие крамолы в обществе, настроения недовольства отдельных его групп, тогда как информаторы партийных органов фиксировали эти настроения в совокупности с другими, абсолютно лояльными³³.

Одним из основных средств укрепления централизации и ограничения прав региональных и ведомственных руководителей была система номенклатуры, получившая свое оформление еще в 1920-е гг. В 1946 г. были

---

³² Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. С. 12.

³³ Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. С. 13.

утверждены новые более обширные списки должностей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП (б), и к марту 1953 г. высшая партийная номенклатура достигала более 45 тыс. позиций³⁴.

Судя по известным фактам, в ЦК ВКП (б) достаточно тщательно следили за своими номенклатурными чиновниками, вели учет их деятельности, составляли характеристики, оценивающие их деловые качества и возможные перспективы использования на руководящей работе. Количество каналов, через которые повседневно контролировались региональные руководители, в том числе и в Центральном Черноземье, было велико. Непосредственно за партийно-советскими чиновниками всех уровней присматривали разного рода инспекторы ЦК ВКП (б), Комиссий партийного и советского контроля, работники Прокуратуры. Первые секретари обкомов партии регулярно отчитывались на заседаниях Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП (б). Поводом для проверок могли служить заявления, в том числе и анонимные, поступающие в большом количестве в Москву.

Всякие отклонения от часто невыполнимых указаний Москвы, срыв хозяйственных кампаний (прежде всего, сдача зерна государству) нередко приводили к громким делам против руководителей регионов. Например, ЦК ВКП (б) в марте 1950 г. признал неудовлетворительной работу Курского обкома партии. И за серьезные «...извращения политики партии в вопросах организации работы в колхозах» освободил Голубева Н.В. от обязанностей первого секретаря Курского обкома ВКП (б) и Волчкова В.В. от обязанностей председателя исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся. Первым секретарем Курского обкома ВКП (б) был избран инспектор ЦК ВКП (б) Тищенко В.И., а председателем исполкома

---

³⁴ ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004. С.6.

Курского облсовета отозванный с учебы в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б) Ковалевский Г.П.³⁵.

Значительное количество местных чиновников потеряли свои должности и партбилеты и даже были арестованы за злоупотребления и махинации, а нередко за причастность к хищениям. В апреле 1948 г. Политбюро приняло решение о создании суда чести при Совете Министров СССР и ЦК ВКП (б), который должен был рассматривать дела об «антигосударственных и антиобщественных проступках» высших чиновников, в том числе секретарей ЦК компартий союзных республик и министерств союзных республик³⁶.

По сравнению с 1930-ми гг. в послевоенный период гораздо реже наблюдались репрессии против номенклатурных работников по политическим мотивам. Наиболее крупная акция такого рода была проведена в 1949 г. По так называемому «ленинградскому делу» была арестована, а затем приговорена к расстрелу или осуждена на значительные сроки заключения большая группа московских и региональных руководителей, связанных в разное время совместной работой в Ленинграде. «Ленинградское дело» было, с одной стороны, следствием острой борьбы различных групп в Политбюро за влияние на Сталина, но с другой – реакцией Сталина на распространение обычных для системы должностного протекционизма, круговой поруки чиновников, патрон-клиентских отношений (которые назывались тогда «шефскими») между московскими и региональными руководителями в обход официальных структур³⁷. Обвинения, предъявленные «ленинградцам», в значительной мере повторяли формулировки уже известной речи Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 г., в которой он обрушился на практику подбора кадров по

---

³⁵ Курская правда. 1950. 23 марта.

³⁶ См.: Есаков Е.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001.

³⁷ См.: Пихоя Р.Г. СССР: История власти. 1945–1991. М., 1998; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001 и др.

принципу личной преданности и предупреждал об опасности формирования на местах группировок, имеющих «...некоторую независимость от ЦК»³⁸.

К марту 1950 г. из 106 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик 31 был выдвинут на свои должности в 1949 – начале 1950-го г. В целом, ни «ленинградское дело», ни аналогичное ему «мингрельское дело» в Грузии, ни другие более мелкие акции, несмотря на их достаточно широкий размах, не вызвали полного возвращения к политике массовых чисток. Причину этому ряд историков, в частности Е.Ю. Зубкова³⁹, видят в том, что в послевоенный период по сравнению с довоенным не произошло принципиальных изменений в поведении региональных чиновников и тенденциях развития отношений между центром и регионами. Следовательно, главной причиной отсутствия массовых чисток «номенклатуры» могло быть только изменение отношения к этим фактам и тенденциям со стороны высшего руководства страны. Сталин, судя по всему, уже не воспринимал различные проявления регионализации, неэффективность и злоупотребления местных чиновников как угрозу режиму, требующую кардинальных решений, подобной единовременной насильственной «ротации кадров», проведенной в 1937–1938 гг.

Дело ограничивалось кадровыми перестановками и периодическими (для примера другим) репрессиями против сравнительно ограниченных групп чиновников. Два очевидных обстоятельства могли повлиять на такие политические изменения: первое – общее укрепление позиций режима в результате победоносной войны, что способствовало сравнительному «смягчению» карательной политики в целом; второе – качественное изменение состава советской номенклатуры. Сделав головокружительную карьеру в результате «больших чисток» 1930-х гг. или преодолев этот кровавый рубеж, новое поколение советских руководителей было абсолютно

---

³⁸ Вопросы истории. 1995. №11–12. С.13.

³⁹ См., например: Зубкова Е.Ю. Феномен «местного национализма»: «Эстонское дело» 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии // Отечественная история, 2001. №3.

предано Сталину и не вызывало у него таких подозрений, как поколение, уничтоженное до войны.

Хотя регулярные кадровые перестановки при Сталине не прекращались, они приобрели новый характер. Во-первых, значительная часть руководителей перебрасывалась из региона в регион или на работу в Москву и вновь в регионы. Во-вторых, широкое распространение получил такой способ ротации, как командировки на учебу в высшие партийные учебные заведения и на специально созданные в Москве курсы переподготовки областных, краевых и республиканских руководителей. В-третьих, даже снятия чиновников, сопровождавшиеся обвинениями в неэффективности и злоупотреблениях, во многих случаях не заканчивались не только арестами, но и не вели к утрате карьерных перспектив⁴⁰. В данном контексте показательна судьба руководителей Курской областной партийной организации: Доронина, Голубева, Тищенко и др.

В совокупности все эти факторы создавали предпосылки для постепенного формирования достаточно устойчивого слоя номенклатурных работников, в рамках которого осуществлялись кадровые перемещения. Не рассчитывая долго просидеть в одном и том же служебном кресле, послевоенные чиновники уже могли надеяться на относительную прочность своего положения в рамках номенклатуры в целом. В свою очередь, эти условия способствовали дальнейшему укреплению патрон-клиентских отношений, несмотря на то, что формирование команд чиновников вокруг региональных руководителей официально осуждалось.

Причем, наряду с клиентарностью по горизонтали – на региональном уровне, развивались вертикальные связи между местными, в нашем случае курскими, руководителями и московскими чиновниками, в том числе сращивание региональных и ведомственных интересов. Эта тенденция была зафиксирована, например, в ходе кампании против премиривания местных

---

⁴⁰ ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004. С. 10.

руководителей министерствами и хозяйственными ведомствами, проведенной в августе-сентябре 1946 г.

В принятых тогда решениях говорилось, что «практика премирования, получения подачек, наград приводит к неправильным взаимоотношениям между партийными и хозяйственными органами, по существу носит характер подкупа, ставит партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей, приводит к отношениям семейственности и связывает парторганизации в критике недостатков в работе хозяйственных организаций»⁴¹.

Очевидно, однако, что выдача премий была лишь вершиной более сложных процессов. С одной стороны, она отражала сращивание различных ветвей советской бюрократии, что усиливало позиции «номенклатуры» и ее независимость. С другой стороны, так называемые «премии», а также многочисленные факты «хозяйственного обрастания» местных руководителей (строительство личных домов, получение больших гонораров в местных издательствах, приобретение дорогостоящих дефицитных вещей и т.д.) можно рассматривать как зародыш тех процессов «материализации» политической власти, номенклатурной приватизации государственных ресурсов, которые стали общим явлением в последний период советской истории и на этапе постсоветского развития.

Несомненно, одним из важнейших каналов информирования центра и властных структур были органы государственной безопасности. Еще на завершающем этапе Великой Отечественной войны партийно-государственное руководство страны решило восстановить ослабленный на время борьбы с немецко-фашистскими захватчиками тотальный контроль за духовной жизнью советского общества. По мере удаления линии фронта в освобожденных районах Советского Союза восстанавливались органы власти и управления. Возобновили свою деятельность областные, городские и

---

⁴¹ Цит. по: ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945-1953. М., 2004. С. 10.

районные подразделения государственной безопасности, которые в дальнейшем работали как обычные территориальные органы. К сожалению, после обозначившегося перелома в Великой Отечественной войне перед чекистами была вновь поставлена задача контроля над политическими настроениями населения и борьба с антисоветскими высказываниями и намерениями отдельных советских граждан.

О задачах, решаемых чекистскими органами Курской области в сфере обеспечения прав человека и гражданина в послевоенный период, дает перечень названий информации, направленных ими в первой половине августа 1946 г. председателю облисполкома Волчкову:

- «О настроениях населения и вражеской работе антисоветских элементов в связи с засухой в Курской области»;
- «Об антисоветских проявлениях в связи с уборочной кампанией, хлебопоставками и засухой»;
- «О вскрытой и ликвидированной вражеской группе в системе Курского Облветуправления»⁴².

Проводившиеся в послевоенные годы проверки выявили многочисленные факты разложения партийно-советского аппарата, особенно в сельских районах: местные работники чинили произвол и беззаконие, расхищали общественные земли, занимались «самоснабжением»: шли аресты и обыски у колхозников. Одновременно рабочие выражали недовольство повышением пайковых цен, что в условиях сохранения карточек на продукты питания нанесло серьезный удар по семейному бюджету.

Мыслящая часть общества начала всерьез задумываться над проблемами текущего бытия, над судьбами социализма в стране. Импульс критического переосмысливания опыта прошлого и настоящего зародился в первую очередь в интеллигентской среде, и в тот момент сохранившей, пусть не полностью, традиции и дух свободомыслия. Анализ критических настроений конца 1940-х гг. показывает, что в целом они отражали

---

⁴² АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1946 г.0.Л.36.

неприятие методов управления периода войны в мирных условиях, равно как и диктата производственных интересов, пренебрежения духовным и социальным потребностям человека. Война закончилась – трудности, неустроенность жизни остались. Любые санкционированные сверху действия, направленные на выявления «врагов» и «злых людей» встречали в массах, скорее понимание, нежели осуждение. Так создавался своеобразный «предел перемен», к которым были подготовлены и которые могли поддержать тогда «низы». Высший же эшелон руководства оставался при этом вне критики.

Настроение «новых людей» в руководстве смыкалось с ростом критического настроения снизу, отражая устремление части общества на поведение реформ – независимо от представлений об их содержании. дальнейшее углубление этой тенденции существенно расходилось с интересами административной системы: логика процесса обновления в конце концов подвела бы к осознанию необходимости не частичных, а коренных изменений в общественной жизни. И система включила защитные механизмы. Последовала серия чрезвычайных мер. С руководящих постов устранялись люди, известные своими более или менее радикальными взглядами, проводилась чистка и на местах.

В 1948–1952 гг. в значительной степени пострадали и те, кто просто не спешил встать в ряды «согласных». По многим партийным и советским кадрам нанесло удар «ленинградское дело», аналогичный разгром готовился и в Московской партийной организации. «Суды чести» над инакомыслящими, «дело врачей», многочисленные «дела» молодежных групп, травля ученых и писателей под флагом борьбы с космополитизмом, т.е. в ход была пущена машина страха, преследования, расправы, которая, получив импульс однажды, уже продолжала работать едва ли не сама по себе⁴³.

---

⁴³ Аксенов Ю., Зубкова Е. Предвестие перемен. Летопись десятилетий: 1947–1956 // Литературная газета. 1989. 11 июня. С.14.

Первым значительным политическим событием в жизни страны после окончания войны стали состоявшиеся в феврале 1946 г. выборы в Верховный Совет СССР. Изучение отношения населения региона к выборным кампаниям, его поведение во время выборов позволили выявить широкий комплекс массовых политических настроений.

Отношение населения к выборам наиболее наглядно продемонстрировало наличие в советском обществе как бы двух мнений – официального и неформального. В официальной обстановке (на собраниях, в беседах с агитаторами и т.д.) люди, как правило, высказывали одобрение политике партии и в основном поддерживали выдвинутых кандидатов. Несмотря на то, что большая часть подобных выступлений была организована и соответствующим образом проконтролирована, они в то же время могли быть и результатом вполне искренних убеждений

Однако положительный спектр оценок не отражал всей совокупности мнений, высказанных в связи с предвыборной кампанией. Среди наиболее часто встречающихся критических суждений – сомнение в демократическом характере выборов, обоснованности расходов на их проведение в условиях общего снижения уровня жизни в стране, а также опасения штрафных санкций со стороны власти⁴⁴.

На протяжении всего рассматриваемого нами периода критика избирательной системы постоянно присутствовала как одна из составляющих антисоветских разговоров. 16 декабря 1951 г. в день выборов народных судей в урне для голосования на избирательном участке с. Игино Верхне-Любажского района Курской области была обнаружена листовка следующего содержания:

«Прочти. Отдавая свои голоса, мало кто из нас сознательно это делает. Всех нас заставляет кара этого же проклятого суда. В советском суде сидят люди, в которых собраны самые отрицательные черты человечества, которые за деньги и другие подачки виновных оправдывают, а безвинных судят.

---

⁴⁴ Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. С. 8.

По их статьям виновным может быть тот, кто зарезал своего собственного поросенка и взял в карман ржи, омытой своим потом, этим оно дают 8–10 лет.

Наш призыв, а нас не мало, вычеркнуть их к черту»⁴⁵.

За написание этой листовки 7 апреля 1953 г. был осужден к 10 годам лишения свободы Шалов Н.М., 1933 г. рожд., комсомолец, учащийся. Шалов обжаловал приговор, отрицая свою виновность. Проведенная в ходе доследования криминалистическая экспертиза не подтвердила авторства Шилова, и 19 сентября 1953 г. он был освобожден, а дело против него прекращено⁴⁶.

Одной из отличительных особенностей публично выраженных интересов основной массы населения можно считать повышенное внимание к вопросам внешней политики по сравнению с проблемами внутренними. Этот интерес к проблеме международной жизни, с одной стороны, объяснялся влиянием комплекса «военной угрозы» – желанием получить доказательства невозможности нового военного конфликта. С другой стороны, внешнеполитические проблемы казались более нейтральными с точки зрения опасности задеть круг так называемых запретных тем и «провокационных» вопросов.

Мысли о возможности нового военного конфликта в сознании людей были тесно связаны с пережитой трагедией во время войны прошедшей. Отсюда – «прощение властям всех непопулярных решений, если они оправдывались стремлением избежать нового военного столкновения. Это настроение народа активно использовалось властью и работавшей на власть пропагандистской машиной: из недавних союзников формировался образ врага, а миф о враждебном окружении дополнялся мифом о наличии «пятой колонны» внутри страны. Иллюзия совместного противостояния внешним и внутренним врагам работала ни идею единства народа и власти. Эта

---

⁴⁵ ГАРФ. Ф.Р-8131. Д39849.Л.5.

⁴⁶ Крамола: Инакомыслие при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. – М., 2005. – С.199.

иллюзия, даже несмотря на наличие массовых критических настроений, не позволила этим настроениям перерасти в открытый конфликт между народом и властью⁴⁷.

Изучение информационно-аналитических материалов органов госбезопасности позволяет сделать вывод, что они имели далеко не ведомственный характер, охватывали значительный объем вопросов, входивших в компетенцию партийных и советских структур, отраслевых наркоматов. Организация информационной работы советских спецслужб и в послевоенный период была нацелена на получение полных и достоверных сведений по широкому и четко определенному кругу проблем. Однако архивные документы региональных управлений безопасности свидетельствуют о том, что руководство этого силового ведомства чутко улавливало смену настроений в ЦК ВКП (б) и в ряде случаев дозировало направляемую информацию. Проводившиеся тогда проверки выявили многочисленные факты разложения партийно-советского аппарата, особенно в сельских районах: местные работники чинили произвол и беззаконие, расхищали общественные земли, занимались «самоснабжением»: шли аресты и обыски у колхозников. Одновременно рабочие выражали недовольство повышением пайковых цен, что в условиях сохранения карточек на продукты питания нанесло серьезный удар по семейному бюджету.

Как показывает советский опыт, партийно-советской номенклатуре удавалось в целом успешно решать свои проблемы за счет населения, не вызывая массового недовольства и протеста. Отношение населения региона к подобным мероприятиям в 1940-е – начале 1950-х гг. доказывает, что авторитет власти, прежде всего верховной, был относительно высок, и народ вполне сознательно шел на жертвы, поддерживая даже непопулярные решения руководства. Помимо эмоциональной реакции на те или иные экономические мероприятия власти люди выступали с конкретными

---

⁴⁷ Советская жизнь. 1945- 1953. М., 2003. С.9-10.

предложениями по совершенствованию экономической модели, изменению ценовой политики, практики управления и т.д.

Партийно-государственный аппарат следил за тем, чтобы все крупные политические кампании проходили под лозунгом «всенародного одобрения». Поэтому в условиях жесткого контроля способом выживания становилась аполитичность или показная, ритуальная политическая активность. В реальности людей, прежде всего, волновали нужды текущего бытия, а не интересы «большой политики». Сводки вопросов, заданных аудиторией во время обсуждения очередного партийно-правительственного постановления, доказывают, что многие из них совсем не касались предмета обсуждения, а снова и снова возвращались к проблемам повседневности – положению на потребительском рынке, жилищной проблеме, работе коммунальных служб и так далее. Повседневность, задачи элементарного выживания заслоняли политику.

Но иногда «политика» выступала на передний план – и тогда крестьяне высказывались по проблемам языкознания, шахтеры осуждали «несознательных» философов и все вместе возмущались «формалистическим течением» в музыке. Организуя все эти кампании, чиновники обязательно ссылались на «общественное мнение», а точнее «голос народа». Естественно, что право голоса представлялось тем представителям народа, мнение которых полностью совпадало с официальной точкой зрения.

Высказывать открыто свою точку зрения, если она противоречила официально принятой, было рискованно – причем в ряде случаев не только для карьеры, но и для жизни. Тем не менее, подобные мнения – пусть и единичные – все же существовали, а официальные и добровольные доносчики докладывали о них соответствующим инстанциям.

Вместе с тем и в послевоенные годы власти не всегда удавалось добиваться полного общественного консенсуса, и брожение умов, распространение инакомыслия в различных слоях общества тоже стоит отнести к реалиям послевоенного времени. Это инакомыслие далеко не

всегда носило политический характер, что наиболее наглядно демонстрировало поведение послевоенной молодежи.

Манипулируя общественным мнением в своих политических целях, власть постоянно заботилась и о создании собственного позитивного имиджа. При этом активно использовались существующие в массовом сознании устойчивые стереотипы (архетипы) восприятия власти, прежде всего верховной. Верховная власть в глазах народа должна была ассоциироваться с инстанцией высшей справедливости, где каждый «маленький человек» может найти правду и защиту от притеснений. Поэтому верховная власть, персонифицированная в фигуре вождя, отделяла себя от всякой другой, даже внешне демонстрируя свою избранность. Она была доступна и непостижима одновременно. Каждый мог апеллировать наверх в надежде быть услышанным, минуя всех и всяческих посредников – напрямую к Сталину. Но это было обращение не к человеку, а к живому символу веры – в ту же высшую справедливость.

Вместе с тем миф о «высшей справедливости» в лице верховной власти надо было подпитывать чем-то конкретным. «Голос народа», аккумулированный в тысячах письмах, идущих наверх, должен был быть услышан. И тогда из этого хора отбиралось несколько голосов, которым и выпадало право быть услышанными. Так работал механизм обратной связи, призванный продемонстрировать на деле заботу власти о благе народа. Слух к «голосу народа» у власти всегда был избирательным. К власти апеллировали даже те, кто когда-то был «обижен» ею, хотя именно у этой категории граждан было меньше всего шансов попасть в число тех, к кому власть прислушивалась

В период советской истории со смерти Сталина до смещения Хрущева сложилась новая социальная реальность, т.е. ситуация, при которой в обществе все отчетливее обозначилась невозможность удовлетворения старыми способами прежней потребности. Новые потребности, выросшие из нереализованных ожиданий, породила, в первую очередь, Великая

Отечественная война. Со смертью Сталина окончательно рухнули иллюзии, а значит, должна была измениться и стратегия выживания, т.е. видение окружающего мира, его оценки.

Существенную роль в данном процессе эмансипации мировоззрения советских людей сыграли предпринятые шаги ключевых фигур «коллективного руководства» – Берия, Маленкова, Хрущева. Мотивы их были прозрачны – жажда власти, однако на этом временном отрезке они способствовали корреляции умонастроений и психологической ориентации людей. Март 1953 г. вызвал легализацию борьбы за власть, которая давно уже велась в ближайшем окружении Сталина. дальнейшие шаги советского коллективного руководства были очень противоречивы: каждое действие порождало противодействие, причем самого же руководства. Вот эта непоследовательность, неоднозначность, незавершенность прямо таки являлись благодарнейшей почвой для развития, и затем оформления инакомыслия и диссидентства.

Движение Хрущева к вершинам власти сопровождалось углублением процесса десталинизации. В основе антисталинской деятельности лежало не столько личное мужество или антитоталитарное мышление постсталинского руководства, сколько вполне реалистичный анализ действительности и трезвый политический расчет, помноженный на отсутствие на тот момент общепреемлемого для всех партийного курса. XX съезд явился побудительным моментом в развитии инакомыслия, формирования будущих диссидентов.

Свой вклад в изменение общественного сознания внесла и реабилитация жертв необоснованных политических репрессий. Несмотря на то, что реабилитация имела свои ограничения, обусловленные желанием сохранить историко-идеологическую базу советского государства (незаконными признавались лишь репрессии 1940–1950-х годов, «чистки» считались необходимыми в тех условиях), она явилась важной составной частью диссидентства 1960–1970-х годов.

Тоталитарная система предполагает монолитность общества. Поэтому, диссидентству закономерно было отказано в праве на существование. Сложность ситуации заключалась в том, что советское руководство опасалось возврата к прежним сталинским методам репрессивной политики, с одной стороны, с другой, вынуждено было оглядываться на мнение Запада, который стремился использовать внутренние советские противоречия в своих целях.

Главный итог послесталинского периода состоял в том, что в это время на уровне советского руководства была провозглашена и в некоторой степени реализована практика выражения своего несогласия. Хотя по-прежнему, легитимного права для выражения оппозиционных настроений не предоставлялось, а нелегальное недовольство являлось преступлением, тем не менее, инакомыслие все же реально получило предоставленную властью возможность для своего существования и оформления. Но все же инакомыслие оставалось вне закона.

Власть боролась с оппозицией, с одной стороны, методами прямого силового воздействия, с другой – идеологическими средствами для создания необходимого общественного мнения в плане дискредитации движения. Были созданы специальные подразделения в структуре КГБ именно для «работы» с инакомыслящими. Советская юридическая наука акцентировала внимание на общих причинах правонарушений в социалистическом обществе. К ним относилась, прежде всего, враждебная деятельность империалистических стран, разлагающее влияние буржуазной идеологии, резкое отставание сознания отдельных членов социалистического общества от развития материальных условий жизни. Данное положение получило свое развитие в курсе советского уголовного права. Преступления, совершавшиеся инакомыслящими, как правило, квалифицировались как особо опасные, обладающими исключительно высокой общественностью, под которыми признавалось общественно опасное умышленное деяние, направленное на подрыв или ослабление советского общенародного

государства, государственного или общественного строя и внешней безопасности СССР, совершенное в целях подрыва или ослабления советской власти.

Таким образом, политический контроль пронизывал все сферы жизнедеятельности населения страны, в том числе и Центрального Черноземья.

Таким образом, система политического контроля, который являлся неотъемлемым элементом советского государства, возглавлялась правящей Коммунистической партией, и значительное место в ней отводилось органам безопасности, действовавшим опять таки в соответствии с указаниями высшего партийного руководства.

В условиях существовавшей в СССР однопартийной системы и при наличии одной господствующей идеологии, политика компартии реализовывалась как государственная политика. В силу сложившейся политической системы партия и государство подчиняли все общество, все политические институты, всю политическую систему и политический режим своей политике. Добивались, чтобы все и каждый были едино мыслящие и едино действующие, устанавливали контроль над осуществлением этой политики, преследовали тех, кто выходил за рамки коммунистической идеологии. Любая альтернативная мысль, даже если она была «коммунистической» по сути и «работала» на социализм, преследовалась и наказывалась.

Политический контроль можно объективно оценить только в контексте, с одной стороны, общеполитической обстановки в стране, во-вторых, на основе оценки методов его осуществления, соотношений их с правами и свободами человека и гражданина. Поэтому неправомерны как однозначное оправдание его общеполитической обстановкой в стране или влиянием международного фактора, так и его связи исключительно с элементами тоталитаризма. Но в любом случае в политическом контроле проваляется насилие над гражданином, попранием его прав и свобод.

В определенной мере можно говорить, что советское государство и фактически стоявшая у власти ВКП (б) – КПСС вынуждены были устанавливать жесткий политический контроль над теми социальными слоями общества или отдельными гражданами, которые или не поддерживали советскую систему, или критически относились к ее отдельным элементам. Но система политического контроля, формы его осуществления противоречили общедемократическим нормам, действия властей фактически были направлены на административно-уголовное преследование инакомыслящих. Например, система политического просвещения в СССР широко использовалась именно как инструмент государственного контроля над умами и настроениями населения. При этом, проводившиеся всякого рода проверки политических знаний фиксировали не просто незнание советскими людьми марксистско-ленинской теории или практики социалистического строительства, но и вели к навязыванию ярлыков, отнесения ряда граждан страны к политически неблагонадежным.

В системе политического контроля в послевоенный период значительное место занимала деятельность партийного аппарата и органов госбезопасности по сбору информации о поведении и настроениях различных социальных групп советского общества. В результате высшее руководство страны располагало огромным количеством разнообразных материалов о повседневной жизни, образе мыслей жителей страны. При этом имели место существенные изъяны подаваемой верхам информации: ее субъективизм, отсутствие научной обработки, излишний оптимизм в оценках положения в стране, настроениях масс, присутствующий в документах партийных комитетов, напротив, чрезмерное муссирование темы враждебного окружения, его происков в сводках, поступающих из органов политического надзора. Но в целом, информация, поступающая по каналам политического контроля, в немалой степени влияла на формирование внутривнутриполитического курса советского правительства и региональных властей.

1.2 СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Политический контроль является вполне закономерным явлением в системе взаимоотношений между государством и обществом. Это легальная деятельность государственных структур, направленная на получение информации о настроениях граждан, восприятия ими действий правительства страны в экономической или политической сфере. Вне зависимости от формы правления, власть никогда не является самоцелью для властной элиты. Власть осуществляется в соответствии с интересами различных социальных групп или всего народа в целом. В этом случае политический контроль становится каналом между гражданами и властью, что позволяет последней корректировать свой курс в соответствии с настроениями социума⁴⁸.

Сущность политического контроля объективно отражает то обстоятельство, что проведение политического контроля закономерно обусловлено сложным характером взаимодействия государства и общества. Петербургский историк В.С. Измозик характеризует политический контроль как систему регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских групп и организаций. Политический контроль всегда включает несколько основных элементов: сбор информации, принятие решений, учитывающих настроения социальных и национальных групп и призванных воздействовать в нужном для властей направлении, а также политический сыск (розыск) и репрессии при наличии угрозы (реальной или мнимой) государству и

---

⁴⁸ Павлухин Д.В. Комсомол в системе политического контроля: 1934 – 1938 гг. На материалах Воронежской и Тамбовской областей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С.3.

обществу⁴⁹. В диссертационном исследовании мы в значительной мере ориентируемся на данную формулировку.

В организации и деятельности системы исполнительно-распорядительных органов государства, к которым относятся и правоохранительные структуры, исключительно важную роль играют вопросы правового регулирования. От того, насколько научно обоснована, правильно выработана и закреплена законом их структура, четко обозначены задачи, основные направления, формы и методы деятельности, подотчетность и подконтрольность соответствующим органам власти и управления, во многом зависит выполнение возложенных на них функций⁵⁰. Это наглядно подтверждает история советского государства. Не отрицая серьезных извращений и ошибок в работе органов, обеспечивавших политический контроль в СССР, прежде всего органов госбезопасности и внутренних дел, следует иметь в виду, что их деятельность регламентировалась законодательными актами верховной власти.

Понятие «нарушение прав человека» в годы советской власти несло чаще всего лишь идеологическую нагрузку и имело отношение, к западным странам. Тем самым, исследователи лишались возможности объективно рассматривать природу и характер соблюдения прав гражданина и личности в советском обществе, а любого несогласного с политическим режимом официальные власти объявляли едва ли не «агентом империализма».

Априори считалось, что в годы советской власти против построения «подлинно народного государства» могут выступать лишь враги и отщепенцы. Понятие «инакомыслие» имеет общепринятую смысловую нагрузку – несогласие, расхождение с официальной идеологией. Доктор исторических наук А.А. Данилов дал определение дефиниции «инакомыслие» в более широком смысле плане. Инакомыслие – это общественное явление, выражающееся в особом мнении меньшинства

---

⁴⁹ Измозик В.С. Политический контроль и сыск: методологические аспекты // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С.10.

⁵⁰ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1998. С.3.

общества по поводу официальной или господствующей идеологической, политической, экономической, идеологической системы, этических и эстетических норм, составляющих основу жизни данного общества⁵¹.

По мнению А.А. Данилова на российское инакомыслие решающее воздействие оказали два момента – гипертрофированная роль государства и менталитет наших соотечественников, и прежде всего таких его особенностей, как подчинение людей власти, но сохранение при этом собственного мнения; природное смирение россиян и при этом жесточайшие расправы над представителями власти во время бунтов; самопожертвование; отрицание ценности личности; несоблюдение принятых законов; отчуждение власти от общества; коллективизм.

Термин «диссидентство» обозначает лишь часть иного мировоззрения, а именно его высшую ступень – активное последовательное несогласие с той или иной позицией, занятой властью по какому-либо вопросу, с официальными идеологическими установками, взглядами общества, отдельных его групп, подтверждающее себя действиями и поступками, имеющее, как правило, организованную форму проявления и носящее легальный характер (последнее, впрочем, не всегда обязательно). В отличие от дефиниции «диссидент», термин «нонконформист» определяет несогласие на ситуативно-бытовом уровне, что естественно, не следует сводить лишь к «кухонному» протесту. Нонконформизм, как начальная стадия отличия от массового сознания, – условие и залог более высоких форм иного мировоззрения. Но при этом надо помнить о том, что каждый диссидент – нонконформист, но далеко не каждый нонконформист – диссидент⁵².

За исключением тех форм инакомыслия, что принимают социально опасный характер, диссидентство в правовых государствах существует достаточно свободно. Более того, «право» на инакомыслие напрямую следует из основных положений либерализма, прежде всего из безусловного

---

⁵¹ Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917 – 1991 гг. М., 1997. С.5.

⁵² См.: Советский Энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1983. С.396.

признания субъективных прав свободной личности, в том числе и права на свое собственное видение мира. Реализация данного права происходит в самом широком диапазоне: парламенте, политических партиях, различных общественных движениях, неформальных группах и пр. Это имеет очень серьезное практическое значение, поскольку происходит взаимная цивилизованная корреляция интересов, проектов, устремлений различных социальных групп или классов между собой, а также в лице общественного мнения, между властью и обществом в целом, что позволяет до определенной степени избегать нагнетания социальной напряженности в обществе, обеспечивать свободу мировоззрений⁵³.

В демократическом государстве, гражданском обществе закон существует не только для граждан, но и для государства. В РСФСР – СССР руководители страны не признавали правовое государство, считая это изобретением буржуазии. Примат отдавался революционной целесообразности. Неслучайно, выступая 4 ноября 1929 г. в Институте советского строительства и права один из представителей верховной власти Л.М. Каганович объявил понятие правового государства буржуазным и неприемлемым для советского государства: «Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие правового государства к советскому государству, то это означает, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»⁵⁴.

Именно советская система и ее политический режим создали условия, когда за политический анекдот и собранную жменю брошенных колосков человек мог быть подвергнут политическим репрессиям.

В отличие от конституционно-плюралистических государственных структур, тоталитаризм как принцип организации жизнедеятельности общества не нуждается в инакомыслии как в способе взаимоотношений ни

---

⁵³ Королева Л.А. Власть и лиссидентство (1950 – 1980-е гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С.6.

⁵⁴ Цит. по: Хаустов В.Н. Развитие советской спецслужбы. 1917–1941 // Исторические чтения на Лубянке. М., 1997. С.76.

между различными слоями, ни тем более между обществом и государством. В тоталитарном обществе диссидентство имеет антагонистический по отношению к существующей системе или ее отдельным элементам характер. Даже в том случае, если оно опирается на общее с режимом идейное основание. В этом случае инакомыслие в глазах власти выступает как ересь, раскольничество и ревизионизм, что все равно само по себе очень опасно. В условиях мифологизации общественного сознания, т.е. упрощенного и одновременно целостного мировосприятия, инакомыслие расценивалось и со стороны обывателей, как отклонение, аномалия, с которыми необходимо бороться, поскольку данный феномен таит в себе скрытую опасность⁵⁵.

Единой идеологии инакомыслия в СССР не было, но была одна особенность: вместо того, чтобы отвергать законность режима, политическая оппозиция требовала строго соблюдения Конституции, советских законов, подписанных международных соглашений. Понятие «диссидентское движение» рассматривается в более широком смысле, чем «движение за права человека». Под «диссидентством» исследователь данной проблемы Л.А. Королева понимает сочетание инакомыслия и инакодействия, оно не подразумевает конкретной политической ориентации. Это совокупность мыслей и поступков, не соответствующих идеологии, нормам и ценностям советского общества, направленных на изменение или, в крайнем случае, подрыв советской системы⁵⁶.

Спецификой советского инакомыслия являлось то, что его носители в большинстве своем были «детьми» социалистического строя. Именно это и вынуждало власть задумываться о том, что корни инакомыслия следует искать или внутри системы, что отрицалось в принципе, или где-то вне ее, т.е. интерпретировалось как происки мирового империализма.

Исследованные законодательные и нормативные основы организационно-правового обеспечения правоохранными органами

---

⁵⁵ Королева Л.А. Власть и диссидентство (1950 – 1980-е гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С.6–7.

⁵⁶ Королева Л.А. Власть и диссидентство (1950 – 1980-е гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С.7.

политического контроля в отношении российских граждан позволили выявить основные направления их реализации в регионе. Система тотального государственного контроля над личностью и обществом была в основном утверждена в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. с помощью карательных методов. В механизме контроля над обществом «тайная полиция» выполняла функцию исполнителя воли властных структур в ограничении доступа огромной массы людей к информации, в том числе культурно-исторического характера. Ведь одновременно ожесточались и расширялись функции цензуры: на Главлит и Главрепертком были возложены функции политико-идеологической цензуры.

В 1930-е гг. репрессивная политика в советском обществе была стержневой линией, определяющей отношение партийно-государственного руководства к деятелям культуры и искусства как политику «кнута и пряника». В роли «пряника» выступали торжественные обещания и любовь вождей, премии и звания. В лице органов госбезопасности карательная политика проявлялась в разных видах административного, судебного и несудебного насилия. При отсутствии демократии деятельность по созданию и распространению духовных ценностей подвергались беспощадному организационно-политическому давлению. Все ее формы и все ее стадии становились предметом неусыпного контроля, детального регулирования, постоянного вмешательства со стороны партийных и идеологических организаций.

Конституция СССР 1936 г. закрепила создание своеобразной, но исторически оказавшейся неизбежной модели нового строя. Провозглашение ликвидации эксплуатации человека человеком, признание политической основой СССР Советов депутатов трудящихся, предоставление всем гражданам независимо от пола и национальности основных демократических прав и свобод, введение прямого равного избирательного права были с глубоким одобрением восприняты подавляющим большинством населения Центрального Черноземья. Вполне реальными для советских граждан были

такие конституционные социальные права как право на труд, право образование, право на бесплатное здравоохранение и так далее. В то же время, Основной закон страны был удивительным по своей двойственности документом. В частности, к реальной жизни многие ее статьи, связанные главным образом с демократическими правами населения, не имели никакого отношения.

Отказ от всякой самостоятельности в политической сфере, слепое подчинение любым директивам, перестраховка, боязнь ответственности стали массовыми чертами повседневного общественного поведения. Более того, постоянное присутствие страха в обществе, подчиненном необъятной личной власти, способствовали прямому росту политической безнравственности. Доносы, клевета, наушничество и оговоры вошли в обиход общественной жизни, стали частью быта советских людей. Сверх того при отсутствии демократии деятельность по созданию и распространению духовных ценностей подвергались беспощадному организационно-политическому давлению. Все ее формы и все ее стадии становились предметом неусыпного контроля, детального регулирования, постоянного вмешательства со стороны партийных и идеологических организаций, правоохранительных структур.

К началу 1940-х гг. открытых проявлений инакомыслия в Советском Союзе в целом и в Центральном Черноземье в частности фактически уже не было. К этому же времени максимально раскручивается маховик репрессий, с помощью которого велась уже не столько борьба с инакомыслием как таковым, сколько профилактика его возможности возникновения. Это определило массовый характер репрессий, затронувших как многих противников режима, так и представителей социальных слоев, потенциально опасных для него. Государственные репрессии стали фактором, унифицировавшим многие тенденции общественного развития и обусловившим специфику отечественной истории рассматриваемого периода.

В годы Великой Отечественной войны правовыми актами высших органов государственной власти и управления, регулировавшими осуществление политического контроля в стране, являлись постановления Государственного Комитета Оборона СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, совместные постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б), постановления СНК СССР. Сталин в мае 1945 г. отмечал: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–42 гг. Иной народ мог бы сказать, правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь... Но русский народ не пошел на это»⁵⁷. Тем не менее, даже справедливые суждения об ошибках и упущениях власти расценивались как пораженческие, паникерские, а к тем, кто их высказывал, применялись суровые меры. На самом деле, паникерскими или пораженческими их назвать нельзя. Один из курских рабочих летом 1941 г. публично заявил, что пойдет защищать советскую землю, но не тех, кто сидит в Кремле⁵⁸.

О том, что власти ожидали возможных волнений населения в годы войны, свидетельствует тот факт, что при постановке задач для истребительных батальонов ГКО в июле 1941 г. в качестве одной из основных назвал борьбу с возможными контрразведывательными выступлениями. Приняты были и меры по усилению идеологического контроля. В частности, у населения были изъяты радиоприемники, сданные затем на хранение в местные отделения связи. Для фильтрации поступающей информации было создано Советское информационное бюро (Совинформбюро).

После обозначившегося перелома в Великой Отечественной войне перед чекистами была вновь поставлена задача контроля над политическими настроениями населения и борьба с антисоветскими высказываниями и намерениями отдельных советских граждан. Как считают исследователи

---

⁵⁷ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза М., 1946. С. 196–197.

⁵⁸ АУФСБ РФ КО.Ф.4 отд. УНКВД по Курской области. Оп.1.Д.6.Т.1.Л.16.

истории отечественных спецслужб В.Н. Хаустов и В.П. Наумов, в годы войны не могла измениться карательная направленность органов госбезопасности, которые являлись составной частью сложившейся жестокой, основанной на насилии бюрократической системы. За годы Великой Отечественной войны политической контрразведкой были раскрыты тысячи так называемых антисоветских контрреволюционных организаций. Десятки тысяч людей были необоснованно репрессированы за несогласие с политикой Сталина⁵⁹.

За годы войны неуклонно рос удельный вес лиц, заключенных в лагеря по ст. 58 УК РСФСР:

1941 г. – 28,7% от 1500524 осужденных;

1942 г. – 29,6% от 1415596;

1943 г. – 35,6% от 983974;

1944 г. – 40,7% от 663594;

1945 г. – 41,2% от 715506 осужденных⁶⁰.

Согласно статистическим данным на 1 октября 1944 г. только сотрудниками УНКГБ по Курской области было арестовано 13 552 человека, в том числе 381 агент немецких разведывательных органов, 12 898 активных фашистских пособников и предателей, 273 человека разного антисоветского элемента⁶¹. Многие из так называемых «активных пособников» и «антисоветчиков» на сегодня реабилитированы, что еще раз говорит о тотальном государственном контроле власти над гражданами, стремлении «свалить» свои ошибки и просчеты на представителей собственного народа.

Чем дальше продвигались на запад советские воины, тем больше становилось спецлагерей и работы у военной контрразведки. Теперь уже проверялись не только бывшие пленные, но и все население, прошедшее через оккупацию. Со вступлением советских войск за пределы СССР к этому «спецконтингенту» прибавились также и угнанные в неволю советские

---

⁵⁹ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – 1946. М., 2006. С.6.

⁶⁰ Цит. по: Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С.47.

⁶¹ АУФСБ РФ КО. Ф.4 отд. УНКВД по Курской обл. Оп.1.Д.5.Л.69.

граждане (в основном молодежь). Они проверялись как репатрианты (кстати, в анкетах вплоть до 1991 г. фигурировали графы о нахождении в плену или репатриации). Позже через спецлагеря были пропущены даже бывшие узники фашистских лагерей смерти. После окончания войны, в мае 1945 г. Сталин приказал создать еще 100 лагерей на 10 тыс. чел. В каждом для «приема» бывших военнопленных и репатриантов. Этой проверкой были заняты все те же органы «Смерш», НКВД, НКГБ⁶².

Решением ГКО от 18 августа 1945 г. бывшие военнопленные были отнесены к категории спецпереселенцев и направлены для работы в наиболее тяжелые для жизни и труда районы Крайнего Севера. В директиве МВД СССР от 20 апреля 1946 г. №97 отмечалось, что им необходимо «...особое разъяснить, что за измену Родине они должны нести более суровое наказание, но в связи с победой над Германией, советское правительство по отношению к ним сделало снисхождение, ограничившись переводом их на спецпоселение». «Гуманность» властей проявилось в том, что к бывшим военнопленным могли выезжать на постоянное жительство их семьи. Наряду с военнопленными и другими категориями «опальных» граждан репрессии были обрушены, как и прежде на членов их семей⁶³.

После победы над руководством органами госбезопасности, по мнению ряда исследователей, довлело желание приблизить свое ведомство к образу НКВД СССР, безраздельно господствовавшего в стране перед войной. Как следствие, реанимировалась система поиска и подавления инакомыслия, формирования образа врага, создавались предпосылки для возврата к репрессивным методам деятельности спецслужб⁶⁴. Наиболее ярко в рассматриваемый период это проявилось в необоснованном возбуждении дел в отношении граждан СССР, находящихся в плену или на оккупированной территории. К марту 1946 г. 2 427 906 репатриантов было направлено к месту

---

⁶² Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С.45.

⁶³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С.136–137.

⁶⁴ См.: Воронцов С.А. Спецслужбы России. Ростов н/Д, 2008. С.361.

жительства, 801 152 – на службу в армию, а 608 095 было зачислено в рабочие батальоны наркомата обороны⁶⁵.

В июне 1946 г. была отменена директива НКВД и Прокурора СССР №221 от 22 июня 1941 г. о задержке освобождения осужденных из мест заключения. Однако в отношении еще оставшихся в живых «кадровых троцкистов, меньшевиков, эсеров и т.п.» было предложено продолжить их содержание в лагерях, а затем направить в вечную ссылку.

В ноябре 1948 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому для выселенных в годы войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других уточнялось, что их высылка проведена навечно, без права возврата к прежним местам жительства. За самовольный выезд из мест обязательного поселения предусматривалось направление на каторгу на 20 лет⁶⁶.

Война, как отметила Е.Ю. Зубкова, привнесла в общественное сознание известную переоценку довоенного периода, идеализировав его, окрасив в радужные тона памятных праздников и общего энтузиазма. Определенный настрой на жизнь после победы сформировался еще в военное время. Поэтому мирная жизнь на освобожденных от оккупантов советских территориях многими воспринималась достаточно просто, – как возврат к тому, что было до войны. Реальность же была такова, что ни сразу после освобождения (что, в общем, понятно), ни после Победы, ни в первые послевоенные годы даже не слишком притязательные ожидания людей не спешили реализовываться. Наступление «мирной жизни» все больше оттягивалось, решение социальных проблем откладывалось, все конкретнее и требовательнее звучал вопрос: «Как жить дальше?»⁶⁷.

---

⁶⁵ Шамаев В.Г. Во имя спокойствия и безопасности державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края. Воронеж, 2008. С.465.

⁶⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С.124–125.

⁶⁷ Зубкова Е.Ю. После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель»/ История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства М, 1991. С.286.

В силу своих служебных и функциональных обязанностей сотрудники НКГБ–НКВД обеспечивали охрану руководящих партийных и советских работников, важнейших общественно-политических мероприятий, включая встречи иностранных делегаций, а также отслеживали политические настроения населения и их реакцию на те или иные события. Так, 14 мая 1945 г. УНКГБ по Курской области направило докладную записку секретарю обкома ВКП (б) П.И. Доронину «О политических настроениях отдельных групп населения города в связи с приездом в Советский Союз К. Черчилль, жены премьер-министра Великобритании У. Черчилль, и посещением ею Курска»⁶⁸. Естественно, к этому событию городские власти тщательно готовились, наводили порядок в центральной части областного центра, проводили инструктаж работников тех учреждений, которые должны были посетить К. Черчилль и сопровождавшие ее лица. В этой связи спецслужбы в своей информации посчитали необходимым привести слова учителя одной из городских школ Феофилова: «Нам дали указание, чтобы все молчали или говорили лишь хорошее. Можно только восхвалять Советскую власть, а жаловаться нельзя». Его коллега Булгакова внесла дополнение: «Масленникова уже отдала распоряжение не пускать на Ленинскую улицу нищих, чтобы жена Черчилля их не видела». Им вторит бухгалтер Тимонин: «У нас все основано на обмане и хвастовстве. Горсовет к приезду леди Черчилль хочет показать, что мы живем богато, а сотрудники все сидят полуголодные, оборванные». Учительница Букреева была более решительная: «Надо подсказать Черчилль, что смотреть, а не туда идти, куда поведут. Она узнала бы, что баня не работала всю зиму, света нет, трамвай не ходит». По мнению студентки 3 курса фельдшерской школы Воронежской «У нас слишком много показного. Госпоже Черчилль показали детдом и больницу, а до этого их подготовили. На самом деле, разве так содержатся в них дети?».

Озлобленность, звучавшая в некоторых высказываниях, была связана,

---

⁶⁸ АУФСБ РФ КО. Ф.10.Оп.1.Д.6 (1945 г.).Л.23-29.

безусловно, и с царившей разрухой, и с голодом, и с усталостью от войны. Как, например, заявление инженера облстройтреста Петровой: «Черчилль была вместе с женой Молотова, для них устроили банкет, специально готовили колбасы, окорока. Много зря затрачено денег». Служащие горсовета Токарева и Евлаева выразились категоричнее: «Черчилль в гостях у курян, а работникам горсовета обед не приготовили: все голодные, а верхи пьянствуют». Подводя итоги визита, сотрудники горсовета подчеркнули, что «Черчилль ничего в Курске за час не видела. Посетила пять зданий, заранее подготовленных, где ее встречали коврами на лестницах, цветами. Такое и представление о городе у нее сложится, если она не обратила внимание на вид стоявшей полуоборванной толпы, ремонтировавшей тротуар».

Скептические отнеслись некоторые куряне и к обмену сувенирами. «Черчилль преподнесли подарки: вышитые рейтузы и альбом. Выкинет она все это в окно при выезде из Курска», – обронила во время приема в горсовете его сотрудница Говорова. Чекисты сорвали попытку бывшей иранской подданной Воротановой, проживавшей на оккупированной территории, два брата которой, как она считает незаконно, репрессированы органами НКВД, передать письмо К. Черчилль, в котором она просит высокую гостью «заехать в тюрьму, до отказа переполненную. Такое же положение по всему СССР – стране поработанных».

Все упоминавшиеся в докладной записке куряне, нелюбезно отзывавшиеся о поведении местных городских властей в связи с визитом высокой гостьи, были взяты чекистами в оперативную разработку.

В целом, Великая Отечественная война сумела изменить общественно-политическую атмосферу, сложившуюся в СССР в 1930-е гг. Сама экстремальная обстановка на фронте и в тылу заставляла людей мыслить творчески, критически воспринимать действительность, действовать самостоятельно, принимать на себя ответственность в решающий момент. Кроме того, война пробила «железный занавес», которым страна была отгорожена от остального, враждебного ей, мира. Участники европейского

похода Советской Армии (а их было почти 10 млн. человек), многочисленные репатрианты (до 5,5 млн.) воочию увидели тот буржуазный мир, о котором они знали исключительно из пропагандистских материалов, «разоблачавших» его пороки. Отношение к личности, уровень и образ жизни в этих странах и в СССР настолько разнились, что не могли не посеять сомнений у оказавшихся в Европе советских людей в правильности оценок, звучавших в устах пропагандистов, в целесообразности пути, по которому шла страна все эти годы. Подобно освободительному походу русской армии 1813–1814 гг., пробудившему в крестьянстве надежды на падение крепостничества, победа советского народа породила в крестьянстве надежды на роспуск колхозов, в интеллигенции – на ослабление политического диктата, в союзных республиках (особенно в Прибалтике, Зап. Украине и Белоруссии) – на изменение национальной политики. Даже в среде обновившейся в годы войны партийно-государственной номенклатуры зрело понимание неизбежности, а главное, необходимости перемен⁶⁹.

В 1946 – 1947 гг. в ходе закрытого обсуждения проекта новой Конституции СССР, Программы и Устава ВКП (б) были высказаны весьма характерные предложения, направленные на относительную демократизацию режима: о ликвидации специальных судов военного времени, освобождения партии от функций хозяйственного управления, ограниченного срока пребывания на руководящей партийной и советской работе, об альтернативных выборах и т.п.

«Демократический импульс» войны проявился и в возникновении целого ряда антисталинских молодежных групп, в том числе и Центральном Черноземье (г. Воронеж)⁷⁰. Недовольство высказывали и те офицеры и генералы, которые, проявив лучшие командирские качества и почувствовав вкус свободы в годы войны, оказались после ее окончания все теми же «винтиками» в коммунистической машине.

---

⁶⁹ Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С.47–48.

⁷⁰ См.: Калкутин Д.Л. Деятельность молодежной оппозиции в СССР (1945 – 1960 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000.

Власть была обеспокоена подобными настроениями. В борьбе с ними в немалой степени ей помогало то, что абсолютное большинство населения Советского Союза воспринимало победу в войне как победу Сталина и возглавляемой им системы. Поэтому в стремлении подавить возникшее социальное напряжение режим пошел по двум направлениям: с одной стороны, по пути декоративной демократизации, а с другой – укрепления тоталитарного режима и прежним пренебрежением к правам человека.

После войны при реорганизации НКВД СССР Центральный комитет ВКП (б) взял на себя функции высших органов государственной власти и управления, свидетельством чего стало постановление ЦК ВКП (б) «О работе МГБ СССР» от 20 августа 1946 г., сформулировавшее задачи органов госбезопасности⁷¹. Следует признать, что возложение на МГБ несвойственных госбезопасности функций охраны общественного порядка, борьбы с общеуголовными преступлениями в определенной мере снижало уровень контрразведывательной работы, отвлекало контрразведывательные аппараты от решения главных задач по борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб иностранных государств и их агентуры на территории СССР.

Система ГУЛАГа достигла своего апогея именно в послевоенные годы, т.к. к сидевшим там с середины 1930-х гг. «врагам народа» добавились миллионы новых. Один из первых ударов пришелся по военнопленным Красной Армии, большинство из которых (около 2 млн.) после освобождения из фашистской неволи были направлены в сибирские и ухтинские лагеря. Туда же были сосланы «чуждые элементы» из Прибалтийских республик, Западной Украины и Белоруссии. По разным данным в эти годы «население» ГУЛАГа составляло от 4,5 до 12 млн. чел. Расширилась и география «архипелага»: от безводных пустынь Средней Азии до Северного Ледовитого океана; от Соловков и Коми до Магадана⁷². Однако в отличие от 1930-х гг.

⁷¹ Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ МВД – КГБ. 1917 – 1991. М., 2003. С.140.

⁷² Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С.49.

власти более «бережливо» относились к бесплатной рабочей силе заключенных, хотя и в эти годы смертность среди них была весьма велика, особенно среди бывших военнопленных. Не имея возможности выполнять нормы выработки, они получали с каждым разом все меньше пищи, и многие, не выдерживая этого, умирали.

В 1948 г. были созданы лагеря «специального режима» для осужденных за «антисоветскую деятельность» и «контрреволюционные акты», в которых использовались особо изощренные методы воздействия на заключенных. Не желая мириться со своим положением, в ряде лагерей политические заключенные устраивали восстания, проходившие порой под политическими лозунгами. Самыми известными из них стали выступления в Печере (1948 г.), Салехарде (1950 г.), Кингире (1952 г.), Экибастузе (1952 г.), Воркуте (1953 г.) и Норильске (1953 г.).

Наряду с политзаключенными в лагерях после войны оказалось немало тех тружеников, которые не выполняли существующие нормы выработки. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. местным властям было предоставлено право выселять в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве.

Опасаясь возросшей в ходе войны популярности военных, Сталин санкционировал арест маршала авиации А.А. Новикова, генералов П.Н. Поведелина, Н.К. Кириллова, ряда сослуживцев маршала Г.К. Жукова, которому были предъявлены обвинения в сколачивании группы недовольных генералов и офицеров, неблагодарности и неуважения к Сталину. Репрессии затронули и часть партийных функционеров, особенно тех, что стремились к самостоятельности и большей автономности от центральной власти. В начале 1948 г. были арестованы почти все лидеры Ленинградской партийной организации: всего было арестовано около 2000 человек. Спустя некоторое время были отданы под суд и расстреляны 200 из них, в том числе Председатель Совмина России И. Родионов, член Политбюро и Председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, секретарь ЦК ВКП (б) А. Кузнецов.

«Ленинградское дело» должно было стать суровым предостережением всем, кто хоть в чем-то мыслил иначе, чем «вождь народов» и официальная пропаганда.

Последним из готовившихся процессов стало «дело врачей» (1953 г.), обвиненных в неправильном лечении высшего руководства, повлекших смерть ряда видных деятелей партии и государства. «Расстрельный» приговор по делу должен был послужить сигналом к новому витку массовых репрессий⁷³.

Однако репрессии послевоенных лет отличались от массовых репрессий 1937–1938 гг. В середине 1930-х гг. вся карательная политика государства была направлена на борьбу с несуществующим в стране антисоветским подпольем: остатками свергнутых буржуазных классов: бывших политических партий и организаций; с так называемыми троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и их сторонниками, с «социально опасными элементами»; церковниками, сектантами и прочими «враждебными элементами». Линия политического руководства ВКП (б) и государства во главе со Сталиным и его ближайшим окружением заключалась в ликвидации на территории СССР так называемой «пятой колонны» – широкой сети «шпионско-диверсионных и террористических резидентур» разведок иностранных государств, «троцкистско-зиновьевских и правотроцкистских организаций и групп». Таким образом, острие правоохранительных органов, прежде всего НКВД СССР, куда входили и органы госбезопасности, направлялось вовнутрь страны.

Репрессии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. носили, как подчеркивал В.В. Коровин, иной характер⁷⁴. Их корни лежали не только в личности Сталина, его мнительности и подозрительности, но и карьеризме, амбициозности руководителей спецслужб (Берия, Абакумов, Меркулов и др.), которые, зная черты личности Сталина и его характер, умело играли на

---

⁷³ Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С.50.

⁷⁴ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1998. С.59–60.

этом, преследуя свои честолюбивые и карьеристские цели. Какой-либо почвы для антисоветских выступлений после Победы в стране не было. Тем не менее, жертвами репрессий в 1947–1953 гг. стали почти 6,5 млн. человек⁷⁵.

Кампания против космополитизма в СССР – важнейшее звено в серии политико-идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х годов, инициированных и направляемых высшим партийным руководством страны. Исторические источники показывают, что эта кампания не ограничивалась антисемитизмом, а была направлена, прежде всего, на подавление творческой самостоятельности интеллигенции. Кампания способствовала нагнетанию антизападных настроений в обществе в условиях развернувшейся «холодной войны». Сталин воспользовался кампанией против космополитизма, чтобы ужесточить свою внутреннюю и внешнюю политику и произвести очередную перетасовку партийно-государственных и общественных кадров.

В рассматриваемый период постановления партии по идеологическим вопросам публиковались в центральных периодических изданиях и перепечатывались в местных газетах (например, «Курская правда»), главным образом, «в изложении», то есть в неполном, урезанном виде.

Так, при публикации постановления Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г., полностью опубликованном уже в постсоветское время, от общественности скрыты были 9 из 13 пунктов постановления, содержавшие так называемые «оргвыводы» – пункты о смещении одних и назначении других партийных работников, об усилении партийного контроля над литературным процессом.

Сложившаяся практика являлась попыткой замаскировать репрессивный, карательный характер этого и аналогичных постановлений по идеологическим вопросам, которые служили партийно-политическим обоснованием для проведения испытанными большевистскими методами

---

⁷⁵ Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С.50.

«проверочно-мордобойной работы» (термин И.В. Сталина)⁷⁶ в том или ином учреждении или организации, а нередко – с привлечением Комиссии партийного контроля ЦК ВКП (б) и Министерства государственной безопасности СССР. В результате не только лишали работы неугодных властям людей, обрекая их на тяжкие материальные и моральные невзгоды, но и заводили на них дела в партийном и судебном порядке. Инициатива, как правило, исходила от спецслужб и аппарата ЦК. В ходе, например, развернувшейся в конце января 1949 г. в партийной печати открытой, публичной стадии кампании против космополитизма с ее акцентом на антисемитизм решениями Секретариата от работы в ЦК, в Академии общественных наук и Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б) были освобождены работники-евреи М.А. Шамберг, Е.Н. Городецкий, Б.М. Лейбзон, Д.И. Заславский, Е.С. Варга, М.М. Розенталь и другие⁷⁷.

Изучение источников показало, что число запротоколированных партийных решений, начиная с самых высших инстанций, было «ничтожно в сравнении числом непрерывно даваемых указаний, устных и телефонных, нигде не зафиксированных, но неизменно выполняемых»⁷⁸. Установка на секретность исходила от Политбюро ЦК ВКП (б) и лично Сталина: «секретным и зашифрованным»⁷⁹ считалось все, что было связано с именем Сталина.

Наряду с секретностью в работе Агитпропа ЦК (Отдел пропаганды и агитации ЦК) ВКП (б) широко практиковалась скрытность, распространявшаяся на все, о чем говорилось и что делалось в партийных коридорах власти. Например, грязную работу по кадровой чистке выполняли по его указке или низовые партийные организации, или руководители учреждений и организаций, издательств, редакций и т.п.

⁷⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.: Сб. документов. М., 1995. С.211–212.

⁷⁷ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. С.6.

⁷⁸ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С.394.

⁷⁹ Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. №3. С.14.

Обоснованием политико-идеологических кампаний послевоенного времени, в ряду которых была и кампания против космополитизма, стала давняя концепция соревнования «двух систем», трансформировавшаяся в годы «холодной войны» в концепцию борьбы «двух лагерей», возглавляемых соответственно СССР и США. В развернутом виде она была представлена в директивном докладе «О международном положении»⁸⁰, с которым выступил А.А. Жданов на совещании при создании преемника Коминтерна – Коминформа. Обвинив США в проведении курса на установление мирового господства, Жданов сделал упор на обострение идеологической борьбы, стараясь одновременно опровергнуть утверждения, что линия идейного противостояния в мире прилегла между западной демократией и советским тоталитаризмом. Г.М. Маленков, выступая на том же совещании, оправдывая политику конфронтации с капиталистическим Западом, подчеркивал необходимость борьбы против проявлений «раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной» в среде «некоторых неустойчивых слоев» советской интеллигенции, представители которых, по его словам, «станутся пищей для иностранных разведок»⁸¹.

В партийной интерпретации, сражение на «идеологическом фронте» развернулось по многим направлениям: против «остатков» буржуазных взглядов и воззрений среди советских людей, против не критической оценки «реакционной» буржуазной культуры, против «отступлений» от марксизма-ленинизма в науке, литературе и искусстве, против «проявлений низкопоклонства» перед буржуазным Западом⁸². Таким образом, сохранялась большевистская ставка на продолжение и усиление классовой борьбы, как в национальном, так и в международном масштабе.

Откровенно репрессивные политико-идеологические кампании внутри страны наряду с начавшейся конфронтацией с недавними западными союзниками СССР по Антигитлеровской коалиции бросали тень на итоги

---

⁸⁰ Правда. 1947. 22 октября.

⁸¹ Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 78–80.

⁸² История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 7-е. М., 1984. С. 512.

Второй мировой войны, резко снижали их позитивный потенциал. Репрессии против творческой интеллигенции, вдохновленной идеалами гуманизма и свободы периода войны против фашизма; антизападничество, особенно ярко проявившееся в кампании против космополитизма; антисемитизм, поднятый на государственный уровень, – все это означало на деле пересмотр демократических последствий Великой Победы.

Ярким примером секретности и скрытности, окружавшей процесс принятия решений, как о начале, так и об окончании открытой, публичной, антисемитской стадии кампании против космополитизма, что отличает ее от предшествующего и последующих периодов, когда эта кампания развивалась в не столь вызывающей форме, а шла по давно апробированным аппаратным канонам. Речь идет о периоде между 28 январем 1949 г. и двадцатыми числами марта 1949 г., когда эта кампания приобрела характер откровенного проявления государственного антисемитизма. Если и есть некая интрига, своего рода загадка, связанная с темой кампании против космополитизма в Советском Союзе после окончания Второй мировой войны, то она связана как раз с этими первыми месяцами 1949 г.

Наряду с другими изменениями война привела и к увеличению неподконтрольных «верхам» идейных и политических движений, в том числе и национальных. Началась ревизия истории национальных отношений в России и СССР, в ходе которой любые национальные движения рассматривались как реакционные и вредные. Усилилось и давление на национальные отряды интеллигенции, традиции и культуру «малых народов». Так, с 1951 г. началась критика национального эпоса мусульманских народов как «клерикального и антинародного».

Особого размаха национальная нетерпимость достигла в отношении представителей еврейской нации. Еще в годы войны был создан Еврейский антифашистский комитет (во главе его стоял выдающийся актер С. Михоэльс). После войны он превратился в центр национального объединения. Представители комитета в беседах с официальными лицами

предлагали создать еврейскую автономию в Крыму или Поволжье. Однако эти усилия были представлены властями как свидетельство «проамериканского сионистского заговора». Михоэлс в 1948 г. был убит агентами МГБ. С ноября 1948 г. начались аресты членов антифашистского комитета, еврейских интеллигентов, обвиненных в «космополитизме». В мае – июле 1952 г. состоялся закрытый судебный процесс, приговоривший лидеров комитета к расстрелу.

Первые послевоенные годы характеризовались формированием политического курса, связанного с коррекцией приоритетов хозяйственного развития в сторону производства товаров народного потребления и попытками укрепления денежной системы. В этой связи для нас важен вывод Р.Г. Пихоя о том, что команда Жданова-Вознесенского смогла добиться определенных положительных результатов в экономической области, в числе которых были названы отмена карточной системы, проведение денежной реформы и некоторое усиление товарно-денежных отношений в стране⁸³.

Война внесла коррективы в проводимый властью идеологический курс. Причем влияние уроков войны в этой сфере оказалось еще более значительным. Послевоенный период характеризуется усилением диктата властей над различными областями научной и культурной жизни. Хорошо известна целая серия идеологических постановлений ЦК ВКП (б) второй половины 1940-х гг.: «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере Мурадели «Великая дружба» и др. Они дали сигнал к публичной травле целого ряда деятелей культуры: А.А. Ахматовой, М.М. Зощенко, Э.Г. Казакевича, Ю.П. Германа, С.С. Прокофьева, А.И. Хачатуряна, Д.Д. Шостаковича, С.М. Эйзенштейна, В.И. Пудовкина...

Гонения на творческую интеллигенцию являлись хорошо продуманной политикой. На переломных рубежах истории ее представители были самым чувствительным «генератором» идей, которые проникали в массы и

---

⁸³ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти: 1945–1991 гг. М., 1998. С.62.

овладевали ими, превращались в реальную политическую силу. Именно интеллигенция смогла подвести общество к пониманию необходимости его обновления.

В августе 1946 г. был создан новый журнал «Партийная жизнь», призванный взять под контроль развитие культуры, которая, по мнению партийных чиновников, страдала «идеологической вялостью, появлением новых идей и иностранных влияний, подрывающих дух коммунизма»⁸⁴. Широкое наступление против «западного влияния» на развитие отечественной культуры на деле означало наступление на свободомыслие и любые проявления творческой самостоятельности интеллигенции, о возвращении безраздельного партийно-политического контроля над ней.

Усиление идеологического контроля коснулось не только интеллигенции, но и всего советского общества в целом. Большое количество простых советских граждан участвовало в освободительном походе против фашизма по многим странам Европы. Впервые, оказавшись в другом мире, советские люди получили возможность сопоставить жизненные реалии двух систем. Сравнение, как правило, оказывалось не в пользу СССР. Данное обстоятельство хорошо понимали власти, рассматривая их как основу, где могли формироваться протестные процессы.

Вместо дискуссий и анализа пропагандистская машина изобретала все новые методы идейного контроля, значительно обновляя идеологический инструментарий власти. Новой существенной чертой в идеологической жизни послевоенных лет стал акцент на борьбу с проявлениями преклонения и низкопоклонства перед Западом. Подобные тенденции начали прослеживаться еще в конце 1930-х гг. В Великую Отечественную войну сталинский режим осуществил переход с сугубо классового подхода на патриотическую риторику, объявив битву с фашизмом общенациональным, а не классовым делом. После войны патриотические мотивы приобрели ярко выраженный характер, став официальной идеологией системы. «У нас еще не

---

⁸⁴ Цит. по: Данилов А. А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С. 51.

все освободились от низкопоклонства и раболепия перед Западом, – говорил В.М. Молотов, – не освободившись от этих позорных пережитков, нельзя быть настоящим советским гражданином»⁸⁵.

Пропагандистская машина разрабатывала новые методы проведения в жизнь патриотической тематики, воздействия на людей с целью не допустить отклонений от заданных идеологических координат. Новым орудием для реализации этих политических установок явились «суды чести». Их создание декларировалось постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 28 марта 1947 г. На эти общественные образования, структуры которых были заимствованы из царской армии, возлагалось «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков и действий, совершенных руководителями, оперативными и научными работниками министерств и центральных ведомств»⁸⁶. В 1947–1948 гг. общественные судилища были организованы в министерстве высшего образования СССР над известным генетиком А.Р. Шербаком, в комитете по делам архитектуры при СМ СССР над профессорами Д.Е. Арниным, А.В. Буниным и др. Признанным виновными грозил в лучшем случае общественный выговор или общественное порицание, а в худшем – увольнение с работы или даже направление «дела» следственным органам для возбуждения уголовного преследования⁸⁷.

Суть введения таких судов заключалась в том, что подсудимым мог оказаться любой работник, заподозренный в низкопоклонстве перед Западом. Однако «суды чести» недолго были инструментом проведения в жизнь идеологии патриотизма, борьбы с «западничеством». Уже в 1949 г. Сталин отказался от их использования, вновь приступив к подготовке очередной репрессивной кампании, эпицентром которой стало «ленинградское дело».

---

⁸⁵ Правда. 1947. 7 ноября.

⁸⁶ Источник. 1994. №6. С.69.

⁸⁷ Наринский М.М. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т.2. М., 1997. С.107.

Достаточно конкретную характеристику сталинской эпохи дал академик РАН Ю.А. Поляков: «Патологическое властолюбие, сжимающая сердце и души беспощадность, презрение к человеческим судьбам, цинизм и коварство, вера во всесилие волевых решений, поразительное умение выдать поражение за успех, а любую удачу представит как величайшую победу – все это наложило неизгладимый отпечаток на формы и методы социалистического строительства, на характер построения социализма, на общественно-политическую жизнь»⁸⁸.

Таким образом, политический контроль над жизнедеятельностью населения СССР и Центрально-Черноземного региона в рассматриваемый период имел под собой организационно-правовые основы, разработанные и постоянно «совершенствуемые» исполнительно-распорядительными структурами советского государства. Деятельность органов госбезопасности и внутренних дел, осуществлявших политический контроль, регламентировалась законами и нормативными актами, очень часто носившими «закрытый» характер, при этом документы имели гриф секретности.

Система государственного политического контроля была сформирована в СССР 1930-е гг. и имела ярко выраженный карательный характер. Политические репрессии унифицировали многие тенденции развития советского общества в целом и обусловили специфику исследуемого периода. Великая Отечественная война привнесла в общественное сознание известную переоценку довоенного времени, вызвала общий энтузиазм, надежды на перемены, которые, однако, не были реализованы ни социальной, ни в политической сферах. Власть, с одной стороны, предлагала «декоративную» демократизацию, с другой – укрепляла режим, пренебрегая необходимостью соблюдать прав человека и гражданина. В 1948 г. были созданы специальные лагеря для «антисоветчиков», местные власти получили право выселять в отдаленные районы страны тех, кто, по их

---

⁸⁸ Поляков Ю.А. Исторический процесс многомерен // Вопросы истории КПСС. 1988. №9. С.29.

мнению, уклонялся от работы. Сохранялась ориентация на усиление классовой борьбы, как в национальном, так и международном масштабе. Послевоенный период характеризуется усилением диктата партии и государства над различными областями научной и культурной жизни, итогом которого стало появления целого ряда постановлений, носивших ярко выраженный идеологический характер. Значительно обновился пропагандистский инструментарий власти, изобретались все новые методы политического контроля с целью не допустить отклонений от заданных идеологических координат. С течением времени задача борьбы с согражданами, критически относящимися к внутренней и внешней политике компартии и правительства становилась основной в деятельности советских спецслужб.

После смерти Сталина советская власть отказалась от безумной инквизиторской концепции, по которой признание обвиняемого считалось «царицей доказательств» и которая в свое время проложила путь к массовым беззакониям и репрессиям. Обязательным требованием стал сбор основных доказательств (свидетельские показания, вещественные и письменные доказательства, заключения экспертиз и т.п.). Важным шагом стало упразднение различных специальных органов, как например, Особого совещания при МВД СССР, подменявших собой суд, а также ликвидация так называемого «исключительного порядка» расследования и судебного рассмотрения дел о вредительстве, террористических диверсиях и диверсиях.

Власть меньше стала злоупотреблять законом, но сам закон не стал от этого более справедливым. Восстанавливались нормы «социалистической законности», но сама законность по-прежнему была «социалистической» - жестокой и противоречивой. Провозглашенная в Конституции СССР 1936 года свобода слова, митингов и собраний фактически отменялась статьей 58 УК РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик о «контрреволюционных преступлениях», а меры наказания, предусмотренные этой статьей, по-прежнему были сопоставимы

только с наказаниями за самые тяжкие уголовные преступления (убийства, изнасилования и т.д.).

Но Центральный Комитет и карательные органы всего лишь «восстановили» дух и букву жестоких советских законов против любых проявлений оппозиционности. Действительная суть либерализации заключалась в том, что советские граждане, в отличие от сталинских времен, могли теперь прогнозировать последствия своих действий, власть более или менее ясно давала понять, за что и при каких обстоятельствах инакомыслие может привести на скамью подсудимых. Предсказуемые «правила игры» во взаимоотношениях власти и населения – вот то новое, что пришло на смену сталинскому режиму, хотя сама природа режима не изменилась.

Простое высказывание любых альтернативных официальным взглядам по-прежнему трактовалось как опасное государственное преступление. Власть ни на йоту не расширила пространство для высказывания альтернативных взглядов, но ликвидировала риск уголовного преследования для тех, кто не выходил за рамки дозволенного. Эта новая социальная ситуация могла восприниматься как освобождение только по сравнению с временами сталинского террора, когда даже лояльность к власти не давала человеку почти никаких гарантий.

Показательно, что власть никогда не стремилась к установлению полной ясности в «правилах игры». В известном смысле некоторая размытость юридических границ – постоянная зона риска для личности – как раз входила в «правила игры», держала в напряжении, повышала тревожность и возбуждала страх и мнительность у потенциальных оппозиционеров. Режим же сохранял возможность при необходимости и по собственному политическому произволу обрушить удар репрессий на ту или иную социальную группу.

Таким образом, важнейшим новшеством послевоенной действительности в репрессивно-карательной деятельности властей стал постепенный отказ от судебных преследований и уголовного наказания

подавляющего большинства людей, вставших на путь антисоветской деятельности, и все более широкое распространение практики мягкого давления на потенциальных оппозиционеров, так называемое профилактирование. Обычно замеченного в инакомыслии вызывали в органы государственной безопасности для «беседы», в ходе которой подозреваемого «отечески» запугивали возможными последствиями продолжения его антисоветской деятельности и отбирали подписку о полученном им «предупреждении».

Политический контроль тесно связан с политическим сыском и использованием репрессией в отношении экстремистки настроенной антиправительственной части населения. Важной составляющей любого государства является защита основ существующего строя. Поэтому общество вынуждено санкционировать использование скрытых секретных форм политического контроля в защитных целях. Если в демократических режимах эта негативная сторона политического контроля ограничивается законодательно, то в тоталитарных режимах его скрытая сторона не ограничивается рамками закона, приобретает произвольный и тотальный характер. Здесь на первый план выходит именно репрессивная сущность политического контроля. Последний направлен на подавление всякого рода оппозиционных мнений и проявлений инакомыслия.

Глава 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (вторая половина 1940-х – первая половина 1970-х годов)

2.1 ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-е годы

Война изменила жизненный статус многих людей и привела к появлению таких групп людей, как репатриированные, эвакуированные, мобилизованные. Возникшие в чрезвычайных военных условиях, они должны были после войны вернуться к прежнему образу жизни. Однако не всегда желания людей находили понимание со стороны властей. Расхождение интересов становилось источником потенциальных и реальных социальных конфликтов

После войны партийно-государственное руководство страны решило восстановить ослабленный на время борьбы с немецко-фашистскими захватчиками тотальный контроль над духовной жизнью советского общества. Возобновили свою деятельность областные, городские и районные подразделения государственной безопасности, а перед чекистами была вновь поставлена задача контроля над политическими настроениями населения и борьбы с «антисоветскими высказываниями и намерениями отдельных» советских граждан.

Советское общество, вышедшее из войны, было охвачено противоречивыми настроениями, полюса которых определяла эйфория победы и невиданная ранее величина утрат. Влияние каждого из этих полюсов на формирование послевоенной общественной атмосферы не поддается статистическому измерению, но можно попытаться восстановить приоритетные тенденции в развитии массовых настроений, т.е. определить психологический вектор жизнедеятельности общества. В этом смысле

послевоенное общество можно идентифицировать как социум, ориентируемый на выживание. Способность выжить в экстремальной ситуации первых послевоенных лет поддерживалась как послевоенным оптимизмом и порожденными им надеждами, так и необходимостью противостоять послевоенным трудностям – бытовой неустроенности, голоду, болезням, преступности и т.д. В этих сложных условиях советское общество продемонстрировало высокую жизнеспособность, что свидетельствовало о его больших мобилизационных возможностях.

В качестве наиболее острых, по объективному ощущению современников, проблем послевоенной повседневности выступали продовольственный кризис, черный рынок, отсутствие жилья, недостаток одежды и обуви, обострение криминальной ситуации.

По-разному выстраивали собственную стратегию выживания жители промышленных центров и колхозники Черноземья. Особенностью настроений послевоенной деревни можно считать рост антиколхозных настроений. Сводки о настроениях населения, а также другие источники свидетельствуют, что в 1945 г. слухи о возможном роспуске колхозов были распространены в различных областях страны. Часть крестьянства верила в то, что инициатива роспуска колхозов исходит от центральной власти, непосредственно от Сталина, но большинство все-таки склонялось к мысли, что со стороны Сталина – это мера скорее вынужденная, предпринятая по требованию союзников – Англии и Америки.

В то же время не вся деревня была охвачена радикальными настроениями. Раздавались голоса и в пользу перестройки колхозной системы в направлении большей хозяйственной самостоятельности и ослабления налогового бремени. Были у колхозов и свои защитники, которые настаивали на укреплении колхозной системы и распространении ее на те области страны, где еще сохранялось индивидуальное хозяйство.

Наше внимание привлек следующий документ. В июле 1945 г. инструктор Сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП (б) И.М. Шульпин по

результатам своей командировки в Курскую область подготовил докладную записку на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкова «Об обстановке в колхозах и необходимости оживления партийно-массовой и культурной работы в деревне»⁸⁹.

По мнению инструктора ЦК партии, «длительное пребывание на территории Курской области немецких оккупантов, насаждающих всеми средствами чуждую нам идеологию, засоренность колхозов и специалистов сельского хозяйства людьми находящимися на служении у захватчиков – все это усложняет политическую обстановку колхозной деревни. Проявляется это, прежде всего, в усилении частнособственнической стихии. Несмотря на то, что в 1944 году в области не раз занимались вопросами приведения размера усадеб колхозников в соответствии с уставом сельхозартели, в этом году имеет место новая вспышка захвата колхозниками колхозных земель».

По данным Курского облземотдела проведенный в июне 1945 г. обмер усадеб в 26 районах области выявил прирезку земли в размере 1264 гектаров у 18605 хозяйств колхозников и единоличников. В отдельных районах захват колхозных земель стал массовым явлением. В Красно-Яружском районе, например, излишки приусадебных участков обнаружены у 765 хозяйств, что составило 125 к общему количеству хозяйств в районе, в Кривцовском районе таких хозяйств имелось 872 (14%), в Солнцевском районе – 2471 (24%), в Скороднянском районе – 5234 (58%). Во многих районах излишки на приусадебных участках в среднем на один двор составляли 0,10–0,12 и даже 0,15 гектара.

Нездоровым явлениям в колхозах способствовали также слухи о ликвидации колхозов, которые летом 1945 г. широко распространялись среди курских колхозников. Разговоры о том, что «Англия и Америка предъявили нашему правительству ультиматум: или распустите колхозы или пойдем на Россию войной; что в Сан-Франциско Молотов сначала отказался

---

⁸⁹ Советская жизнь. 1945–1953: Сб. документов. М., 2003. С.215–218.

ликвидировать колхозы, а потом вернулся и согласился; что американцы будут проверять с самолета, верно ли, что колхозы распущены, поэтому сейчас вводят индивидуальную сдельщину, чтобы обмануть союзников»⁹⁰. Эти слухи, по мнению партийных органов, активизировали частнособственнические стремления в деревне и снижали трудовую дисциплину.

Как подчеркивалось в докладной записке на имя Г.М. Маленкова, «...больше всего разговоров о ликвидации колхозов можно встретить в юго-западных и западных районах Курской области, то есть в тех районах, которые дольше всего находились под немецким влиянием и где сильно развито сектантское движение, которое так активно насаждалось оккупантами. Подпольные сектанты делятся на несколько групп (стефановцы, борисовцы и т.п.), но общее между ними то, что они считают советскую власть и колхозы порождением антихриста и ведут с ними активную борьбу».

Бригада ЦК партии отметила заметный рост влияния церкви в области, в том числе и на молодежь, которая регулярно справляла религиозные праздники, причем в престольные праздники сельчане иногда гуляли по два-три дня.

Государственная политика по отношению к деревне первых послевоенных лет убедила крестьянство в том, что надежды на ликвидацию колхозов или хотя бы облегчение налогового пресса оказались очередной иллюзией. Изменения в настроениях крестьянства фиксируют сводки и письма, в которых в течение 1946 – 1947 гг. тема роспуска колхозов вообще исчезла. Ее заслоняет другая проблема – продовольственный кризис и голод.

Первые симптомы продовольственного кризиса, последствия которого пришлось пережить как городским, так и сельским жителям, заявили о себе в сентябре 1946 г., когда были повышены пайковые цены, т.е. цены на продукты, отпускаемые по карточкам. Согласно официальным сообщениям,

---

⁹⁰ Советская жизнь. 1945–1953: Сб. документов. М., 2003. С.613.

основная масса населения страны встретила известие о повышении цен «с пониманием». Если судить по характерным высказываниям на этот счет, «понимание» народа основывалось даже не столько на вере и убеждении, что «партия и товарищ Сталин не желают зла народу». Судить о степени распространенности подобных суждений довольно трудно, поскольку высказывались они, как правило, в официальной обстановке, на собраниях и, возможно, были заранее подготовлены. Однако есть сведения, что сходные мнения звучали и в частных разговорах.

Вместе с тем убеждение в том, что «другого пути нет», не являлось всеобщим. Напротив, высказывались мнения, в том числе и публично, что «правительство идет по неправильному пути». В связи с реформой пайковых цен часто звучали опасения, что эта мера вызвана военной угрозой, необходимостью подготовки к новой войне.

Как бы там ни было, продовольственный кризис не был разрешен и после 1947 г., когда была отменена карточная система и проведена денежная реформа.

Важным моментом для понимания особенностей повседневной жизни людей, а также системы взаимоотношений между обществом и властью, является отношение населения к политике государства в области финансов, снижению или повышению цен, денежным реформам, государственным займам и т.д. Так, с помощью ценовой политики, партийно-государственный аппарат в состоянии манипулировать общественным мнением, формируя соответствующие общественные настроения: в этом смысле положительная общественная реакция на снижение цен всегда прогнозируема. Как следует из Информационной сводки сектора информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП (б) о коммерческой торговле по сниженным ценам от 8 марта 1946 г.,⁹¹ по сообщениям обкомов партии, в т.ч. и Центрального Черноземья, снижение цен на продовольственные товары в коммерческой торговле повсюду встречено населением с большой радостью.

---

⁹¹ РГАСПИ.Ф.17.Оп.88.Д.694.Л.54-57.

На предприятиях, в учреждениях, магазинах торговой сети трудящиеся выражают благодарность советскому правительству и лично товарищу Сталину.

С началом торговли по сниженным ценам в 250 городах страны было открыто более 600 коммерческих магазинов. Снижение цен вызвало значительный приток покупателей во все предприятия коммерческой торговли (магазины, рестораны, чайные и пр.). Особенно большие очереди за хлебом и хлебобулочными изделиями имели место в первые дни торговли по сниженным ценам. Например, в Горьком очереди за хлебом достигали 600 человек, в Москве – до 500 человек. Очереди не сокращались вплоть до закрытия магазинов. Большие очереди наблюдались в Сталинграде, где хлеба в магазинах хватало лишь на 2 часа торговли. В Свердловске в очередях скапливалось от 100 до 300 человек. Такое же положение отмечалось и в Воронеже. По мнению партийных функционеров причины образования очередей коренились в недостаточной торговой сети и неподготовленности хлебозаводов и пекарен к расширению выпечки хлеба и хлебобулочных изделий.

Серьезной причиной, вызывающей большое скопление покупателей в очередях, являлся недостаток фондов муки. В частности, по подсчетам отдела торговли Воронежского обкома ВКП (б), отпущенный фонд муки в размере 418 тонн в месяц был недостаточен, и для удовлетворения потребности населения в хлебе требуется увеличить этот фонд до 1000 тонн. Кроме того, созданию очередей способствовал повсеместно наблюдавшийся большой наплыв покупателей из сельских районов. По наблюдениям «информаторов» Воронежского обкома партии, в очередях у коммерческих магазинов до 4–5 часов дня преобладало сельское население.

Обращает на себя внимание то, что в первый день торговли по сниженным ценам в Калуге и Курске имели место факты, когда многие трудящиеся не могли получить хлеб, причитавшийся им по карточкам. Так, жители Калуги недополучили по карточкам 3,5 тонны хлеба; в Курске вместо

42 тонн хлеба, необходимых для отоваривания карточек, 26 февраля 1946 г. было выпечено лишь 38 тонн.

При этом важно отметить, что до отмены карточек снижение цен касалось только коммерческой торговли. В связи с упразднением системы нормированного снабжения в декабре 1947 г. снижения цен распространились на всю государственную торговлю и стали ежегодными. Обычно об очередном снижении цен объявлялось 1 марта или 1 апреля. Последнее снижение цен было проведено 1 апреля 1954 г.⁹²

Гораздо труднее, чем позитивные отклики на снижение цен, партийно-государственному аппарату было добиться общественной поддержки при проведении различных мероприятий, сопровождающихся потерей части средств населением. Например, при размещении государственных займов или при проведении денежной реформы.

Государственные займы являлись важной статьей доходов государственного бюджета: в 1948 г. на долю займов приходилось 24 процента доходов госбюджета, в 1952г. – 42 процента⁹³. В послевоенные годы были выпущены так называемые Государственные займы восстановления и развития народного хозяйства – первого (1946 г.), второго (1947 г.) и третьего (1948 г.) выпусков.

Займы распространялись среди населения по специальной подписке, которая, несмотря на декларацию ее добровольного характера, являлась по сути обязательной. Тем не менее составители Информационной сводки Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП (б) «О ходе подписки на Третий государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР»⁹⁴ от 4 мая 1948 г. подчеркивали, что по сообщениям местных партийных органов размещение займа проходит с большим успехом. По предварительным данным на день подготовки сводки подписка трудящихся на заем на день подготовки сводки составила около 16 млрд.

⁹² Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. С. 505.

⁹³ Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. С. 539.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 901. Л. 203 – 209.

рублей. Однако в некоторых областях страны размещение Третьего государственного займа проходило недостаточно организовано. Например, проверка на месте показала, что Орловский обком ВКП (б) плохо руководит делом размещения займа среди населения. Секретари обкома партии считали, что постановление Совета Министров СССР будет объявлено по радио 4 мая 1948 г. Поэтому во многих сельских советах 3 мая не проводилось никакой разъяснительной работы, в ряде мест не было организовано даже слушания сообщения о выпуске займа по радио. В итоге в Орловской области среди рабочих и служащих городов заем был размещен на сумму 335000 тыс. рублей (65,8% к плану), а среди колхозников - на 2808 тыс. рублей (13% к плану) – один из самых низких показателей по стране.

В сводке обращалось внимание на серьезное отставание в размещение займа среди сельского населения, незначительные поступления от крестьян наличных денег в счет досрочной оплаты займа, а также на отдельные случаи отказа от подписки на заем или же подписки на незначительные суммы.

Далеко не все имели смелость отказаться от подписки на заем, поэтому часто в высшие партийные и государственные органы поступали анонимные обращения граждан, в которых они высказывали свое несогласие с необходимостью участвовать в подписке на государственные займы. Так, в одном из них, направленном в Совет Министров СССР, неизвестный автор, отметив свою личную заинтересованность в том, чтобы займы были более популярными среди населения, писал: «...Когда проходит подписка на заем, то по радио услышать можно, что там и там подписываются с большим подъемом все как один. На деле же это не так: 50% подписываются с сознанием долга перед родиной, 20% с проведенной с ними агитационной работы. А 30% это уже с нажимом организаций и высшей администрации, к которым применяют даже кой-какие запугивания. С одной стороны, происходит это из-за несознания граждан, а с другой стороны, для большинства займы являются одним из всех существующих налогов, потому что облигации займов выплачиваем, выплачиваем, а что от них? Я на каждый

заем подписываюсь добровольно, а облигации лежат и лежат, не выигрывают, видимо, такова судьба несчастная»⁹⁵.

В редакцию «Правды» за первую половину мая 1951 г. поступило более ста писем об извращениях в проведении подписки на государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуска 1951 г.) в отдельных организациях. В письмах также сообщалось, что многие партийные организации предприятий, колхозов и учреждений слабо вели политическую агитационно-массовую работу среди рабочих и служащих и особенно среди колхозников о значении нового займа, а в ряде мест подменяли ее окриками и угрозами. Например, Иванов Ф.А. из г. Кирсанов Тамбовской области писал: «...Кирсановский райком партии, чтобы застраховать себя от провала, как в прошлые годы, дал указания распространять среди трудящихся города заем в размере полуторамесячного оклада. Райком сделал даже в книге, изданной Министерством финансов СССР, «Государственный заем развития народного хозяйства СССР, выпуск 1951 года» исправления, т.е. вычеркнул строки, где сказано, что надо агитировать за подписку на четырехнедельный заработок. Сам я дал согласие подписаться на 300 руб. (получаю 310 руб.), но меня обязали подписаться на 500 руб., а если я подпишусь, то сказали, что я иду против нашей власти»⁹⁶.

В ночь с 14 на 15 декабря 1947 г. в Советском Союзе была проведена денежная реформа. С этого момента в стране перестали ходить деньги «старого», довоенного образца. Старые дензнаки можно было в течение недели обменять на новые – из расчета 10:1. Льготному обмену подлежали вклады в сберкассах (до трех тысяч рублей в соотношении один к одному, более крупные суммы в «старых» деньгах переоценивались уже по менее выгодному курсу). Одновременно с денежной реформой произошла отмена карточек.

---

⁹⁵ ГАРФ.Ф.5446.Оп.80.Д.2365.Л.198.

⁹⁶ РГАСПИ.Ф.17.Оп.131.Д.198.Л.41.

Сразу после объявления о денежной реформе, от обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик стали поступать в ЦК ВКП (б) сообщения о злоупотреблениях, допущенных отдельными работниками местных партийных, советских и финансовых органов при проведении денежной реформы. По далеко неполным данным только в 40 областях, краях и республиках нарушили Закон о проведении денежной реформы 145 секретарей райкомов и горкомов партии; по 30 областям, краям и республикам – 50 председателей райисполкомов и горисполкомов, а также 65 начальников городских и районных отделов МГБ и МВД.

На Воронежской областной партийной конференции за непартийное поведение при проведении денежной реформы были отведены из списка в новый состав обкома партии секретарь Абрамовского райкома ВКП (б) Ломакин и секретарь Елань-Колоновского райкома партии Родюков. На конференции указывалось, обкому ВКП (б) так же были известны факты о злоупотреблениях Ломакина и Родюкова, но своевременно мер обком партии не принял. На Тамбовской областной партийной конференции за нарушение денежной реформы был отведен из списка в новый состав обкома партии заместитель председателя Тамбовского облисполкома Споров⁹⁷.

Для массовых политических настроений 1940-х – начала 1950-х гг. характерно наличие конкретных претензий и критика некоторых политических решений. Много сомнений у населения вызывала такая акция советского правительства, как оказание продовольственной помощи другим странам. Контраст уровней благосостояния в СССР и на Западе рождали неудовлетворенность итогами войны и обиду на бывших союзников, которые – не без помощи советской пропаганды – превращались в главных виновников не только ухудшения общего международного климата, но и становились ответственными за внутренние трудности.

Столь «простое» решение больших проблем – вполне в духе того времени. Точно так же, как и списывание своих трудностей на происки

---

⁹⁷ РГАСПИ.Ф.17.Он.88.Д.900.Л.178,181.

«враждебного окружения». Долговременная обработка умов приносила свои плоды, направляя народное недовольство в то русло, какое было нужно режиму. Чтобы психология «окруженной крепости» вновь, как в предвоенные годы, заработала и формировала соответствующее общественное мнение и поведение, обстановка холодной войны подходила как нельзя лучше. Общественное мнение было уже соответствующим образом подготовлено к восприятию военной угрозы. Поэтому реакция населения на какой-либо сигнал о военной опасности прогнозировалась легко. Через призму военной угрозы народ рассматривал разные политические, часто совершенно не связанные между собой, события: выступление Черчилля в Фултоне, создание Коминформа, начало военных действий в Корее, сбор подписей под Стокгольмским воззванием за запрещение атомного оружия и т.д.

После Победы казалось, что все самое трудное осталось позади. Но анализ положения дел в российской провинции не позволяет безоговорочно поддержать данный тезис. Особенно на селе. Колхозники все чаще задавали вопрос: «Скоро ли распустят колхозы?». Свой вопрос они все чаще мотивировали тем, что «жить так нет сил дальше». И действительно, жизнь в некоторых колхозах была невыносимо плохая. Например, в соседней Брянской области в колхозе «Новая жизнь» почти половина колхозников по 2–3 месяца не имела хлеба, у части селян не было и картошки. Не лучше положение было и в Курской области. В 1946 г. выросла смертность населения. Основной ее причиной была дистрофия. Крестьяне зачастую употребляли в пищу различные недоброкачественные суррогаты, а также трупы павших животных.

В спецсообщении секретарю Курского обкома партии П.И. Доронину от 18 января 1947 г. руководство местного управления МГБ информировало региональную партийно-государственную власть, что в ряде районов области на почве продовольственных затруднений среди населения имеются случаи заболевания дистрофией (опухали от голода), сопровождавшиеся смертными

исходами. Указанные заболевания имели место, прежде всего, среди многосемейных колхозников, главы которых погибли на фронте⁹⁸. По Скороднянскому району было зарегистрировано 6 случаев заболевания дистрофией, в Беловском районе – 5 заболеваний, в Красно-Яружском районе – 58 семей с подобным диагнозом, в Уразовском районе – 7 семей, в Ивнянском районе – 51 семья, в Щебекинском районе – 106 случаев заболевания и т.д.⁹⁹. По Льговскому району по неполным данным отмечено 28 случаев заболеваний дистрофией, в том числе 5 случаев со смертельным исходом¹⁰⁰.

В общем ряду «подконтрольных» граждан оказалась и многочисленная армия инвалидов. В марте 1946 г. чекисты направили докладную записку секретарю Курского обкома ВКП (б) П.И. Доронину в которой проинформировали местную партийную власть о политических настроениях и антисоветских проявлениях среди этой категории советского общества.

На 1 февраля 1946 г. только в Курской области проживало 43419 инвалидов (749 – первой группы, 15857 – второй группы и 26813 – третьей группы) Великой Отечественной войны. В соответствии со сложившейся традицией подготовки подобного рода документов, руководство управления МГБ подчеркнуло, что «в подавляющем большинстве инвалиды Отечественной войны имеют положительные политические настроения и активно участвуют в мероприятиях по восстановлению народного хозяйства»¹⁰¹.

В подтверждение данного тезиса сотрудники спецслужбы привели целый ряд высказываний и заявлений инвалидов. Например, А.В. Гушин, проживавший на территории Прилепского сельсовета Чернянского района, отмечал: «...для нас, инвалидов, правительство делает все, что возможно и никогда нас без внимания не оставит. Вот мне дают паек, пенсию, и еще

---

⁹⁸ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3. Д.1 (1947 г.).Л.1.

⁹⁹ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3. Д.1 (1947 г.).Л.2-5.

¹⁰⁰ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3. Д.1 (1947 г.).Л.7.

¹⁰¹ АУФСБ РФ КО. Ф.10.Оп.3. Д.1 (1947г.). Л.89.

помогает колхоз: то хлеба выдадут, то кормов для коровы, то дров подвезут. Этого ведь в других странах нет, на что я нужен был какому-нибудь капиталисту. Вот подождите, через 2–3 года мы будем так жить... получше, чем до войны. В нашем колхозе уже сейчас больше скота, чем было до оккупации, а ведь немцы уничтожили весь скот»¹⁰².

Другой инвалид Н.Т. Дронов, проживавший в том же районе, говорил: «Сильнее и демократичнее нашего государства в мире нет. Вот мне пришлось побывать в других странах. Там одни живут богаче, а другие хлеба не имеют, одного называют господином, а на другого смотрят, как на собаку. В Германии бедные крестьяне коров своих держат на привязи, чтобы они не зашли на землю богача, а то за это там сажали в тюрьму. А у нас совсем другое дело, чувствуешь себя везде хозяином и равным со всеми. Я был в армии на фронте, где офицеры и красноармейцы – это все равно, что родные братья»¹.

«Однако некоторая часть инвалидов, – отмечалось в докладной записке, – главным образом из числа социально чуждой среды, которые до мобилизации в ряды Красной Армии проживали продолжительное время на территории, подвергавшейся немецкой оккупации, проявляют активные антисоветские действия»¹⁰³. Эти действия, по оценке чекистов, заключались в агитации против колхозного строительства и организации срывов работ в колхозах путем распространения различных провокационных слухов и путем запрещения своим семьям выходить на колхозные работы; в дискредитации мероприятий партии и советского правительства; в хулиганских и других антиморальных поступках (пьянство, спекуляция и т.п.).

Сотрудники УМГБ по Курской области докладывали в обком, что «...известная часть инвалидов, являясь в прошлом выходцами из социально-чуждой среды и имея антисоветские настроения, прикрываясь положением

¹⁰² АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.1 (1947г.).Л.89.

¹⁰³ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.1 (1947г.).Л.90.

инвалидов, уклоняются от работы сами и запрещают работать в колхозе членам своей семьи»¹⁰⁴.

В подтверждение этого тезиса приводились следующие данные. В Белгородском районе из 970 человек инвалидов войны трудоустроено 627 человек, остальные сознательно уклоняются от трудоустройства, за что некоторые из них сняты со снабжения. В Валуйском районе из 629 человек инвалидов трудоустроено 415 человек, 20 лишены пенсии за злостное уклонение от трудоустройства. А всего по Курской области за отказ от трудоустройства было снято с пенсии 276 инвалидов.

Инвалиды Великой Отечественной войны, которых лишили права на получение пенсии, как правило, были обвинены в антисоветских настроениях, в поведении среди населения антисоветской агитации против колхозов, распространении разного рода провокационных слухов, таких, как, например, о скором роспуске колхозов под давлением Англии и Америки, призывах сельчан «к саботажу колхозных работ и мероприятий партии и советского правительства, проводимых в деревне»¹⁰⁵.

Видя тяжелое положение инвалидов Великой отечественной войны, чекисты обращали внимание руководства Курской области на то, что «...В вопросах трудоустройства, материального и бытового положения инвалидов со стороны партийных, советских и общественных организаций в отдельных случаях проявляются элементы бюрократической неповоротливости. Обращение инвалидов об устройстве на работу, оказании материальной помощи, обеспечении квартирами и другие просьбы инвалидов не всегда находят быстрое и правильное разрешение»¹⁰⁶.

Большинство зафиксированных курскими чекистами антисоветских разговоров и высказываний, не были «антисоветскими» в точном смысле слова. Народная крамола не выходила за рамки господствовавшей культурной парадигмы послевоенного периода, довольствуясь «сменой

---

¹⁰⁴ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.1 (1947г.).Л.90.

¹⁰⁵ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.1 (1947г.).Л.91.

¹⁰⁶ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.95.

знака»¹⁰⁷. Бытовые «антисоветчики», и те, кто их карал, в большинстве своем видели мир примерно одинаково, обладали сходными системами ценностей, этическими нормами, объемом информации.

В докладной записке председателю Курского исполкома областного совета депутатов трудящихся В. Волчкову «Об антисоветских проявлениях, в связи с уборочной кампанией, хлебопоставками и засухой» (август 1946 г.) начальник местного управления МГБ полковник Архипов обращал внимание советских органов на то, что «...В процессе уборки урожая и выполнения плана хлебозаготовок устанавливаются факты: а)неподготовленности МТС и колхозов к уборке урожая (неисправность и неудовлетворительное использование молотильных агрегатов и уборочных машин); б)слабая организация труда в колхозах; в)противодействие антисоветских элементов, проникших в руководство колхозами»¹⁰⁸.

В документе приводятся многочисленные подтверждения заявленных органами госбезопасности региона тезисов. В частности одной из причин отставания в уборке урожая и хлебопоставок ряда районов области называется неполное использование имеющихся молотильных агрегатов. Так, в Ленинском районе Курской области, где план уборки урожая на 5 августа 1946 г. был выполнен на 65.2%, из имеющихся в районе 14 сложных молотилок к моменту молотбы было отремонтировано 11, а из 26 конных молотилок – только десять. В Щигровском районе Курской области комбайны и молотильные агрегаты оказались плохо отремонтированными. По этой причине два комбайна одна сложная молотилка систематически простаивали. Комбайн, доставленный Кравцовской МТС в колхоз «Спартак», оказался неисправным и несколько дней простоял, пока был произведен дополнительный ремонт¹⁰⁹.

Упадок трудовой дисциплины и плохой выход колхозников на уборочные работы сотрудники спецслужбы связали и с засухой, и с влиянием

¹⁰⁷ Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. М., 2005. С. 130.

¹⁰⁸ АУФСБ РФ КО.Ф. 10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.57.

¹⁰⁹ АУФСБ РФ КО.Ф. 10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.58.

агитации антисоветских элементов в отдельных колхозах. Например, в колхозе «Путь к социализму» Белгородского района Курской области из 120 трудоспособных колхозников работало только 60–70 человек, остальные от работы уклонились, в результате из 250 га на 1 августа 1946 г. было убрано 190 га, а к сдаче хлеба колхоз так и не приступил. В колхозе «Память Ильича» все того же Белгородского района из 100 трудоспособных колхозников работало 60 человек, а 13 колхозников не имели ни одного выработанного трудодня¹¹⁰.

Чекисты обращали внимание местных властных структур, что «антисоветские элементы продолжают пытаться использовать сложившуюся обстановку в колхозах (в связи с засухой), для создания антисоветских настроений у населения и противодействия уборочным работам и хлебопоставкам. Распространяя различного рода антисоветские измышления, эти элементы провоцируют колхозников на невыход на работу и отказа от получения продовольственной ссуды... Особую активность проявляют антисоветские элементы из среды церковников и сектантов, которые, утверждая, что государственная помощь является «соблазном антихриста», призывают колхозников отказываться от ссуды»¹¹¹.

Данный вывод иллюстрировался следующими примерами. Так, одна из руководительниц «церковного подполья» в Грайвороновском районе Курской области У.С. Зуборева говорила на одном из собраний верующих: «...Крепитесь, сестры, дольше, видите, как антихрист хитро подходит к людям, сулит хлеба, чтобы лучше работали в колхозе и не разбегались. Но хлеба они не дадут, так что крепитесь и не поддавайтесь сатане. Вы видите, что колхозники страдают, но нам осталось не много терпеть»¹¹². Учительница А.Ф. Монайленко, вернувшаяся в Белгородский район Курской области из Германии по репатриации, касаясь оказания помощи колхозникам, заявила: «Помощи ждать нечего. Это только для отвода глаз. Сейчас тяжело стало

---

¹¹⁰ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.58.

¹¹¹ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.60.

¹¹² АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.61.

жить не только крестьянам, но и учителям, и всему народу. Учителя превратились в нищих. Вот на Западе, совсем жизнь другая, таких безобразий, очередей, как в Советском Союзе, нет»¹¹³.

Спецслужбы отслеживали политические настроения и среди коммунистов. В докладной записке отмечалось, что политрук Щигровской пожарной команды МВД член ВКП (б) И.Д. Кандауров в своем окружении заявлял: «...Положение неважное, все очень недовольны, ничего нет. Люди без хлеба сидят голодные и обозленные. Война в этом году обязательно будет. Народ замучен, его принуждают работать в колхозах, которых никто не желает и поэтому так плохо идет работа. На конференции в Сан-Франциско Молотову предложили распустить колхозы, и он подписал это решение, но когда доложил об этом Сталину, то последний не согласился, т.к. распустив колхозы, надо распустить и коммунистическую партию»¹¹⁴.

В управление МГБ по Курской области поступали сигналы о том, что при распределении продовольственной ссуды со стороны отдельных руководителей колхозов имеют место злоупотребления, что вызывает нездоровые настроения у колхозников. В частности, председатель колхоза «Земледелец» Советского района Курской области, член ВКП (б), из отпущенной колхозу ссуды выписал для себя 57 пудов и 40 пудов кладовщику колхоза Булгаковой. В колхозе «Путь» Советского района Бакланову И.Н., возвратившемуся из ссылки и проживавшему вдвоем с женой, правлением колхоза было начислено 15 пудов хлеба, тогда как колхознице Супруновой, имевшей пятерых детей и потерявшей мужа на фронте, начислили всего 7 пудов¹¹⁵.

И все же, как подчеркивали чекисты, основная масса населения Центрального Черноземья решение советского правительства об оказании продовольственной помощи колхозникам, встретила с большей радостью. На

---

¹¹³ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.62–63.

¹¹⁴ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.65.

¹¹⁵ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.66–67.

собраниях, митингах и в беседах колхозники высказывали благодарность руководству страны и лично Сталину:

– «Теперь колхозники не пропадут. Товарищ Сталин учел трудное положение колхозников, проявил большую заботу о нас, и теперь совсем жизнь наша повеселела. Работать будем лучше» (М.И. Зуев, колхоз им. Ворошилова Ракитянского района Курской области);

– «Спасибо нашему дорогому тов. Сталину, что оказал нам помощь» (А.М. Гольцова, колхоз «Красное Подгорнее» Томаровского района Курской области);

– «Советское правительство и лично т. Сталин проявляют своевременную о нас заботу в связи с неурожаем в нашей области. Поэтому мы должны в ответ на эту заботу лучше стараться работать в колхозе» (М.С. Иванчихина, колхоз «Жовтнева революция» Томаровского района Курской области)»¹¹⁶.

Руководство органами МГБ региона, проанализировав полученные оперативные материалы, пришли к выводу, что «...патриотический подъем, вызванный решением советского правительства об оказании помощи колхозникам Курской области, имеет место во всех колхозах области. Значительно повысилась трудовая дисциплина в колхозах, и выход на работу колхозников стал более организованным»¹¹⁷.

Политический контроль, осуществлявшийся органами госбезопасности, долгие годы был тесно связан с политической системой общества и коммунистическим режимом. В начале 1950-х гг. в советской стране продолжала действовать одна государственная идеология, отступление от которой и непонимание ее каралось в общественном, административном и уголовном порядке. Статья 58-10 УК РСФСР предусматривала осуждение за «распространение или изготовление или хранение литературы»

¹¹⁶ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.67–68.

¹¹⁷ АУФСБ РФ КО.Ф.10.Оп.3.Д.2 (1947 г.).Л.69.

антисоветского характера, т.е. «содержащей призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти»¹¹⁸. Из этого как бы логически вытекало, что простое наличие мнения или письменного текста, который автор никому не показывал, не образует состава преступления. На практике же имелось множество случаев, когда поводом к осуждению человека становилось обнаружение у него дневника или записной книжки с «записями антисоветского содержания». Человек осуждался исключительно на основании найденных у него рукописей, даже если никто, кроме автора, их не видел.

Типичным примером в этом плане является судьба жителя г. Курска, пенсионера А.Я. Павловского. Пожилой человек написал нечто вроде автобиографической повести. Он не претендовал на литературные лавры, не хотел, чтобы рукопись, содержащуюся в той же тетради, что служила ему и дневником и записной книжкой, стала достоянием общественности. Написал он ее, как было установлено следствием, в декабре 1952 – январе 1953 г., а уже в мае 1953 г. осужден за изготовление и хранение по ст.58-10 ч.1 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы («изготовил рукопись, в которой изложил клевету на советскую действительность, в частности опорочил паспортную систему Советского государства и др., и эту рукопись хранил у себя в квартире»)¹¹⁹.

Как значится в обвинительном заключении, «...Павловский Александр Яковлевич, он же Бейнарович, Павлов, Громов, Петров, Шефранов, Шафрановский, 1988 г. рожд., уроженец дер. Латыголь Сенненского района Витебской области, из крестьян-кулаков, русский, гражданин СССР, с незаконченным высшим образованием, агроном, беспартийный, бывший левый эсер, ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности за контрреволюционную эсеровскую деятельность: в 1921 г. арестован в Москве и выслан в Вологодскую область, откуда бежал; в 1921 г. был снова

---

¹¹⁸ УК РСФСР. М., 1950. С.42.

¹¹⁹ ГАРФ.Ф.Р-8131.Оп.31.Д.42766.Л.16.

арестован и выслан в Соловки на 2 года; в 1925 г. выслан в г. Ирбит на 3 года, откуда бежал; в 1933 г. вновь арестован по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР и приговорен к 1 году тюремного заключения; в 1934 г. был выслан Казахстан сроком на 2 года, до ареста проживал в г. Курске, пенсионер»¹²⁰.

Сам Павловский по поводу своего «сочинения» на суде показал следующее: «Признаю себя виновным в том, что написал клеветнические измышления против порядка, установленного Советским государством. Привело к этому то, что в 1946 году у меня умерла жена, и мне стало тяжело. Увидел ее во сне, что она прошла мимо меня, я испугался и никому об этом не сказал, решил все изложить в рукописи. Клеветнические измышления я изложил на паспорт, назвал его «Волчий билет». Мне казалось, что осенью меня осудят... Рукопись я писал один, и об этом никто не знал»¹²¹.

«Антисоветская» рукопись Павловского (объемистая тетрадь, где в форме описания поездки Скитальца в Москву он излагает «клеветнические суждения») подшита в архивное уголовное дело №П-14588. Ознакомившись с ее содержанием, следователи Управления МВД по Курской области пришли к выводу, что данная рукопись является антисоветской по своему содержанию.

По заключению экспертов органов госбезопасности, автор, «претендуя на художественную форму, излагает свои антисоветские настроения и возводит клевету на существующее положение в Советской стране. В образе Скитальца Михаила Александровича, ПАВЛОВСКИЙ описывает эпизоды из жизни гражданина Советского Союза, который якобы за свои убеждения и политические взгляды все время преследуется карательными органами Советского государства. По мнению автора, это преследование будет продолжаться до изменения существующего в СССР строя»¹²².

Начинается рукопись так: «У Михаила Александровича Скитальца окончился срок ссылки. Событие это он воспринял спокойно, без всякого

¹²⁰ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.14588.Л.143.

¹²¹ ГАРФ.Ф.Р-8131.Он.31.Д.42766.Л.16-17.

¹²² АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.94-95.

энтузиазма. Он хорошо знал, что раз кто-нибудь попал под 58 п.10-11, так он и останется под эгидой ... на всю жизнь, во всяком случае до учредительного собрания. Скиталец думал: сколько в природе существует минусов и что лучше – остаться здесь или уехать, и куда?»¹²³.

Оперативник-эксперт сделал вывод, что Скиталец не может устроить свою жизнь и спокойно жить в силу ограничения якобы чинимых органами Советской власти в виде «минусов» и «волчьих» билетов. Получив паспорт, Скиталец говорит своей жене: «Знаешь, Варя, в те времена, когда существовала черта оседлости, такие паспорта называли «волчьими», в наше время, конечно, товарищеские. Мне ... сказали, чтобы я не доезжал 100 километров до столицы и 200 километров до границы»¹²⁴.

По мнению «рецензентов» рукописи, описывая приключения Скитальца, его встречи и разговоры со знакомыми в Москве, Павловский клеветает на Советскую действительность: «...ни одно историческое событие и общественное устройство не повторяется в том виде, как оно было 50 или 100 лет тому назад. Если бы возродился рабский или крепостной строй, все это было заключено в такую философскую оболочку, что казенные оптимисты назвали бы это государственное устройство социализмом. Покажите мне вашу философию, и я вам скажу, какая у вас была конституция...»¹²⁵.

Далее в обзоре рукописи указывается, что «по мнению ПАВЛОВСКОГО, социалистическое общество, его нравственность и взаимоотношения между женщиной и мужчиной, нужно строить по идеям эсеровского идеолога ЛАВРОВА, что при устройстве общества, хотя бы по идеям, изложенным в книге ЛАВРОВА, социальная революция и задачи нравственности не нужны были ни какие кодексы, регулирующие семейную жизнь и отношения между мужчиной и женщиной»¹²⁶.

¹²³ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.95.

¹²⁴ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.95.

¹²⁵ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.96.

¹²⁶ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.96–97.

Соответствующую оценку якобы исходящую из антисоветских эсеровских убеждений, получили высказывания Павловского о том, что в советском обществе человек (личность) подавлен системой государственного устройства: «...Это уже не отдельные люди-мещане, а вся система в обществе, где личность подчинена коллективу, подавлена этим коллективом. Это должно считаться нормальным и неизбежным явлением на основании Конституции и процессуального кодекса. Должны не только жена, а и сын и дочь сообщать, куда следует о поведении отца...»¹²⁷.

В качестве характерного примера клеветы на жизнь в Советском Союзе, следователи отметили следующий абзац рукописи Павловского:

«— ...Погнали бы тебя в милицию выяснять личность. А помнишь, как я один раз попал в засаду, и потом 15 месяцев выясняли личность. Да, вот тебе и сцена, вот тебе и театр. И так всю жизнь... Я вот иногда думаю. Русская драма одна из лучших, ей нет равных. Почему так?

— Потому, что у нас были и есть хорошие писатели, художники, артисты, музыканты и композиторы, — ответила Баря.

— Не отрицаю, согласен, но все же мне кажется, что сам народ, жизнь народа играют главную роль. Если бы взять группу каких-нибудь европейцев и поставить их в такие условия, в каких находимся мы, русские, в своем большинстве, они бы не выдержали — погибли, а мы все переносим...»¹²⁸.

Подводя итог по обзору рукописи Павловского, эксперты от госбезопасности пришли к выводу, что «...описывая приключения «героя» произведения, автор заявляет, что в силу «гонений», «минусов» и «волчьего билета», Скитальцу приходится прятаться, бродяжничать, конспирироваться и применять в своих действиях методы нелегальной подпольной деятельности, этим самым делает вывод, что якобы человеку, имеющему свои идеи и убеждения, создаются невыносимые условия. ПАВЛОВСКИЙ

¹²⁷ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.97.

¹²⁸ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.97.

приписывает карательным органам Советского государства методы провокации, шантажа и лжи в их работе»¹²⁹.

Помощник прокурора Курской области по спецделам в своем заключении по делу Павловского не только поддержал чекистов в их оценке рукописи как антисоветской и клеветнической, но и рядом дополнений и комментариев усилил их вывод. В частности, выделил следующий момент. Излагая свое повествование, Павловский пишет, что во время вечернего чаепития, проходившего после просмотра альбома в квартире Раи, Скиталец вышел из-за стола, то его жена Варя бросила реплику: «Вот видишь, какой он, если бы решался вопрос об организации союза трудового крестьянства, он просидел до утра». Прокурорский работник так прокомментировал эту реплику: «Как известно, «Союз трудового крестьянства» (СТК) был организован эсерами в Тамбовской губернии, и из него финансировались банды Антонова. Павловский в октябре 1918 года переехал в Тамбов, где имел явочную квартиру, проводил нелегальную эсеровскую работу и распространял их литературу, что признал Павловский на допросе 3 апреля 1953 г.»¹³⁰.

20 мая 1953 г. Курский областной суд приговорил А.Я. Павловского по ст. 58-10 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет с последующим поражением в избирательных правах на пять лет. Но, видимо по «недосмотру» судебных инстанций, не лишил его медали «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Поэтому в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Союза ССР от 6 апреля 1951 г. № 4/8/У «О порядке рассмотрения вопроса о лишении медалей осужденного с поражением в правах в случае отсутствия об этом указания в приговоре» судебная коллегия по уголовным Курского областного суда 5 февраля 1954 г. определила «...внести дополнение в приговор судебной коллегии по уголовным делам Курской области от 20 мая

¹²⁹ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14588.Л.98.

¹³⁰ ГАРФ,Ф.Р-8131.Оп.31.Д.42766.Л.18.

1953 года – Павловского Александра Яковлевича лишить медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»¹³¹.

29 июня 1954 г. специальная комиссия Курской области по пересмотру уголовных дел, предусмотренных приказом Генерального Прокурора СССР, Министра юстиции СССР, Министра внутренних дел СССР и Председателя КГБ при СМ СССР от 19 мая 1954 г., рассмотрев материалы уголовного дела по обвинению А.Я. Павловского, оставила приговор в силе. И только 11 декабря 1991 г. в соответствии с Законом РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» на основании заключения прокуратуры Курской области А.Я. Павловский был реабилитирован¹³².

Государственная власть, в отличие от агрессивной антирелигиозной политики 1920–1930-хх гг., в послевоенный период смягчила отношение к духовенству и верующим. Изменение политики государства в религиозном вопросе было продиктовано не только стремлением власти использовать церковь как дополнительную мобилизационную силу в сложный военный период. Другой причиной, вынудившей власть несколько смягчить свою прежнюю позицию, стало стихийное оживление религиозного движения и религиозных настроений в народе. В годы войны процесс этот стал массовым. Рост религиозных настроений продолжался и после войны, а в Центральном Черноземье наблюдалась активизация церковной жизни по сравнению с военным временем¹³³.

Атеистическая пропаганда в том виде, в каком она велась в первые два десятилетия советской власти, не возобновилась сразу после войны. В беседе с корреспондентом «Комсомольской правды», состоявшейся в начале 1945 г., М.И. Калинин сказал: «Конечно, атеизм остается основой программы, мы от того, что религия – опиум, не отказались. Но надо мягче. Главное все-таки – пропаганда, разъяснение. Увидел у парня крестик – поговори с ним мягко,

¹³¹ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.14588.Л.176.

¹³² АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.14588.Л.183.

¹³³ Советская жизнь. 1945 – 1953.М.,2003.С.8.

скажи о крестике, что это отжившее дело... Согласно Конституции, у нас есть признание Церкви. Войны у нас с ней нет»¹³⁴.

Смягчение государственной политики в отношении РПЦ и верующих далеко не всегда находило понимание и поддержку местных властей. Проводимая много лет политика «воинствующего» атеизма давала о себе знать. Обращение населения к своим духовным корням, к православию, часто вызывало неприятие, либо оценивалось как явление временное, допускаемое советскими органами лишь на период войны¹³⁵. Например, в с. Макеево Крупецкого района Курской области председатель МТС вызывал к себе верующих и вместе с председателем сельского Совета запугивал их, говоря, что тех, кто ходатайствует об открытии церкви, отправят в тайгу пилить дрова¹³⁶.

В информационном докладе за второй квартал 1945 г., отправленном в Совет по делам РПЦ, сообщались факты угроз местных властей отрезать приусадебный участок, снять с работы курян за их хлопоты по церковным делам¹³⁷. Уполномоченному В. Ефремову в 1944 г. и в первой половине 1945г. поступало немало жалоб от духовенства по поводу переобложения их налогами, особенно часто они поступали из Старооскольского и Крупецкого районов¹³⁸.

На широкое распространение религии в жизни советских людей повлияло несколько причин. Во-первых, это изменение государственной политики в отношении церкви. Во-вторых, сама церковь встала на службу государству, включившись во всенародное патриотическое движение. В-третьих, ослабление идеологического давления привело к тому, что иллюзии об успешном и повсеместном «преодолении» религии, победе «безбожного движения» рассеялись, уступили место правде жизни – миллионы верующих

¹³⁴ Цит. по: Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется: Критические очерки борьбы с религией в СССР. М., 1992. С.198.

¹³⁵ Иевлева Е.В. Государственно-церковные отношения в годы Великой Отечественной войны в Курской области // Вторые Дамиановские чтения. Курск, 2003. С.194.

¹³⁶ ГАКО. Ф.Р-5027. Оп.1. Д.6. Л.23.

¹³⁷ ГАКО. Ф.Р-5027. Оп.1. Д.6. Л.36.

¹³⁸ ГАКО. Ф.Р-5027. Оп.1. Д.5. Л.14.

могли спокойно проявлять свои внутренние убеждения, тем более, что война усилила тягу к религии. В Красную Армию призывались главным образом крестьяне, которым не чужды были религиозные настроения, а фронтовая жизнь, гибель боевых друзей, страдания от ран, потеря родных и близких пробуждали религиозные чувства и мысли¹³⁹. Влияние православия было сильно, прежде всего, в аграрных районах страны. Так, в Центральном Черноземье около 90% населения составляли сельские жители¹⁴⁰. То есть, сохранился фундамент для возвращения религиозных организаций к активной деятельности. Нельзя не учитывать и влияние, оказанное политикой захватчиков, которые стремились использовать церковь в своих интересах. В пропагандистских целях оккупационные власти выдавали разрешения на открытие церквей. В частности, в Курской области с 1941 г. действовали 35 церквей и молитвенных домов, а с 1942 г. – 148¹⁴¹. Анализируя ситуацию в области, старший инспектор Совета по делам РПЦ Свиридов сообщал, что на 1 декабря 1945 г. действовало 318 церквей, 294 из них находилось в сельской местности. Из 62 сельских районов только в трех не было действующих церквей¹⁴².

Условия военного времени требовали единства усилий в организации отпора врага. Необходимо было найти основы, способные сплотить народ и власть в борьбе с внешней опасностью. Таким объединяющим фактором стало обращение к национальным и патриотическим ценностям. Традиционная идеология патриотического служения Русской православной церкви полностью соответствовала новой обстановке. Рост религиозных настроений продолжался и после войны.

Однако церковь по-прежнему оставалась под жестким партийно-чекистским контролем. Спустя год после знаковой встречи в Кремле курские чекисты в своих аналитических справках и докладных записках в обком ВКП

¹³⁹ См. История России: вторая половина XIX – XX вв. Екатеринбург, 1995. С. 215.

¹⁴⁰ ГАКО. ф. Р-5027. оп. 1. д. 5. л. 5).

¹⁴¹ ГАКО. ф. Р-5027. оп. 1. д. 5. л. 6.

¹⁴² ГАКО. ф. Р-5027. оп. 1. д. 5. л. 7.

(б) отмечали оживление «деятельности православного духовенства и прочих церковников». Руководство УНКГБ рекомендовало начальникам территориальных подразделений поставить в местных райкомах партии вопрос об усилении культурно-просветительской работы среди молодежи, попавшей под влияние священнослужителей¹⁴³.

10 июля 1945 г. начальник Курского УНКГБ подполковник госбезопасности Архипов направил секретарю обкома ВКП (б) докладную записку в связи с проведенным в области крестным ходом. Как отмечалось в справке, крестные ходы имеют свою историю, еще с «давних пор в Коренную пустынь (Свободинский район Курской области) совершается паломничество верующих. По преданию, распространяемому священниками и монахами, в Коренной пустыни у источника в свое время появилась «чудотворная икона». Источник был объявлен исцеляющим, что притягивало к нему различных кликуш». И до Октября 1917 г., и при советской власти, вплоть до середины 1920-х гг., ежегодно в Коренную пустынь из близлежащих населенных пунктов и обратно проходили торжественные шествия, привлекавшие массы верующих. В период оккупации Курской области гитлеровскими войсками паломничество к источнику, особенно женщин и детей, возобновилось. 5 июля 1945 г. в Сергиево-Казанский собор и во Введенскую церковь из районов области собрались православные куряне для участия в очередном крестном ходе. Когда стало известно, что властями он запрещен, верующие самостоятельно большими группами с иконами направились в Коренную пустынь. Утром следующего дня у святого источника состоялся молебен. По оценке чекистов «официальных священнослужителей там не было. Всем делом руководили монахи и монашки». Церковная служба, продолжавшаяся два дня, собрала большое количество верующих. В конце документа сотрудники органов безопасности писали: «Антисоветская агитация, ведущаяся монашками и различным

---

¹⁴³ АУФСБ РФ КО.ф.10.Оп.1.д.2 (1945 г.).л.60.

антисоветским элементом, скрывающимся под видом святош, отравляет сознание людей, тянущихся к религии. Близкое соседство Коренной пустыни к зданию бывшего монастыря, где в настоящее время расположено ремесленное училище, отрицательно влияет на детей, руководство и преподаватели которого не приняли мер по изоляции учащихся от церковников»¹⁴⁴.

Местные власти уже не могли остановить подъема религиозных настроений народа. Они вынуждены были считаться с новыми реалиями. Так, в 1945 г. в Курске демонстрировали документальный фильм «Поместный Собор Русской Православной Церкви». Предполагалось, что он будет идти три дня, но из-за большого числа зрителей срок показа продлили до шести дней¹⁴⁵. Росла численность духовенства: по данным на декабрь 1945г. в Курской области насчитывалось 313 священников¹⁴⁶.

В информационной сводке сектора информации Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП (б) «О фактах неправильного отношения к служителям культов» от 14 июля 1945 г. отмечалось, что из материалов «...прошедших пленумов обкомов партии видно, что в ряде районов усиливают свою деятельность церковники. В то же время некоторые руководящие партийные и советские работники на местах – в районах и сельсоветах – неправильно строят свои взаимоотношения со служителями религиозных культов и тем самым способствуют распространению религиозных настроений среди населения»¹⁴⁷.

В докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП (б) Патоличева Н.С. Управления по проверке партийных органов «Об усилении деятельности представителей религиозных культов» от 2 августа 1946 г. приводились тезисы выступления секретаря Курского обкома ВКП (б) по пропаганде Легасова на областном совещании секретарей колхозных первичных

---

¹⁴⁴ АУФСБ РФ КО.ф.10.оп.1.д.2 (1945 г.).л.61.

¹⁴⁵ ГАКО.Ф.Р-5027.оп.1.д.6.л.39.

¹⁴⁶ ГАКО.Ф.Р-5027.оп.1.Д.5.л.16.

¹⁴⁷ РГАСПИ.Ф.17.Оп.88.Д.649.л.139.

парторганизаций. В частности, Легасов отметил крупные недостатки в постановке агитационной работы на селе: «До войны у нас в области было три церкви, а сейчас более трехсот. Мы имеем такие факты, когда в Кривцовском районе, например, поп пришел к секретарю райкома и сказал: «Примите меры, а то комсомольцы начали в церковь ходить»¹⁴⁸.

В документе приводятся факты молебствий о дожде в период засухи 1946 г. в Воронежской области, где «...некоторые районные работники допускали неправильные действия в отношении верующих. Например, 8 июля 1946 г. Воронежский обком ВКП (б) отметил: «С 16 по 18 мая в районном центре Грибановского района, с. Б. Грибановка, большая группа верующих организовали шествие и моления о дожде. Эти шествия, проводившиеся без согласия органов власти, возглавил некто Самойлов Борис, именующий себя проповедником. Председатель райисполкома т. Михайловский, райпрокурор т. Филимонов и начальник РО МВД т. Фирсов вместо того, чтобы осуществить меры, направленные на предотвращение шествий и на отрыв от Самойлова группирующейся вокруг него части населения, пытались во время моления арестовать Самойлова и таким образом добиться прекращения шествий. А 18 июня тт. Филимонов и Фирсов пытались даже взломать топором дверь дома, где находился Самойлов и арестовать его. Все это вызвало противодействие со стороны верующих, даже эксцессы»¹⁴⁹.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ Гостев в своем отчете за II квартал 1946 г. информировал вышестоящие инстанции, что «...засушливая погода увеличила религиозное движение среди верующих действующих и недействующих церквей, которые усиленно настаивали передо мною и местными властями разрешить им молебствие о дожде. Несмотря на запрещение с моей стороны, в некоторых районах верующие добивались от местных властей разрешения на это молебствие, и оно производилось у

---

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 5.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 188. Л. 4.

околицы на колодцах, кладбищах и полях (Землянк, Павловск, Никитовка, Усмать). Причем инициаторами молебствий были и отдельные священники (Хлевище, Щербатки Алексеевского района). В некоторых населенных пунктах, где нет действующих церквей, молебен организовывалось и проводилось бывш. церковниками и монашками»¹⁵⁰.

В справке, составленная по данным информационных отчетов уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви за второй квартал 1946 г. в разделе «О ходатайствах об открытии церквей» указывалось, что в Курской области по данным на начало 1947 г., «...от I квартала 1946 г. осталось нерассмотренными 5 заявлений. За II кв. 1946 г. поступило заявлений верующих об открытии церквей – 13 и молитвенных домов – 4. Всего, таким образом, было в производстве 22 заявления. Всего из этого количества за II квартал было:

1. Снято уполномоч. с рассмотрением из-за отсутствия помещения.....2
2. Снято уполномоченным как неправильно оформленных 4
3. Снято уполномоченным из-за отсутствия оснований к пересмотру 1
4. Отклонено Облисполкомом..... 2
5. Удовлетворено.....3
6. Осталось на рассмотрении .....10»¹⁵¹.

Таким образом, мы видим, что из 22 поданных в 1946 г. заявлений с просьбой открыть церковь, в Курской области было удовлетворено только три. В Воронежской области было подано 66 заявлений с аналогичными просьбами, из которых 6 было удовлетворено, по 22 материалам ходатайство было отклонено, 38 заявлений на начало 1947 г. находилось в стадии рассмотрения¹⁵².

В дни религиозных праздников почти повсеместно как в городах, так и в сельской местности, отмечалось оживление, и церковные службы проходили при большом числе молящихся. На Крещение 19 января 1947 г. в

¹⁵⁰ ГАРФ.Ф.6991.Оп.1.Д.63.Л.6.

¹⁵¹ ГАРФ.Ф.6991.Оп.1.Д.63.Л.5.

¹⁵² ГАРФ.Ф.6991.Оп.1.Д.63.Л.8.

Курске были организованы крестные ходы на реку Тускарь, в которых участвовало до 3 тысяч человек. В Воронеже число молящихся в храмах составляло около 6 тысяч человек. А в крестном ходе на реку Воронеж приняло участие до 15 тыс. человек, против 8 тыс. в 1946 г. После освещения воды в реке купалось 55 человек, в числе которых было 8 подростков от 11 до 15 лет, 32 женщины от 18 до 40 лет и 15 мужчин в том же возрасте¹⁵³. Купание в реке оценивалось Советом по делам Русской православной церкви при СМ СССР как нарушение общественного порядка. Поэтому Совет запросил Воронежский горисполком обо всех обстоятельствах, связанных с этим нарушением общественного порядка.

В сентябре 1950 г. председатель Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР Г.Г. Карпов направил И.В. Сталину докладную записку о переменах в церковной жизни. Совет докладывал о некоторых новых и, по мнению Совета, вполне закономерных явлениях, отмеченных за последние 2–3 года в жизни Русской православной церкви. По данным большинства уполномоченных Совета, как в городе, так и в деревне наблюдалось ослабление интереса к церкви и снижение ее влияния на верующих. Эти явления, прежде всего, объяснялись тем, что «...тот религиозный подъем, который по ряду причин, в том числе и по психологическим причинам, был в годы Отечественной войны, стал с 1947 г. спадать, и год от году заметнее. Кроме того, это явилось прямым следствием улучшения материального благополучия трудящихся, укрепления положения и трудовой дисциплины в колхозах, коллективизации в западных областях УССР и БССР, известного подъема идеологической и культурно-просветительной работы, а также тех мероприятий, которые проводил Совет в 1948–1950 гг. – через церковный центр по ликвидации нежелательных форм воздействия церкви на население и через своих уполномоченных – по известному ограничению деятельности церкви»¹⁵⁴.

---

¹⁵³ ГАРФ.Ф.6991.Оп.1.Д.451.Л.81.

¹⁵⁴ ГАРФ.Ф.6991.Оп.1.Д.602.Л.20

В докладной записке И.Ф. Сталину Г.Г. Карпов сообщал, что, начиная со второй половины 1948 г., Совет провел ряд мероприятий по ограничению деятельности церкви и духовенства. Через церковный центр по рекомендации Совета прекращены службы вне церковных зданий; отменены крестные ходы (кроме пасхального), в том числе и в праздник Крещения; ограничены разъезды служителей культа по населенным пунктам для отправления религиозных треб на дому верующих. По указаниям Совета не допускалось обслуживание одним священником нескольких приходов; снимаются с регистрации церкви, в которых из-за отсутствия священников не производятся службы в течение 6–12 месяцев; более интенсивно проводилось изъятие у религиозных общин бывших общественных зданий и т.д. Значительное сокращение церквей (749 за 2,5 года) и указанные ограничительные мероприятия, проведенные Советом, в основном, прошли безболезненно, без эксцессов и острых реакций. С другой стороны, отдельные случаи администрирования и часто к тому же грубые или нелепые действия на местах вызывали раздражение значительных масс, возмущение такими действиями и поступление жалоб в центральные органы.

В сентябре 1948 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды», в котором говорилось, что «некоторые члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в нашей стране сделали ошибочный вывод, что теперь можно не вести антирелигиозную пропаганду и что религия будет отмирать сама собой. Нельзя успешно решать задачу коммунистического воспитания трудящихся, не ведя борьбы против религиозной идеологии. Задача преодоления религиозных предрассудков и суеверий имеет в период перехода от социализма к коммунизму важное значение»¹⁵⁵.

Постановление было секретным, огласке не предавалось и не печаталось в газетах, а в местные партийные органы были разосланы

---

¹⁵⁵ Цит. по: Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется: Критические очерки борьбы с религией в СССР. М., 1992. С.206.

указания, составленные на его основе. Именно в конце 1940-х гг., когда отношения государства с религиозными организациями стали прохладнее, когда оживилась антирелигиозная работа, в образовательных учреждениях заметно ожесточились требования к преподавателям и учащейся молодежи.

«Оттепель» в отношениях советского государства и церкви оказалась короткой, поскольку главной движущей силой новой религиозной политики стало не покаяние государства за предыдущий разгром христианской цивилизации, а только лишь сиюминутные политические маневры Сталина. Русская Православная церковь по-прежнему оставалась под партийно-чекистским контролем. Первые признаки осложнения государственно-церковных отношений проявились в 1947 г. в виде ужесточения антицерковной пропаганды, которая во время войны и в первые послевоенные годы несколько поутихла. В 1947 г. «Комсомольская правда» напомнила о том, что членство в комсомоле несовместимо с верой в Бога. Конечно, это подразумевалось и раньше, но в течение нескольких лет об этом не говорили официально. В «Учительской газете» появилась статья, в которой осуждалась теория без религиозного образования, и утверждалось, что в социалистическом государстве образование должно быть антирелигиозным.

После четырех лет «религиозной оттепели» в июле 1947 г. по инициативе группы советских ученых, общественных деятелей, работников культуры и искусства было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, принявшее эстафету упраздненного ранее «Союза воинствующих безбожников». В городах стали открываться «Дома научного атеизма». Откликнувшись на это событие передовицей «Пропаганда политических и научных знаний», областная газета «Курская правда» обосновала необходимость активизации лекционной работы по пропаганде материалистического, атеистического мировоззрения тем обстоятельством, что в регионе «...наблюдаются совершенно нетерпимые явления, когда лекционная пропаганда проводится в отрыве от пропаганды

материалистического мировоззрения и борьбы с различного рода мистическими предрассудками и суевериями»¹⁵⁶.

В октябре 1947 г. на закрытом заседании секретариата ЦК ВКП (б) специально рассматривался вопрос о взаимоотношениях правительства СССР и Русской Православной церкви. Секретариат решил держаться «золотой середины»: положение церкви в государстве должно оставаться стабильным, но у коммунистов не может возникать недоумения относительно мировоззрения членов партии – оно остается атеистическим. Церковь следует использовать в интересах государства, главным образом через ее международные контакты. Молодое поколение необходимо оградить от влияния церковников.

Летом 1948 г. в курской областной прессе, доселе обходившей своим вниманием вопросы религии и борьбы с ней, стали декларироваться идеи о несовместимости коммунистического и религиозного мировоззрения, о враждебности последнего делу строительства коммунистического общества.

В сентябре 1948 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды», в котором говорилось, что «некоторые члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в нашей стране сделали ошибочный вывод, что теперь можно не вести антирелигиозную пропаганду и что религия будет отмирать сама собой... Нельзя успешно решать задачу коммунистического воспитания трудящихся, не ведя борьбы против религиозной идеологии. Задача преодоления религиозных предрассудков и суеверий имеет в период перехода от социализма к коммунизму важное значение»¹⁵⁷.

Постановление было секретным, огласке не предавалось и не печаталось в газетах, в местные партийные органы, в том числе и в Курский обком партии, были разосланы указания, составленные на его основе. Именно в конце 1940-х гг., когда отношения государства с религиозными

¹⁵⁶ Курская правда. 1947. 21 июля.

¹⁵⁷ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется: Критические очерки борьбы с религией в СССР. М., 1992. С.206.

организациями стали прохладнее, когда оживилась антирелигиозная работа, в образовательных учреждениях заметно ожесточились требования к преподавателям и учащейся молодежи.

Но все же гораздо более серьезным и ощутимым ударом по РПЦ, чем увеличение числа издаваемых атеистических брошюр и книг, явилась волна арестов духовных лиц, прокатившаяся в 1948 г.¹⁵⁸ Священнослужители подвергались репрессиям во все периоды существования советской власти. Рубеж 1940-х – 1950-х гг. оказался в этом отношении более тяжелым, чем первые послевоенные годы, хотя новый удар по церкви был несоизмерим с тем, что она пережила в два первых десятилетия советского строительства. В конце 1940-х гг. священнослужители разделили общую судьбу народа, который власти не переставали испытывать на выносливость и выживание среди прочих бед еще и тюрьмами и лагерями. Большинство вернувшихся на Родину эмигрантов было подвергнуто репрессиям, в «худшем» случае – арестам, в «лучшем» – ссылке или высылке.

Частичный пересмотр политики советского государства по отношению к РПЦ сказался и на количестве приходов: в 1949 – 1953 гг. было закрыто 755 приходов, а общее число действующих приходов сократилось на шесть процентов¹⁵⁹. В большинстве случаев, это были храмы, уже ранее отбирившиеся у РПЦ. Во время войны они вновь были открыты на оккупированной территории. В соответствующих документах о них говорилось как о «незаконно захваченных верующими»¹⁶⁰. Иногда приходу взамен конфискованного храма предлагалось на свои средства купить или снять в аренду обычное жилое здание и оборудовать его под молитвенный дом.

Типичным фактом вторжения государства в частную жизнь своих граждан является перлюстрация частной переписки разных социальных

¹⁵⁸ См.: Цыпин В. История Русской Церкви. 1917–1997. Т.9. М., 1997. С.358.

¹⁵⁹ Подсчитано автором по: Цыпин В. История Русской Церкви. 1917–1997. Т.9. М., 1997.

¹⁶⁰ Гордун, священник. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской Патриархии. 1991. №1. С.45.

групп СССР и Центрального Черноземья. Сводки региональных органов МГБ о настроениях населения, подготовленные по материалам перлюстрации частной корреспонденции, направлялись в партийные органы, вплоть до ЦК ВКП (б). Тематика сводок была самая разнообразная. Например, в информации Министерства государственной безопасности СССР от 25 июня 1946 г., подготовленной по данным перлюстрации частной корреспонденции, на имя секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Жданова сообщалось об отношении населения к налоговой политике. Приведем лишь отдельные выдержки из писем, исходящих в Красную Армию с отрицательными высказываниями по поводу увеличения налогов:

– После войны жизнь стала хуже. Налоги увеличили... Хотим уехать, в колхозе нет жизни.

– Кончилась война, думали, что жить будет легче, а оказывается еще труднее, налоги наложили в двойном размере.

– Мы воевали за то, чтобы улучшилась наша жизнь, а она, наоборот, становится еще хуже: с нас сейчас требуют налоги вдвое больше, чем мы платили в годы войны.

– Жизнь в деревне стала очень тяжелой: из колхоза ничего не дают, а с нас требуют 290 литров молока, мясо, яйцо, шерсть. У нас из семьи три человека погибло на фронте, а на это не обращают внимания¹⁶¹.

Военной цензурой и пунктами политического контроля МГБ СССР региона в значительной количестве выявлялись письма крестьян о положении в колхозах. Выдержки из наиболее характерных писем направлялись в центральный аппарат Министерства госбезопасности, а оттуда – в ЦК ВКП (б). Приведем некоторые из них, датированные июнем 1946 г.:

– На работу все ходят слабо, потому что нет никакого питания... Люди черные, опухшие. У всех одно настроение – как бы удрать.

---

¹⁶¹ РГАСПИ.Ф.17.Оп.121.Д.547.Л.4-8.

– Работаем в колхозе, как у помещика, потому что на работу гонят, а не кормят и за работу не оплачивают. А для приманки дают в день по чайной ложке баланды, 50 г хлеба и то не всегда, а в неделю 2–3 раза, чтобы дышали и не подохли.

– Не очень скучай о колхозе, ибо здесь люди погибают, в бригаде и дома нечего кушать, а работать заставляют. ...Люди мучаются, картошки для питания нет.

– В колхозе вся работа стала, все бросились в разные стороны, а работа в поле идет мертво: план колосовых не выполнен, яровых тоже нет. А остальное все посохло.

– Настроение паническое. Начали косовицу, все ломается... Сейчас много мужчин вместо того, чтобы наладить работу, все разлаживают. Косят вручную женщины, а мужчины просто разложились. Трактора все стоят разломаны.

– У нас сейчас опять прислали нового председателя, но все равно работает плохо. Питания нет, на работу стали выходить еще хуже. Вот и гадай, что получишь на трудодни. Конечно, надо куда-нибудь уезжать¹⁶².

Результаты негласного просмотра гражданской корреспонденции сотрудниками Отдела «В» МГБ СССР в июне 1946 г. свидетельствовали, что негативных высказываний складывающимся положением вещей на промышленных предприятиях в достаточном количестве содержалось и в частных письмах рабочих:

– Зарплату рабочим и служащим не выдали еще за апрель, уже подходит четвертая получка, а деньги все не дают и перспективы на выдачу очень плохие. Можешь себе представить, какая после этого может быть у рабочего производительность.

– Работаю 3-й месяц, но денег получил только 70 рублей – аванс за апрель. Денег нет, потому что продукция завода идет в брак.

---

¹⁶² РГАСПИ.Ф17.Оп.121.Д.547.Л.13–16.

– Работы нет, работаем в одну смену по 8 часов. Рабочих отправляют на лесозаготовки, на строительство, в совхозы. Продукцию не выпускаем, а поэтому денег не платят. Так что работаем бесполезно.

– Положение на заводе плохое. Программа не выполняется работы нет. Деньги еще не выдали за апрель. Правда, анализ работы туманный, особенно перспектива. Здесь обещают рай, а на самом деле все на самотек, нет хорошего хозяина¹⁶³.

Стремление власти контролировать все сферы жизни общества распространялась и на частную жизнь. Принципы работы системы запретов и ограничений в этой области материалы диссертации демонстрируют на примере такой проблемы как отношение к абортам. Аборты в Советском Союзе были запрещены на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. Искусственное прерывание беременности допускалось в исключительных случаях – по медицинским показаниям. В отдельных случаях за разрешением на аборт необходимо было обращаться к Председателю Президиума Верховного Совета СССР¹⁶⁴. Лица, уличенные в производстве аборт, подвергались уголовному преследованию по ст. 140 УК РСФСР. Для производящего аборт врача это грозило тюремным заключением на срок от одного года до двух лет, для лиц, не имеющих специального медицинского образования, – тюремным заключением на срок не ниже трех лет; для самой беременной женщины производство аборта в первый раз наказывалось общественным порицанием, а при повторном нарушении – штрафом до трехсот рублей. Запрет на аборты был отменен указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г.¹⁶⁵

Министерство здравоохранения СССР в начале 1950 г. провело анонимное анкетирование, чтобы попытаться систематизировать причины аборт и внести соответствующие предложения во властные структуры. Так, согласно ответам на анкеты, на первом месте была названа

¹⁶³ РГАСПИ.Ф.17.Оп.121.Д.547.Л.9–12.

¹⁶⁴ ГАРФ.Ф.7523.Оп.38.Л.185–187.

¹⁶⁵ Советская жизнь. 1945 – 1953. М., 2003. С.678.

неустойчивость семьи (наличие у мужа второй семьи, незарегистрированный брак, плохие отношения с мужем) – 45,7%; на втором месте – плохие жилищные условия (28,9%); на третьем месте – тяжелый физический труд на предприятиях (15,4%); на четвертом месте – плохие материальные условия (6,7%); на пятом месте – нежелание иметь ребенка (3,8%). Из 235 женщин, подавших эти анкеты, по одному ребенку имели 88 женщин, по 2 ребенка – 55, по – 15, 4 – одна, и детей не имели 76 женщин¹⁶⁶.

В мае 1950 г. результаты изучения судебной практики о производстве аборт рассматривались на заседании Коллегии Министерства юстиции СССР. В числе наиболее неблагополучных областей РСФСР по состоянию работы судов по борьбе с абортами, наряду с Москвой, Ленинградом, Московской, Куйбышевской, Саратовской и рядом других областей, Коллегия Минюста СССР отметила и Воронежскую область¹⁶⁷.

В своем постановлении Коллегия Минюста СССР особо подчеркнула резкое увеличение дел об абортах. Так, по сравнению с 1948 г. число осужденных за производство аборт в 1949 г. возросло на 39,4%, а за «самоаборты» – 66,7%. При этом, «...многие суды и органы МЮ не сделали необходимых политических (выделено – автором) выводов из факта такого резкого увеличения поступления дел об абортах и вместо того, чтобы усилить борьбу с этими преступлениями, ослабили ее»¹⁶⁸.

Коллегия пришла к выводу, что более 80% дел проходили под видом так называемых самоабортов, т.е. по ст.140-б УК РСФСР, что в известной мере явилось результатом того, что органы здравоохранения и следствия часто не выявляли действительных обстоятельств, при которых был произведен аборт, не выявляли и не привлекали к уголовной ответственности лиц, виновных в производстве аборт, а суды принимали к своему производству такие плохо расследованные дела и рассматривали их по существу. Разбирательство в судах нередко проводилось поверхностно, не

¹⁶⁶ ГАРФ.Ф.9492.Оп.1а.Д.608.Л.239.

¹⁶⁷ ГАРФ.Ф.9492.Оп.1а.Д.608.Л.235.

¹⁶⁸ ГАРФ.Ф.9492.Оп.1а.Д.608.Л.233.

обеспечивало выяснения действительных обстоятельств, при которых был произведен аборт и выявления лиц, понуждавших и подстрекавших женщину к производству аборта. По мнению членов Коллегии министров СССР «...в практике имеются нередкие случаи, когда судьи применяют к лицам, изблеченным в производстве аборта, недопустимо мягкие меры наказания. Особенно либерально многие суды относятся к пособникам в производстве аборт, применяя к ним, как правило, условное осуждение, тогда как борьба с абортами требует сурового наказания всякого рода посредников и иных лиц, способствующих своими действиями совершению аборт. Дополнительные меры наказания – лишение избирательных прав, запрещение занятия лечебной деятельностью, высылка – применяются судами по этим делам лишь в редких случаях. За 1949 г. по Союзу ССР эти меры наказания были применены лишь к 5,5% осужденных, причем высылка была применена только в 21 случае¹⁶⁹.

Коллегия Министерства юстиции СССР обязала министров юстиции союзных и автономных республик и начальников управлений Министерства юстиции при областных и краевых советах депутатов трудящихся принять меры к устранению имеющихся недостатков. Особое внимание надлежало уделить делам, имеющим серьезное общественное значение, в особенности делам об абортах со смертельным исходом, которые должны были рассматриваться с освещением судебных процессов в печати. В российской провинции в начале 1950-х гг. находились люди, которые, в рамках предоставленных Конституцией СССР политических прав, хотели изложить в произведениях литературного или публицистического жанра свое отношение к действительности или разрешения всех социальных проблем, которые искали способы создания идеального общества, под названием «коммунизм». Авторы зачастую были мало образованы, не очень владели пером, но были искренне, что и придает их текстам дополнительный интерес. Позволяет, наряду с личной трагедией каждого, обвиненного в антисоветской

---

¹⁶⁹ ГАРФ. Ф.9492. Оп.1а. Д.608. Л.234.

агитации и пропаганде, подойти как бы изнутри к проблеме соблюдения властными структурами и правоохранительными органами прав человека и гражданина в российской провинции в последний год правления и жизни Сталина.

В послевоенные годы предсказуемые «правила игры» во взаимоотношениях власти и населения, органов госбезопасности и личности, человека – вот то новое, что шло на смену сталинскому режиму, хотя сама природа режима не изменилась. Сталинская, а вернее большевистская, практика «чрезвычайщины» делала ставку на тотальное запугивание людей, была «по площадям». В этой системе отношений лояльность и «рот на замке» не могли гарантировать выживания. Личность была дезориентирована, никто не мог выработать правила «техники безопасности» для существования в подобном перекошенном мире.

Таким образом, органы госбезопасности Центрального Черноземья в конце 1940-х – начале 1950-х гг. меньше стали злоупотреблять законом, но сам закон не стал от этого более справедливым. Восстанавливались нормы «социалистической законности», но сама законность по-прежнему была «социалистической» – жестокой и противоречивой. Провозглашенная в Конституции 1936 г. свобода слова, митингов и собраний фактически отменялась статьей 58 УК РСФСР о «контрреволюционных преступлениях», а меры наказания, предусмотренные этой статьей, по-прежнему были сопоставимы только с наказаниями за самые тяжкие уголовные преступления (убийства, изнасилования и т.д.). Право граждан региона на простое высказывание любых альтернативных официально «утвержденным» взглядам трактовалось как опасное государственное преступление. Как и прежде, даже лояльность к власти не давала человеку почти никаких гарантий, что его права не будут в той или иной степени нарушены, свидетельством чему служат многочисленные архивные документы спецслужб, прокуратуры и судебных органов региона. В определенной степени этому способствовала и размытость юридических границ, которая

являлась постоянной «зоной риска», для личности и гражданина, держала в напряжении, повышала тревожность и возбуждала страх и мнительность у потенциальных оппозиционеров или просто критически настроенных граждан. Стремление к юридической ясности не находило поддержки «наверху». Режим же сохранял возможность при необходимости и по собственному политическому произволу обрушить удар репрессий на ту или иную социальную группу.

Советские граждане, в том числе и жители Центрального Черноземья, попавшие под «колпак» спецслужб, в основном не были сознательными и убежденными противниками режима. Поскольку УК РСФСР предусматривал наказание за антисоветскую агитацию и пропаганду, но не за соответствующие мнения, то в обвинительном заключении должна была присутствовать формулировка: «Систематически среди своего окружения высказывал...» и приводились те или иные факты. Реально это означало, что личность, гражданин во время застолья с приятелями, среди соседей по квартире или сослуживцев высказывался о политике, международных событиях, последних правительственных постановлениях, пожаловался на жизнь (цены высокие, заработок маленький, в магазинах ничего нет, в колхозе работают много, а живут бедно и т.п.).

Часто толчком для такого рода разговоров служила какая-либо житейская коллизия или случайное событие, приведшее человека в эмоционально взвинченное состояние: понижение в должности, невозможность разрешить жилищные сложности, бытовая бюрократическая волокита, дефицит товаров – и расстроенный советский гражданин начинал ругать власти. Другой характерной, часто повторяющейся ситуацией была болтовня в нетрезвом состоянии, среди собутыльников или же просто на улице, в людном месте (в переполненном транспорте, в очереди в магазине, на базаре и т.п.).

Тем самым, политические настроения и высказывания интеллигенции имели свои характерные приметы. В 1950-е годы преобладала критика власти

с «марксистских» позиций. Обвиняли правительство в отступлении от ленинских норм, нарушении принципов пролетарского государства, говорили о том, что диктатура пролетариата сменилась диктатурой партийной бюрократии и возник новый класс эксплуататоров. При этом высказавшийся мог быть как сталинистом, так и противником Сталина.

Антисталинские высказывания представляли весь спектр народного инакомыслия 1950-х годов – от фольклорных, освященных традицией легенд о выпавших изо рта тирана после смерти «собачьих зубах» до вполне интеллигентных размышлений о будущем составе руководства, от воспоминаний о казавшейся теперь «сладкой» доколхозной жизни до вульгарной антисемитской ругани по поводу народных страданий при Сталине.

Содержание «антисоветских» высказываний многослойно. Люди осмысливали повседневную реальность (пустые полки и очереди в магазинах, низкое качество изделий и товаров широкого потребления, бюрократизм и пр.), сравнивая ее с пропагандистскими заявлениями чиновников и журналистов об изобилии и процветании в стране Советов. Даже в лояльных умах, не склонных подвергать сомнению основные положения пропаганды, на бытовом, обыденном уровне все же складывалось критическое и несколько насмешливое отношение к власти в различных ее облициях – будь то секретарь райкома или обкома партии, председатель сельсовета колхоза, директор завода или парторг. Иронический взгляд на власть воплощался и в обилии политических анекдотов.

Реальными поводами для критики политики Хрущева в широких слоях населения были нехватка продуктов и товаров (в том числе хлеба), очереди в магазинах, вообще все то, что квалифицировалось следствием как «выражение недовольства материальными условиями жизни»; отсрочка платежей по государственным займам, снижение расценок оплаты труда рабочих и повышение цен; иронически воспринималась и кукуруза. но

наиболее сильное раздражение у советских граждан вызывали частые заграничные поездки Хрущева и приемы иностранных делегаций.

Фактически большинство антисоветских разговоров не были «антисоветскими» в точном смысле слова; народная крамола не выходила за рамки господствующей культурной парадигмы. Послевоенное советское общество было в своей основе даже более патриархально, чем дореволюционная Россия, где идея личной свободы была, по крайней мере, достоянием элиты. А патриархальный тип мышления отличался высокой степенью обобществления, господством коллективных представлений над индивидуальным сознанием. И бытовые «антисоветчики» и те, кто их карал, то есть сотрудники правоохранительных органов, в большинстве своем видели мир одинаково, обладали сходными системами ценностей, этическими нормами, объемом информации.

2.2 БОРЬБА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ КГБ СССР С ИНАКОМЫСЛИЕМ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ в 1960-е – первой половине 1970-х годов

Деятельность органов государственной безопасности в рассматриваемый период была в значительной мере подвержена влиянию внутривнутриполитических процессов, происходивших в стране. Возникающие противоречия в обществе однопартийная система стремилась преодолевать различными путями, в том числе и с привлечением правоохранительных органов. Сохранить социалистическую систему, не устраняя принципиально ее недостатков, было возможно лишь при условии подавления любых попыток критики существующего строя. После смерти Сталина в СССР, казалось бы, начался процесс некоторого обновления социалистической системы, однако, проводимые реформы, наоборот, закладывали основы для еще более глубокого кризиса. В обществе накапливался деструктивный потенциал, проявившийся в дальнейшем. Экономические трудности вызывали различную реакцию населения – от анонимных листовок до массовых антиправительственных выступлений. Во многих выступлениях экономические и политические требования тесно переплетались, а в ряде республик они дополнялись националистическими и религиозными.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. был образован Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Решение о выделении органов госбезопасности из Министерства внутренних дел в самостоятельное ведомство мотивировалось тем, что структура МВД слишком громоздка и потому малоэффективна. Председателем КГБ при СМ СССР был назначен бывший первый заместитель министра внутренних дел И.А. Серов.

КГБ при СМ СССР являлся союзно-республиканским государственным комитетом и действовал на правах министерства (председатель КГБ входил в состав Совета Министров СССР). В отличие от существовавшего до марта

1953 г. Министерства государственной безопасности это был принципиально новый орган, подчиненный и подконтрольный не только ЦК КПСС, но и Совету Министров СССР, хотя и в меньшей степени¹⁷⁰.

Указами президиумов Верховных Советов союзных и автономных республик образовывались комитеты государственной безопасности при советах министров союзных и автономных республик. В краях и областях образовывались управления или отделы КГБ при СМ СССР или при Совете Министров союзной республики. В городах и районах вместо бывших городских отделов или отделений МВД СССР создавались аппараты уполномоченных КГБ при СМ СССР или КГБ при СМ союзной республики. В марте 1954 г. было создано управление КГБ при СМ СССР по Курской области, которое возглавил полковник Копылов Ф.И.¹⁷¹

Образовав Комитет государственной безопасности, ни Верховный Совет СССР или его Президиум, ни Совет Министров СССР не приняли никакого правового акта, регламентирующего деятельность спецслужбы. Фактически специфическая оперативно-служебная деятельность сотрудников центрального аппарата и территориальных подразделений органов КГБ в сфере разведки и контрразведки регламентировалась закрытыми решениями ЦК КПСС и его Политбюро, а точнее, отделом административных органов ЦК, и ведомственными нормативными актами. Ведь Указу Президиума Верховного Совета СССР об образовании КГБ при СМ СССР предшествовало специальное решение ЦК КПСС. Аппарат ЦК компартии определял политическую линию органов ГБ, их стратегию, что находило конкретное отражение в материалах и решениях съездов партии, соответствующих пленумов ЦК КПСС¹⁷².

Помимо этого в партийном решении была сформулирована и главная задача для КГБ: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берия в органах государственной безопасности и добиться

---

¹⁷⁰ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1998. С. 61.

¹⁷¹ Управление ФСБ России по Курской области. 1983–2003. Курск, 2003. С. 16.

¹⁷² Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. М., 1996. С. 63.

превращения органов государственной безопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей»¹⁷³.

В этих словах, проникнутых партийной демагогией, содержалась характерная мысль о роли и месте органов госбезопасности в советской системе подавления прав и свобод граждан. Им отводилась роль репрессивного инструмента КПСС для обеспечения монополии власти. И органы КГБ моментально снискали себе дурную славу из-за преследования людей за их убеждения и «инакомыслие», то есть как раз людей честных. Особенно заметно усилия КГБ проявились в борьбе с «крамоллой» и диссидентами в 1960-е – начале 1980-х гг. Говоря о методах контроля органов госбезопасности над населением, следует указать, что с конца 1950-х гг. прямые репрессии постепенно уступают место «профилактической работе», именно так в партийных и нормативных документах спецслужбы стал именоваться психологический и моральном террор.

Важнейшим событием рассматриваемого периода стало принятие «Положения о КГБ при СМ СССР», закрепившего принципы взаимоотношений руководящих органов КПСС и КГБ. Это Положение обсуждалось 23 декабря 1958 г. Секретариатом ЦК КПСС. А было утверждено Президиумом ЦК КПСС 9 января 1959 г. В тот же день «Положение о КГБ при СМ СССР» было введено в действие постановлением Совета Министров СССР и сохраняло свою силу вплоть до 16 мая 1991 г., пока не был принят Закон СССР об органах государственной безопасности. В отличие от Закона «Положение...» было совершенно секретным документом, доступным лишь высоким руководителям самого КГБ.

Приоритетная роль КПСС была сформулирована в 1-й и 3-й статьях «Положения о КГБ СССР при СМ СССР»:

---

¹⁷³ Цит. по: Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1991. М., 2003. С. 8.

«1. Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите Социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства...

3. Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС»¹⁷⁴.

На протяжении всего периода существования советской власти в структурах госбезопасности были подразделения, в чьи задачи входила борьба с «преступлениями мысли», т.е. борьба со всеми теми, кто в той или иной форме выступал против советской власти. Во времена ВЧК – ОГПУ эти функции были сосредоточены в Секретном отделе. В 1931 г. отдел был переименован в Секретно-политический отдел, что более точно стало отражать его сущность. (В середине 1930-х гг. штат отдела в центральном аппарате достигал 200 человек). С конца 1936 г. было принято вместо названий отделов, в целях конспирации, использовать номера. С этих пор Секретно-политический отдел, а потом управление, назывались – сначала Четвертым, затем – Вторым отделом, потом – Третьим управлением и, наконец, на момент смерти Сталина, – Пятым управлением МГБ СССР¹⁷⁵.

После образования Комитета государственной безопасности, в его структуре, как это было и во времена Сталина, было предусмотрено Секретно-политическое управление (4-е Управление КГБ), а направленность

---

¹⁷⁴ Цит. по: Петров Н.В. Специальные структуры КГБ СССР по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М., 2007. С.308.

¹⁷⁵ Петров Н.В. Специальные структуры КГБ СССР по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М., 2007. С.306.

его работы первоначально соответствовали стандартам сталинского времени. Штат 4-го Управления был объявлен Приказом КГБ №0036 от 30 марта 1954 г. и его структура была сконструирована следующим образом:

1-й отдел занимался так называемым антисоветским подпольем: троцкистами, правыми, меньшевиками, эсерами, анархистами и участниками других бывших «антисоветских политпартий и организаций»;

2-й отдел боролся с украинскими и белорусскими «буржуазными националистами»;

3-й отдел боролся с литовскими, латвийскими и эстонскими «буржуазными националистами»;

4-й отдел боролся со всеми остальными «буржуазными националистами». (Здесь имеются в виду национальные движения в других союзных и автономных республиках СССР);

5-й отдел занимался борьбой с «антисоветскими элементами» среди интеллигенции»;

6-й отдел занимался борьбой с «антисоветскими элементами» среди молодежи;

7-й отдел занимался духовенством всех конфессий, в том числе и сектантами;

8-й отдел занимался розыском авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных документов;

9-й отдел занимался работой по выявлению и «пресечению враждебной деятельности антисоветских элементов в районах улиц, по которым следовали правительственные кортежи, а так же среди персонала особо охраняемых объектов, где могли появиться члены Президиума ЦК: в 4-м управлении Министерства здравоохранения, в московских академических театрах, в Колонном зале Дома Союзов, в Государственном цирке, в центральном секторе стадиона «Динамо» и т.п. Этот же отдел занимался выдачей допусков на особо охраняемые объекты;

10-й отдел осуществлял негласный контроль почтово-телеграфных отправок и корреспонденции дипломатических корпусов (т.е. занимался перлюстрацией)¹⁷⁶.

Структура КГБ, как живой организм, чутко реагировала на изменения, происходившие в обществе. Так, 1 мая 1954 г. в Архангельске из колонны демонстрантов по трибуне, на которой находилось областное начальство, были произведены выстрелы. Несколько человек, в том числе секретарь обкома партии, были убиты. Начальник областного управления КГБ был снят с работы. Как реакция на это событие функции 1-го отдела 4-го Управления КГБ при СМ СССР были расширены. Теперь отдел занимался также расследованием поступающих в КГБ заявлений о террористических намерениях.

Наметившийся в 1954-1955 гг. отход от сталинских установок во внутренней политике (например, тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере построения социализма больше не использовался в официальной пропаганде), начавшийся процесс реабилитации привели к пересмотру и упрощению структуры 4-го управления КГБ, а также соответствующих подразделений в областных управлениях.

Закрытый доклад Н.С. Хрущева о культе личности на XX съезде КПСС вызвал в российском обществе политическое брожение. Особенно чутко отреагировала молодежь. Как отмечалось в апреле 1956 г. в разосланном на места циркулярном письме председателя КГБ И.А. Серова, националисты и троцкисты для прикрытия своих антисоветских замыслов распространяют провокационные слухи, «пытаются использовать проводимые партией мероприятия по ликвидации культа личности», широко вовлекают в свою деятельность молодежь¹⁷⁷. Руководитель советских чекистов подчеркнул, что «ЦК КПСС справедливо требует от органов госбезопасности быть

¹⁷⁶ См.: Петров Н.В. Специальные структуры КГБ СССР по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М., 2007. С.306.

¹⁷⁷ ЦА ФСБ РФ.Ф.5-ос.Оп.3.Д.19.Л.263.

бдительными, умело распознавать врага и вовремя разглядеть его ухищрения»¹⁷⁸.

И.А. Серов сетовал на то, что оперативные сотрудники «утратили политическую остроту в работе, проявляют растерянность» и вместо привлечения к уголовной ответственности ограничиваются проведением профилактики». Под «профилактикой» в КГБ понимали систему мер морального воздействия. Например, разбор персонального дела на собраниях; воспитательные беседы, проводимые оперативными работниками (зачастую сопровождаемые угрозами ареста) и тому подобные меры. Председатель КГБ строго указал на то, что «метод профилактики нельзя превращать в основу борьбы с подрывной деятельностью антисоветских элементов»¹⁷⁹.

В декабре 1956 г. было подготовлено специальное закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы в массах и пресечению вылазок антисоветских враждебных элементов». В письме отмечалось, что наиболее подверженными «ревизионистским взглядам» оказались молодежь, студенчество, а также творческая и научная интеллигенция. И вполне традиционно предлагалось обращать внимание на такую категорию граждан, как амнистированные и репрессированные, «особенно из числа бывших троцкистов, правых оппортунистов и буржуазных националистов»¹⁸⁰.

Все негативные события, произошедшие в стране после 1953 г., характеризовались лидерами партии как результат подрывной деятельности Запада и происки «враждебных элементов». Однако при обсуждении этого письма на закрытых партсобраниях вновь звучала острая критика в адрес Центрального Комитета и проводимой им политики. Коммунисты требовали объективной информации в освещении происходящих за рубежом событий, недоумевали по поводу характера внутривластных преобразований.

¹⁷⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф.5-ос. Оп.3. Д.19. Л.269.

¹⁷⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф.5-ос. Оп.3. Д.19. Л.270.

¹⁸⁰ См.: Паповян Е., Патовян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957–1958 // Корни травы. М., 1996. С.54–76.

Ответом Комитета государственной безопасности на установки партийного руководства стало Указание КГБ при СМ СССР от 29 декабря 1956 г. с требованием ужесточить борьбу с «антисоветскими выступлениями». В феврале 1957 г. в 4-м управлении КГБ был специально выделен 7-й отдел с функциями «агентурно-оперативной работы в высших учебных заведениях с целью выявления и пресечения враждебной деятельности, антисоветских элементов из числа молодежи и лиц, оказывающих на нее враждебное влияние»¹⁸¹.

Письмо ЦК КПСС и циркуляр председателя КГБ И.А. Серова в региональные управления, в котором оперативный состав переориентировался с методов профилактической работы на аресты, привели к тому, что в 1957 г. было осуждено 2948 человек за контрреволюционные преступления, что почти в 4 раза превысило тот же показатель за 1956 г.¹⁸²

Одним из положительных моментов процесса реформирования советской политической системы, начатого Н.С. Хрущевым и его сторонниками, стало избавление от крайностей и эксцессов сталинского периода, да и сама система стала более «цивилизованной», с лицом, если и не совсем человеческим, но, во всяком случае, не тигриным»¹⁸³.

В сфере права началась напряженная работа как в области формально-законодательной, так и в области практического применения законов, выразившаяся в подписании ряда международных конвенций, в попытке согласования советского законодательства с международными правовыми нормами, в обновлении следственных и судебных кадров.

В декабре 1958 г. были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления. Наряду с провозглашением в качестве главной задачи «охрану советского и

---

¹⁸¹ См.: Петров Н.В. Специальные структуры КГБ СССР по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М., 2007. С.308.

¹⁸² Паповян Е., Патоян А. Участие Верховного Суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957–1958 // Корни травы. М., 1996. С.61.

¹⁸³ Сахаров А.Д. Неизбежность перестройки // Иного не дано. М., 1988. С. 123.

государственного строя, социалистической собственности, социалистического правопорядка, личности и прав граждан»¹⁸⁴, исключались некоторые виды наказаний (в частности, объявление «врагом народа»).

23 июня 1959 г. была подписана серия приказов КГБ при СМ СССР о реорганизации подразделений центрального аппарата, в частности приказ о новой структуре 4-го управления КГБ. Теперь «идеологическое» управление состояло из пяти отделов:

1-й отдел занимался «Выявлением и пресечением враждебной деятельности участников бывших антисоветских политических партий, троцкистских и иных подозреваемых в организованной борьбе с советским строем вражеских элементов (кроме буржуазных националистов, церковников и сектантов);

2-й отдел занимался выявлением и пресечением враждебной деятельности антисоветских элементов среди украинских, литовских, латышских, эстонских, еврейских буржуазных националистов и местных буржуазных националистов в республиках Кавказа и Средней Азии»;

3-й отдел занимался «работой по выявлению и пресечению враждебной деятельности антисоветского подполья среди духовенства и церковников различного вероисповедания, активистов всех толков и направлений»;

4-й отдел занимался «розыском авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных документов»;

5-й отдел занимался «профилактической работой в лечебных учреждениях 4-го управления при Минздраве СССР и академических театрах г. Москвы», а также проведением агентурной и специальной проверки лиц, привлекаемых к медицинскому обслуживанию «охраняемых» (т.е. членов Президиума ЦК КПСС) и поступающих на работу в обслуживаемые отделом объекты¹⁸⁵.

¹⁸⁴ Исаев Н.А. История государства и права России. М., 1994. С. 411.

¹⁸⁵ Петров Н.В. Специальные структуры КГБ СССР по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М., 2007. С.309–310.

Помимо пяти отделов в 4-м управлении КГБ было создано отделение по работе местных органов госбезопасности, в задачи которого входила помощь местным органам и контроль над их деятельностью в соответствии с функциональными обязанностями.

С 1959 г. вошло в правило на основе важнейших директивных решений съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС по идеологическим вопросам обязательно выпускать приказы и циркуляры КГБ с указаниями о перестройке оперативной работы и том или ином изменении в карательной политике. Так, 15 июля 1959 г. был выпущен Приказ КГБ «О задачах органов государственной безопасности в связи с решениями XXI съезда КПСС и Положением о Комитете госбезопасности при СМ СССР и его органах на местах». В приказе говорилось о роли и месте КГБ в советской системе, о задачах и направлениях деятельности, причем примерно в тех же формулировках, как и в Положении о КГБ. Вместе с тем указывалось на неудовлетворительное состояние работы с агентурой, в которой «много формализма, фактов беззаботного отношения к сохранению ее от расконспирации, воспитанию, обучению и проверке», а сама агентурная сеть «продолжает оставаться неоправданно большой». Распорядительный документ констатировал наличие «серьезных недостатков» в контрразведывательной работе, особенно против действий «антисоветских эмигрантских организаций».

В приказе от 15 июля 1959 г. четко обозначились новые веяния, которые непосредственно вытекали из речи Н.С. Хрущева на съезде: «Нужно предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключали проявление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу. Главное – это профилактика, воспитательная работа»¹⁸⁶. Органам КГБ предлагалось проявить больше гласности в работе, крепить «связь с массами», устанавливая «доверительные отношения с гражданами»,

---

¹⁸⁶ Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959. Т. 1. С. 106.

а агентуру шире использовать для «оказания полезного политического влияния» на людей «заблуждающихся, политически незрелых, особенно из числа молодежи». О приоритетной роли «профилактики» в выше цитируемом приказе говорилось особо: «Учитывая политическую обстановку в стране, великое соединение народа вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, органы госбезопасности, наряду с карательными мероприятиями, должны применять больше профилактических, предупредительных мер. Не только наказание и принуждение, но и убеждение должно стать в нынешних условиях одним из главных методов работы органов госбезопасности, и особенно по отношению к молодежи». Хоть и не слишком отчетливо, но уже в этом приказе наметился подход объяснять все крамольные проявления и критику властей со стороны населения влиянием «антисоветских центров», существующих вне территории Советского Союза. Идеологи КПСС отрицали наличие в СССР причин для политического и социального недовольства масс.

В приказе КГБ «О задачах органов государственной безопасности в связи с решениями XXI съезда КПСС и Положением о Комитете госбезопасности при СМ СССР и его органах на местах» говорилось: «При решении вопроса об аресте того или иного человека, органы госбезопасности должны исходить не из формальных соображений пресечения преступной деятельности, а всесторонне исследовать существо фактов, обстоятельств и мотивов, побудивших то или иное лицо встать на путь совершения преступления, характер допущенных антисоветских проявлений или антиобщественных проявлений или антиобщественных действий, их последствия и вред, причиненный этими проявлениями, уровень политического развития лица, допустившего преступление, а также мнение коллектива, который знает это лицо, мнение партийной или общественной организации. Только после такого тщательного анализа следует решать

вопрос, надо ли подвергать его аресту. Такой подход даст возможность многих советских людей вместо ареста – предупредить»¹⁸⁷.

Как справедливо заметил А. Амальрик¹⁸⁸, поступательное движение к построению правового государства затруднялось тем, что, во-первых, власть сама из тех или иных соображений текущей политики издавала законы и указы, находящиеся в прямом противоречии с только что подписанными международными конвенциями и одобренными основами советского законодательства. Например, принятие в 1961 г. не внесенного в Уголовный кодекс РСФСР указа о пятилетней ссылке с принудительным трудоустройством для лиц без постоянной работы или расширение меры наказания за валютные операции вплоть до расстрела, с фактическим приданием этому указу обратной силы). Во-вторых, замена кадров в правоохранительных органах проводилась крайне ограниченно и непоследовательно, во многом из-за отсутствия достаточного числа новых работников с пониманием самой идеи правопорядка. В-третьих, корпоративность практических работников заставляла их противиться всему, что могло бы как-то ограничить их влияние и покончить с их исключительным положением в обществе. Наконец, сама идея правопорядка не имела почти никаких корней в советском обществе и находилась в явном противоречии с официально провозглашенными доктринами «классового» подхода ко всем явлениям, в том числе и в области права.

В тоже время значительным изобретением эпохи застоя, на наш взгляд, механизма «дифференцированных адресных репрессий»¹⁸⁹. Чтобы восстановить видимость «единомыслия» вовсе не требовалось обращаться к массовому террору. С избытком хватило, с одной стороны, громадной пропагандистской машины, помпезно проповедующей преимущества

¹⁸⁷ Цит. по: Петров Н.В. Специальные структуры КГБ СССР по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3. М.,2007. С.309.

¹⁸⁸ Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину: Анатомия застоя. М.,1991.С. 654–655.

¹⁸⁹ Левада Ю., Ноткина Т., Шейнис В. Секрет нестабильности самой стабильной эпохи // Погружение в трясину: Анатомия застоя. М.,1991.С.24.

социалистической системы, возрастание руководящей роли партии и верность марксизму-ленинизму, а с другой – карательных органов, и, прежде всего, КГБ СССР, заметно усилившего свое влияние во второй половине 1960-х – 1970-е гг.

Процесс относительной демократизации общественно-политической жизни страны с этого времени заканчивается и начинается период усиления преследований инакомыслящих и тех, кто выступал с критикой лидеров КПСС. Подтверждением служат следующие примеры. В конце 1950-х–начале 1960-х гг. в ряде мест произошли крупнейшие демонстрации протеста гражданского населения против экономической политики КПСС, в основном в сфере сельского хозяйства, что негативно отражалось на материальном положении трудящихся. Резко негативную реакцию населения страны вызвали решения руководства страны, направленные на сокращение и ограничение личных подсобных хозяйств и приусадебных участков граждан. Эти нововведения наносили огромный вред сельскому хозяйству и усугубляли продовольственную проблему. В результате деятельности Хрущева в России исчезло 139 000 «неперспективных» деревень¹⁹⁰.

В августе 1959 г. волнения охватили г. Темиртау Карагандинской области Казахской ССР. Демонстрация протеста рабочих на строительстве Карагандинского металлургического завода переросла в массовые беспорядки. Три дня продолжались бесчинства, грабеж магазинов, столовых, нападения на административные здания и поджоги. В основном в них участвовали лица, условно освобожденные от заключения для освоения угольного бассейна. В областных и республиканских городах осенью 1959 г. участились случаи распространения анонимных документов, направленных против Указа Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках».

---

¹⁹⁰ Белелюбский Ф. Как Никита Хрущев Брежнева спас///Правда. 1994.20 апреля.

На VIII партийной конференции Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР, проходившей в сентябре 1961 г., отмечалось, что местные органы КГБ в новой внутривнутриполитической обстановке «были застигнуты врасплох и оказались неподготовленными к принятию мер по предупреждению и ликвидации массовых явлений противоправного характера». Участники конференции предлагали провести соответствующую перестройку в органах государственной безопасности для улучшения деятельности органов КГБ и их эффективного участия в предотвращении подобных событий. Однако, несмотря на определенные мероприятия партийного руководства и активизацию деятельности КГБ в этом направлении, предотвратить обострение социально-политического положения в СССР не удалось.

Особый взрыв недовольства вызвало решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР (май 1962 г.) о повышении цен на мясо, мясные продукты и масло. Оно пришлось на тот момент, когда по всей стране шла кампания по пропаганде решений XXII съезда КПСС, призванных продемонстрировать «преимущества социализма», в том числе и по части «непрерывного роста благосостояния трудящихся». Публикация в печати сообщения о повышении цен вызвала волну протестов, выразившуюся в забастовках и митингах, в резком увеличении числа листовок с критикой экономического курса КПСС. Она прокатилась по многим промышленным центрам страны. В некоторых городах население открыто демонстрировало свое недовольство. Наиболее трагическую окраску получили события в г. Новочеркасске Ростовской области. Многотысячный митинг, начавшийся у стен электровозного завода, перерос в дальнейшем в открытое столкновение между гражданами и властями города, с применением войсковых соединений. Демонстранты попытались захватить здания Управлений КГБ при СМ СССР и МВД, что привело к многочисленным жертвам среди мирных жителей Новочеркаска. Это было не только возмущение «обывателя» и тем более не «хулиганствующие действия со стороны отдельных уголовных элементов»,

как пыталась представить их официальная пресса. Налицо был кризис доверия к властям и, прежде всего, кризис доверия к самому Н.Хрущеву, авторитет которого в народе к этому времени сильно упал, а недовольство резко возросло. Тем не менее, лидеры КПСС не хотели признавать обострение внутривластной ситуации, и всю вину за происходящие события списывали на местное руководство. Все дело, по сути, сводилось лишь к организационно-управленческой стороне вопроса, не оценивались реальные причины и последствия экономического и политического кризиса. Противоречия и проблемы общества силовыми методами загонялись в глубь, что создавало в свою очередь предпосылки для будущих кризисов.

Увеличение масштабов негативной реакции населения настоятельно требовало изменений в деятельности правоохранительных структур. На все возникающие внутривластные процессы в обществе нужна была адекватная реакция органов государственной безопасности. В этих целях после Новочеркасских событий Президиум ЦК КПСС постановлением от 19 июля 1962 г. непосредственно обязывает органы государственной безопасности «усилить агентурно-оперативную работу по выявлению и пресечению враждебной деятельности антисоветских элементов в стране» и незамедлительно предпринять шаги к переориентации своей деятельности по профилактике единичных и особенно массовых проявлений антиправительственного характера¹⁹¹. В этом постановлении одобрялись меры, направленные на ужесточение деятельности правоохранительных органов по предотвращению антиправительственных выступлений. Впервые за много лет после всевозможных сокращений в органах государственной безопасности, было санкционировано расширение штатной численности контрразведывательных подразделений территориальных органов КГБ, восстанавливались самостоятельные подразделения в составе КГБ по борьбе с «идеологической диверсией противника».

---

¹⁹¹ РГАНИ.Ф.89.Оп.6.Д.20.Л.1-16.

Вместе с тем реальные причины происходивших беспорядков не подверглись глубокому анализу, не были вскрыты истоки появления в рабочей и крестьянской среде «вражеского охвостья». Недовольных властью и критикующих руководителей КПСС попросту объявили «антисоветским элементом», обвиняя при этом «империалистов Запада». Рост политической активности населения в начале 1960-х гг. проявился в значительном увеличении фактов распространения документов, критикующих существующий строй, внутреннюю и внешнюю политику КПСС. Возросло число попыток организованной деятельности, направленной против нее. В результате агентурно-розыскных мероприятий только в первом полугодии 1962 г. было вскрыто 60 локальных групп (215 участников), преимущественно из молодежи, которые выражали несогласие с политикой КПСС, в то время как за весь 1961 г. было вскрыто 47 групп (186 участников).

В Москве, например, группа из числа студентов и молодых рабочих «Союз свободы разума» изготовила и распространила 400 экземпляров листовок, учащиеся 8–9 классов в Крыму (10 чел.) – 100 листовок с критикой КПСС. Рост политической активности наблюдался не только в центральных районах страны, но и на периферии. В первом полугодии 1962 г. на территории СССР было распространено 7705 листовок и анонимных писем, критикующих советский строй и политику КПСС, изготовленных 2522 авторами, что в два раза больше, чем за тот же период 1961 г.¹⁹²

Наряду с демонстрациями протеста и организацией диссидентских групп участились случаи выступлений общественных и государственных деятелей с официальной трибуны, которые заявляли о своем несогласии с мероприятиями и планами КПСС. Так, в марте 1956 г. на открытом партийном собрании в Институте физики Академии наук СССР с критикой партийного курса и необходимостью глубоких демократических преобразований в стране выступил молодой ученый Юрий Орлов, будущий

---

¹⁹² РГ АНИ.Ф.89 (коллекция).Оп.6.Д.21.Л.1.

создатель Московской Хельсинкской группы. В сентябре 1961 г. на районной партийной конференции открыто критиковал сталинизм и настаивал на демократизации советского строя начальник кафедры Академии Генерального штаба МО СССР генерал П. Григоренко.

С 1959 г. оперативно-служебная деятельность чекистов осуществлялась в соответствии с совершенно секретным Положением о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР. В нем на первом месте стоял ЦК КПСС, а уже потом СМ СССР, оформляющий своими постановлениями решения Политбюро или ЦК КПСС по проблемам обеспечения безопасности страны. В Положении совершенно не упоминались высшие органы государственной власти СССР (Верховный Совет и его Президиум), которым законодательно были подконтрольны и подотчетны спецслужбы. Фактически органы государственной безопасности обязаны были выполнять разного рода поручения ЦК КПСС и советского правительства.

В частности, в компетенцию органов КГБ входило возбуждение и ведение следствия по уголовным делам, отнесенным к категории особо опасных государственных преступлений. Утверждая 27 октября 1960 г. на третьей сессии Верховного Совета РСФСР пятого созыва новый Уголовный кодекс, депутаты единодушно согласились включить в него, наряду с такими статьями как «Измена Родине», «Шпионаж», «Диверсия» и статью 70 УК «Анτισоветская агитация и пропаганда». Данная статья фактически стала «правопреемницей» печально известной в годы массовых политических репрессий ст. 58 УК РСФСР. Кроме того, она дала право органам КГБ в судебном порядке привлекать к уголовной ответственности на срок до 10 лет лиц, проводивших «агитацию или пропаганду» в целях «...подрыва или ослабления Советской власти», либо распространявших в тех же целях

«...клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй»¹⁹³.

Какие же действия советских людей, какие документы признавались антисоветскими? Наглядным и характерным примером в этом плане является уголовное дело по обвинению Андрея Мосина, арестованного УКГБ при СМ СССР по Курской области 15 октября 1962 г., который якобы возводил клевету на существующий в СССР социалистический строй и миролюбивую внешнюю политику советского правительства и высказывал угрозу в адрес Первого секретаря ЦК КПСС. По существу Мосин был осужден на 7 лет лишения свободы за то, что, будучи в Москве, отправил в редакцию газеты «Известия» две почтовые открытки, естественно подписанные другой фамилией. В одной из них, в частности, писал: «...В колхозах все воруют поголовно. Гонят самогон тоже поголовно. Местные власти мер никаких не принимают. С/х урожай на 60% погибает в результате бесхозяйственности и безответственности системы. В коммунизм никто не верит».

Другая открытка носила более злой характер, в ней, в частности, указывалось «...Придет время и всю эту шайку во главе с Хрущевым народ повесит. Да здравствует свобода, да скроется тьма».

XX съезд КПСС, инициировав «оттепель», пробудил в среде интеллигенции стремление вскрыть корни неэффективности системы, что приводило к критической оценке самой природы советского общественно-экономического строя. Эта тенденция встретила решительное противодействие со стороны лидеров партии, которые стремились стабилизировать режим однопартийной власти любыми методами, в том числе и с использованием принуждения. В свою очередь преследования органов КГБ за инакомыслие побуждали недовольных скрываться от властей, создавать конспиративные группы, переходить на нелегальное положение.

---

¹⁹³ Уголовный кодекс РСФСР. М., 1985. С. 157.

«Оттепель» дала мощный толчок для образования различных группировок писателей, поэтов, художников, ученых, которые давали свою трактовку происходящих в обществе процессов. Активно начали распространяться, в первую очередь в среде интеллигенции, листовки с критикой руководства КПСС, составлялись журналы политической направленности, перепечатываться кустарным способом целые литературные произведения, получившие название «Самиздат». В первой половине 1962 г. органами госбезопасности за изготовление и распространение анонимных документов с критикой лидеров КПСС было привлечено к уголовной ответственности 105 человек, в то время как в первом полугодии 1961 г. – 52 человека.

Правящие партийные круги с помощью КГБ и его агентуры регулярно получали информацию о происходящих событиях, зондировали общественное мнение по различным поводам и использовали эти данные в своей политике. По существу органы государственной безопасности выполняли функции социологической службы, которой в СССР не существовало.

Причины для возникновения негативных и внутривнутриполитических ситуаций находились не только в сфере экономической и социальной деятельности партии. В условиях «холодной войны» этому в немалой степени способствовала пропагандистская и подрывная работа западных спецслужб, направленная на развитие сепаратизма и развал Советского Союза изнутри. В целях противодействия этому руководство КПСС ставило задачу перед органами государственной безопасности не допустить расширяющегося влияния западных средств массовой информации. Однако процесс «размывания» коммунистической идеологии под воздействием реально складывающейся обстановки в стране охватывал все новые и новые сферы. На почве либерализма общественной жизни проросли ростки новых политических выступлений и протестов. В среде беспартийных и коммунистов стали подниматься вопросы об ответственности КПСС за

происходящие события и исторические ошибки. Многие писатели довольно смело стали призывать к искренности в литературе и ратовать за предоставление художнику права писать о том, что он видит, а не то, что от него требуют. Однако если объектом критики могли быть отдельные недостатки в советской жизни, то критика самого советского строя по-прежнему не допускалась.

Фактически органы государственной безопасности выполняли функции политического контроля в обществе и несли ответственность за все политические процессы в государстве, подавляя любые несогласия с официальной доктриной КПСС. Установки партийного руководства подчиняли деятельность органов государственной безопасности идеологическим штампам, а не насущным задачам объективного развития общества. Это, естественно, наносило ущерб работе КГБ и еще больше усугубляло внутривнутриполитическую ситуацию в стране. К тому же противоречия, рожденные жизнью, перекосы в социально-экономической политике, которые возникали в результате многочисленных реорганизаций, руководящими структурами игнорировались и не получали объективной оценки.

Под воздействием внутренних и внешних факторов руководство КПСС постепенно видоизменяется и совершенствует стратегию «борьбы с врагами народа». Формировалась новая концепция «борьбы с идеологической диверсией противника», в которой говорилось о том, что нельзя игнорировать возможность буржуазного влияния, поэтому надо вести борьбу против него, против проникновения в среду советских людей и, особенно, в среду молодежи чуждых взглядов и нравов. При этом органам государственной безопасности лидеры КПСС отводили первостепенное место в этой борьбе.

Выполняя задания партийных лидеров, руководство КГБ искало новые методы борьбы с «идеологической диверсией противника». На совещании руководящего состава органов госбезопасности в мае 1959 г. председатель

КГБ А. Шелепин поднял вопрос об антисоветских проявлениях со стороны психически больных, которых необходимо изолировать». Рост числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за «антисоветскую пропаганду и агитацию», противоречил официальным заявлениям «об исчезновении в СССР фактов привлечения к судебной ответственности за политические преступления» и снижении преступности. Для того чтобы устранить это противоречие, на совещании было признано, что арест лиц, которые заведомо имеют умственные отклонения себя не оправдывает, потому что он искажает статистику, показывая государственных преступников там, где на самом деле имеются душевнобольные.

Выход для исправления статистики в угоду идеологическим требованиям был найден: председатель КГБ предложил в отношении лиц, которые являются душевнобольными, «возбуждать уголовные дела и проводить следствие, предварительно поместив подсудимого в психиатрическую больницу» и избежав, таким образом, факт изоляции подозреваемого правоохранительными органами. А затем по решению суда о назначении принудительного лечения, не подвергая аресту, направлять больных в лечебные учреждения через органы МВД». Таким образом руководство органов государственной безопасности пыталось решить две задачи: снизить статистику арестов государственных преступников и не вызывать неправильного суждения о работе КГБ в массах.

Подобная практика была продиктована идеологическим и политическим курсом КПСС. В условиях, когда на весь мир было объявлено об окончательной победе социализма и широкомасштабном строительстве коммунизма, исключалась сама возможность появления сомнений в правильности выбранного пути. Точка зрения лидеров КПСС была однозначной: все суждения инакомыслящих привнесены извне, – это подрывная работа империалистов. Советская система, по мнению партийных функционеров, не имела ни экономических, ни социальных основ для появления инакомыслия. Поэтому к инакомыслящим они причисляли либо

убежденных врагов социализма, либо умалишенных. Такие рассуждения приводили к утверждению, что нормальный советский человек не может критиковать курс партии, направленный на удовлетворение нужд трудящихся. Появляется тезис о том, что твердые сторонники антипартийных взглядов подвержены маниакально навязчивым идеям. Не исключалось, что эти люди имеют психические отклонения, а их «антисоветские» воззрения - плод их безумия. Исползволь начинает эксплуатироваться аргумент, что некоторые люди со слабой психикой, подстрекаемые извне, якобы становятся опасными для общества. Это создавало условия для злоупотреблений в практике психиатрической медицины, которые были направлены против инакомыслящих. Открывалась удобная возможность для компрометации диссидентов на основании того, что они якобы имеют психические отклонения.

Характерно, что эта тенденция сохранилась и после ухода А. Шелепина с поста главы КГБ. 2 августа 1963 г. сменивший его В. Семичастный обратился с просьбой в ЦК КПСС рассмотреть вопрос о состоянии дел в Министерстве здравоохранения СССР в связи с увеличением «преступлений и иных общественно опасных проступков лицами, страдающими душевными заболеваниями». В. Семичастный предлагал Минздраву усилить надзор за лицами, страдающими душевными заболеваниями, улучшить их лечение и своевременную изоляцию от общества, изыскать возможности увеличения количества больничных коек для душевнобольных, в первую очередь в городе Москве и в Московской области. Он отмечал, что «почти ежедневно службами Комитета государственной безопасности и милиции приходится задерживать душевнобольных за враждебные проявления и другие опасные действия в Кремле, зданиях Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, в приемных Президиумов Верховных Советов СССР и Российской Федерации, у зданий посольств и миссий».

Безусловно, наиболее острые кризисные явления в общественной жизни, неожиданные стрессовые ситуации, резкая смена обстановки

негативно отражаются на людях с излишней экспансивностью, раздражительностью. По разным причинам и под разным влиянием эти люди неизбежно вовлекаются в различного рода конфликты, в том числе и политического характера. Однако это не должно означать, что во всех случаях к ним нужно применять меры принудительного лечения и изоляции от общества. Неадекватные меры правоохранительных органов к людям с психическими отклонениями провоцируют злоупотребления в их деятельности и по отношению к совершенно здоровым гражданам, поскольку деликатные проблемы психиатрической медицины достаточно сложны и многообразны.

Дискредитация диссидентов в глазах общественного мнения, намерения продемонстрировать их «подрывную деятельность» были характерными чертами в работе органов государственной безопасности после 1953 г. Возрождались практика высылки неугодных политических деятелей за границу. Проводились шумные «разоблачения», которые получили неоднозначный резонанс среди населения. Для этого использовались все оперативные возможности КГБ.

Деятельность органов государственной безопасности по борьбе с «идеологической диверсией противника» в определенной степени вступала в противоречие с основными правами и свободами граждан в Конституции СССР 1936 г. Фактически КГБ СССР в своей работе нарушал конституционные положения о свободе слова, совести, печати, собраний, тайне переписки, неприкосновенности жилища. Подзаконные акты органов госбезопасности уточняли в их пользу общие фразы статей уголовного законодательства и направляли действия оперативного состава. Определять понятия «достаточные основания» в наличии «антисоветской деятельности», «угроза» социалистической системе или «явная опасность» для нее предоставлялось самим органам госбезопасности. Нечеткая формулировка диспозиции статей оставляла много места для их расширительного

толкования. Как, например, положения ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда».

Судебные процессы, проходившие по «антисоветчикам», т.е. гражданам, обвиняемым по ст. 70 УК РСФСР, как правило, были тщательно продуманы, пропагандистки обеспечены и профессионально поставлены, а само судебное заседание походило на спектакль, каждый участник которого играл хорошо выученную роль. Скажем, для участия во всех таких процессах адвокат должен был иметь допуск к секретным работам и материалам, который оформлялся в КГБ. А потому о какой объективности и независимой позиции защиты в суде могла идти речь? Более того, в большинстве случаев адвокаты не решались выступить против обвинения прокурора на суде, что делало приговор прогнозируемым еще до заседания.

Неслучайно, осужденный в 1961 г. по ч.1 ст. 70 УК РСФСР за изготовление и распространение антисоветских документов к 7 годам лишения свободы житель г. Курска Ильяков, в своем заявлении от 4 сентября 1988 г. на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева писал: «...Особое возмущение у меня вызывает суд, состоявшийся 1–3 июня 1961 года. Начиная с моего адвоката, которому была поручена защита. Первое, что он заявил, что «испытывает отвращение к подсудимым и их делам». Знал ли суд, что в таком случае надо отстранить адвоката? Конечно, знал. Однако заявление адвоката было воспринято как выполнение долга»¹⁹⁴.

Далее Ильяков пишет по поводу допроса свидетелей, превращавшимся порой «...в партийное собрание, если свидетель был членом КПСС, как это было с работником железной дороги, который заявил, что не считает идею рабочего самоуправления антисоветской, также как и СКЮ (Союз коммунистов Югославии – авт.) считает коммунистической партией. Следовательно, не считает листовки антисоветскими. На что судья заметил, что сообщит о его поведении в партийную организацию. У более молодых домогались признать листовки антисоветскими на том основании, что

---

¹⁹⁴ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14409.

являются членами ВЛКСМ, и они обязаны поступать в соответствии с письмом о бдительности»¹⁹⁵.

Здесь необходим небольшой комментарий. Дело в том, что так называемая «антисоветская деятельность» Ильякова совпала по времени с полемикой и серьезными разногласиями между КПСС и СКЮ. А поскольку он считал, что только путь социалистического самоуправления может обеспечить в СССР права рабочего класса, то, поэтому в листовках писал: «Да здравствует Союз югославских коммунистов, борющийся против извращения марксизма-ленинизма!»¹⁹⁶.

Хотелось бы подробнее остановиться и на обстоятельствах привлечения к уголовной ответственности Ильякова, для чего вновь обратимся к двум архивным документам. В приговоре Курского областного суда отмечалось, что Ильяков Владислав Васильевич, 1941 года рождения, уроженец г. Курска, электрослесарь завода резиново-технических изделий, признан виновным в том, что «занимался изготовлением и распространением листовок антисоветского содержания».

Мы не будем воспроизводить текст нескольких сотен написанных от руки листовок, ибо совсем другая правовая оценка этим «антисоветским» документам дается в постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР от 9 ноября 1989 г.: «...Анализ содержания писем, листовок и рукописей, приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств, показывает, что в них говорится об ухудшении материальных условий жизни трудящихся в СССР, указывается на то, что могущество государства не должно быть построено на нищете народа, имеются призывы к развертыванию рабочими борьбы за свое благосостояние, призывы к коммунистам и комсомольцам до конца выполнять заветы Ленина, к искоренению карьеризма в рядах КПСС, к восстановлению Советской власти в стране; содержатся лозунги: «Да здравствует социализм!», «Да здравствует великое и непобедимое учение

---

¹⁹⁵ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14409.

¹⁹⁶ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14409.

Маркса – Энгельса – Ленина!»¹⁹⁷. А это означало, что изготовление, хранение и распространение Ильяковым указанных документов не образует состава преступления, предусмотренного ст. 70 УК РСФСР, и поэтому приговор Курского областного суда от 3 июня 1961 г. подлежал отмене, а сам пострадавший реабилитации.

Но вновь обратимся к письму Ильякова в адрес М.С. Горбачева. «Естественно, – подчеркивал он – больше всех отличился прокурор, который в самом начале обвинительной речи заявил, что Ильяков безусловно враг Советской власти на том основании, что в 1937 году первый муж моей матери был осужден за контрреволюционную деятельность сроком на 10 лет. И тут же добавил: «Я понимаю, что на суде нельзя об этом говорить, но все же прошу суд учесть это»¹⁹⁸. Иного от обвинения ждать и не приходилось, ибо поведение и действия всех участников судебных заседаний по «политическим» делам оценивались в специальных донесениях КГБ и Прокуратуры СССР.

Распространение «антисоветских» листовок и анонимных писем было одним из самых массовых видов «сознательной антисоветской агитации и пропаганды». Из 4,5 тысячи надзорных производств по делам об антисоветской агитации и пропаганде за 1953 – 1986 годы около 1,1 тысячи дел (каждое четвертое) относится именно к распространению анонимных документов¹⁹⁹.

Со временем стало очевидным, что в советском праве существует определенный пробел, т.е. имели место вещи, формально законом не запрещенные, но на практике считавшиеся запретными. В частности, общение советских граждан с иностранцами, занятие немарксистской философией и несоцреалистическим искусством, попытка издания в частном порядке каких-либо литературных сборников, устная и письменная критика не системы в целом, что предусматривалось той же ст. 70 УК РСФСР, а лишь

¹⁹⁷ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14409.

¹⁹⁸ АУФСБ РФ КО.Ф.АУД.Д.П-14409.

¹⁹⁹ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. М., 2005. С.224.

отдельных учреждений системы. Этот пробел умело ликвидировался путем направления инструктивных писем в правоохранительные инстанции, проведения показательных процессов, опубликования обвинительных коллективных писем в периодических печатных изданиях и даже внесением дополнений к Уголовному кодексу.

Например, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г.²⁰⁰ вводилась в действие ст. 190¹ УК РСФСР «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», предусматривающая лишение свободы на срок до трех лет за «...систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания».

В июле 1967 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР по инициативе Ю.В. Андропова приняли постановление об образовании самостоятельных подразделений в КГБ (5 Управление в центральном аппарате и пятые отделы на местах) по борьбе с так называемой идеологической диверсией. Чекистам надлежало заниматься «...выявлением, предупреждением и пресечением действий разведок иностранных государств, пропагандистских центров и зарубежных антисоветских организаций по подрыву или ослаблению морально-политического потенциала СССР, по предупреждению и нейтрализации их враждебного идейно-политического влияния на советских граждан, борьба с антисоветскими элементами внутри страны»²⁰¹.

Главную задачу 5 Управления председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов сформулировал так: глубокий политический анализ ситуации и, по возможности, наиболее точный прогноз. Новое управление должно было противостоять идеологической экспансии, направляемой из-за рубежа, стать

²⁰⁰ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. №38. Ст.1038.

²⁰¹ Коровин В. История отечественных органов безопасности. М., 1998. С. 65.

надежным щитом против нее. И здесь существенное значение имели чекистские методы работы, ведь одной из основных функций органов госбезопасности является защита конституционного строя – не людей, стоящих у власти, а именно устоев государств²⁰².

Сегодня нередко раздаются, в большинстве своем справедливые, упреки в адрес представителей так называемых «идеологических» отделов КГБ и следователей этого ведомства, осуществлявших оперативно-розыскные мероприятия по установлению авторов различных антисоветских документов (книг, брошюр, листовок и т.п.). Но при этом нельзя забывать о том, что появление и этих структурных подразделений, и функциональные обязанности самих сотрудников явились закономерным порождением существовавшей политической системы.

Для работы в 5-ые подразделения центрального аппарата и территориальных органов были направлены руководящие партработники, имевшие опыт идеологической работы. Первым начальником 5-го управления КГБ стал партийный работник А.Ф. Кадышев. В мае 1969 г. на эту должность пришел профессиональный чекист, бывший заместитель начальника 4-го, 2-го Главного и 5-го Управлений КГБ Ф.Д. Бобков. В УКГБ по Курской области несколько лет 5-й отдел возглавлял бывший первый секретарь обкома ВЛКСМ А.А. Даньшин.

Идеологическая диверсия, по мнению партийных идеологов и руководителей КГБ, являлась составной частью политики антикоммунизма и непосредственно исходила из доктрины «наведения мостов», выдвинутой американской администрацией, основная цель которой заключалась в том, чтобы, «...если это возможно, помочь положить мирными методами конец коммунизму»²⁰³.

Пожалуй, наиболее исчерпывающее определение идеологической диверсии дал Председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов в своем выступлении

---

²⁰² Шамаев В.Г. Во имя спокойствия и безопасности державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края. Воронеж, 2008. С.494.

²⁰³ Коммунист. 1974. №5. С.110.

перед руководящим составом ведомства в феврале 1979 г.: «Идеологическая диверсия осуществляется в области, охватывающей политические, философские, правовые, нравственные, эстетические, религиозные и другие взгляды и идеи, т.е. в сфере идеологии... Идеологической диверсии присущи поэтому многие черты, характеризующие идеологическую борьбу. Но оно не является обычной идеологической борьбой... это прежде всего форма подрывной деятельности.... Она ведется специальными средствами и часто представляет собой прямое вмешательство во внутренние дела социалистических стран... Ее отличает и то, что она осуществляется в наше время не обычным пропагандистским аппаратом, а специально организованными службами. Эти службы... основную ставку делают на специальные диверсионно-подрывные средства»²⁰⁴.

По оценке аналитиков КГБ, идеологическую диверсии иностранные спецслужбы осуществляли:

1. В виде оказания средствами пропаганды враждебного с точки зрения существующего строя, идеологического и политического влияния на граждан социалистических стран (подрывная пропаганда), в качестве проводников которой КГБ рассматривались «Комитет радио «Свобода», Информационное агентство США (ЮСИА), «Народно-трудовой союз» (НТС) и др.

2. В виде создания внутри советского общества нелегальных групп ми организаций, действующих против существующего строя, обеспечения их необходимыми для борьбы средствами (антисоветская деятельность). В качестве одной из форм идеологической диверсии расценивалось написание и использование материалов «идейно-ущербного содержания», которые нелегально распространялись среди населения или передавались для распространения за рубеж²⁰⁵.

Борьба с идеологической диверсией противника осуществлялась на «внешнем» и «внутреннем» направлениях:

---

²⁰⁴ Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1979. С.297–298.

²⁰⁵ Воронцов С.А. Спецслужбы России. Ростов-н/Дону, 2008. С.387.

– выявление в потоке иностранцев эмиссаров зарубежных антисоветских центров, пытающихся провезти в СССР «идеологически вредную» литературу, их компрометация и выдворение из страны;

– выявление антисоветских организаций и групп внутри страны, готовящих «провокационные выступления».

Наиболее острые и опасные акции идеологической диверсии квалифицировались как антисоветская агитация и пропаганда (ст. 70 УК РСФСР), а также как организационная антисоветская деятельность (ст. 72 УК РСФСР).

Акции идеологической диверсии рассматривались в тесном взаимодействии со шпионажем, так как в основном они базировались на добываемых и инспирируемых политической разведкой материалах.

Значительное внимание КГБ уделял борьбе с зарубежными антисоветскими и националистическими организациями. Чекистам удалось существенно снизить активность «Верховного комитета освобождения Литвы», организации латышских националистов «Даугавас ванаги», НТС, ОУН и др. В отличие от более раннего периода, когда КГБ в основном внедрял в подобные организации агентов из числа родственников их членов, после 1967 г. эти мероприятия осуществлялись за счет перехвата каналов связи и перевербовки их агентов.

С течением времени задача борьбы с враждебными элементами внутри страны, а также с лицами, критиковавшими внутреннюю и внешнюю политику КПСС и советского правительства, стала превалировать над вскрытием разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций.

В борьбе с идеологической диверсией органы КГБ в центре и на местах активно применяли меры предупреждения преступлений, используя институт профилактики (официальная беседа с сотрудником госбезопасности о недопустимости рассматриваемых действий в будущем, обсуждение «негативных» проступков того или иного лица в рабочем коллективе, в

средствах массовой информации и т.д.). Инициаторы наделения спецслужбы правом «профилактировать» полагали, что данное направление деятельности органов КГБ должно привести к полному искоренению политически вредных проступков и государственных преступлений. Однако, как показала история, их ожидания не оправдались.

Если в целом в СССР, по оценке А.А. Данилова, диссидентское движение в 1960–1970-х гг. стало «...одним из самых ярких проявлений общественной активности граждан, интеллектуального, духовного и нравственного сопротивления тоталитарному режиму»²⁰⁶, то в Центральном Черноземье, в силу сложившихся социально-экономических особенностей региона, оно не оказало сколько-нибудь значимого влияния на общественно-политические процессы. Поэтому местные партийные, советские и правоохранительные органы, в лице, прежде всего, управления КГБ, ограничивались проведением общепрофилактических мероприятий в отношении так называемых «антисоветчиков». Вместо судебного преследования активно применялись административные меры: перевод или увольнением с работы, лишение возможности проживать в Москве и ряде других крупных городов и т.п.

Сотрудниками КГБ широко использовалась и такая форма борьбы с инакомыслием как официальное письменное предупреждение отдельным советским гражданам от имени органов власти с требованием прекращения проводимой ими политически вредной деятельности и разъяснением последствий, которые может повлечь за собой ее продолжение. Дело в том, что 25 декабря 1972 г. был принят секретный Указ Президиума ВС СССР № 3707-VIII, согласно которому:

«1) Лицу, совершившему антиобщественное действие, противоречащее государственной безопасности СССР, если оно не влечет уголовной ответственности, может быть сделано официальное предупреждение о

---

²⁰⁶ Данилов А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С. 60.

недопустимости такого рода действий с последующим уведомлением прокурора;

2) для объявления предостережения это лицо вызывается органом государственной безопасности, а в случае неявки может быть подвергнуто приводу;

3) если это лицо совершит позже преступление, то протокол о сделанном ему предостережении приобщается к уголовному делу»²⁰⁷.

Судя по архивным материалам, официальное предостережение применялось местными чекистами гораздо чаще, нежели привлечение граждан к уголовной ответственности. В 1961 – 1987 гг., то есть за время существования ст. 70 УК РСФСР, управлением УКГБ СССР по Курской области было возбуждено 7 уголовных дел, по которым к различным срокам лишения свободы Курским областным судом было осуждено 11 человек. Характерно, что все судебные процессы приходятся на 1961–1962 гг., то есть на начальный период действия ст. 70 УК РСФСР.

Справки о результатах работы органов КГБ, направленные в ЦК КПСС, содержат сведения о количестве «вскрытых и пресеченных» групп «политически вредного характера». Судя по эти данным, во второй половине 1960-х гг. организованная оппозиция режиму имела значительный размах: с 1967 по 1971 г. было выявлено 3096 подпольных групп и организаций, «профилактровано» 13 602 их участников²⁰⁸.

Большинство подпольных организаций, которые часто возникали на почве личного знакомства, родственных связей или совместной работы, было небольшими, в среднем по 3 – 5 человек. Никакой серьезной нелегальной работы большинство групп не вело. Чаще всего дело ограничивалось разговорами в узком кругу, обсуждением программных документов, составлением статей и листовок, нередко в том же узком кругу. Плотно заблокированные органами госбезопасности, подпольные группы 1960-х гг.,

---

²⁰⁷ Данилов А. А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917–1991 гг. М., 1997. С. 94.

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 8176. л. 65.

правильнее назвать их кружками, и помыслить не могли о массовой агитации. Изредка кому-то из них удавалось, в лучшем случае распространить листовки

Подпольные группы и организации в основном апеллировали к «истинному» марксизму-ленинизму. Во всех бедах режима они обвиняли исполнителей, «искаживших» на практике марксистско-ленинскую теорию. Именно в возвращении к «истинному Ленину» они видели возможность достижения справедливой общественно-политической системы²⁰⁹.

Приговором Орловского областного суда от 8 августа 1973 г. за создание подпольной организации, антисоветскую агитацию и пропаганду были осуждены: Кузин Евгений Кузьмич, 1938 года рождения, к 4 годам лишения свободы и 2 годам ссылке, Савинкин Олег Сергеевич, 1938 года рождения, к 5 годам лишения свободы и 2 годам ссылке, Егоров Александр Иванович, 1937 года рождения, к 4 годам лишения свободы.

Следствие и судебное разбирательство, предшествующее вынесению приговора, установило, что в декабре 1969 г. трое лесничих Орловского областного лесного хозяйства – Кузин, Савинкин и Егоров, решив создать нелегальную организацию «Патриотический фронт России», подготовили свои варианты устава и программы «ПФР».

Инициатором создания организации и ее идеологом являлся Кузин, ранее привлекавшийся к уголовной ответственности по статье за антисоветскую агитацию и пропаганду. Отбыв наказание, и прежде чем переехать в Орел, Кузин некоторое время жил в Карельской АССР, на своей малой родине. Здесь в 1966 – 1967 гг. он активно общался со своими знакомыми по местам заключения М.М. Молоствовым и Л.Я. Гараниным, выпускниками философского факультета Ленинградского университета, осужденными в 1958 г. за создание подпольной организации²¹⁰. Немало времени Кузин проводил в беседах с находившимися на поселении Ю.П.

²⁰⁹ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005. С.322.

²¹⁰ ГАРФ.Ф.Р-8131.Оп.31.Д.83990.

Федоровым, бывшим слесарем-электриком Московского метрополитена, и А.Г. Мурженко, бывшим студентом Московского финансового института, членами так называемого «Союза свободы разума», ставившего своей целью «...борьбу за демократизацию жизни в СССР, завоевание конституционных свобод, повышение благосостояния советских людей и социальный прогресс»²¹¹. В декабре 1970 г. Федоров и Мурженко были повторно осуждены к 15 годам лишения свободы за организованную антисоветскую деятельность и попытку угона воздушного судна. Они были в числе 12 участников попытки захвата самолета в ленинградском аэропорту летом 1970г., хотевших добиться разрешения на выезд в Израиль²¹².

Именно Кузин, как имеющий связи с московскими диссидентами, был направлен товарищами в Москву для приобретения (в складчину) пишущей машинки. Там он встретился еще с одним своим знакомым по заключению В.И. Тельниковым, осужденным в 1957 г. Ленинградским городским судом за создание в Ленинградском педагогическом институте «Союза Революционных Ленинистов». Кузин проинформировал Тельникова о создании группы, получив заверение в поддержке и содействии, и вернулся в Орел с повестью А.И. Солженицына «Раковый корпус». Вероятно, при содействии Тельникова, который в 1971 г. эмигрировал из СССР, «Патриотическим фронтом России» была установлена связь с редакторами и авторами «Хроники текущих событий» Якиром, Красиным и Хаустовым, который потом неоднократно приезжал в Орел и служил связным между организацией и представителями столичных диссидентов. Тогда же членами «ПФР» были приняты конспиративные меры предосторожности, в том числе установлены подпольные клички: Кузин – Чаплин, Савинкин – Чуркин, Егоров – Чулков.

В марте 1970 г. одним из результатов очередной встречи и совместного творчества членов «ПФР» стал текст воззвания «К трудящемуся населению

²¹¹ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005. С.359.

²¹² ГАРФ.Ф.Р-8131.Оп.36.Д.5716.л.16.

России», подписанный ими «Демократическая партия России». В документе, в частности, отмечалось, что «...Исчезни сейчас класс партийных бюрократов – страна ничего от этого не потеряет. Нам от этого была бы только польза – избавление от необходимости кормить тунеядцев и паразитов. Но дух октября живет, борцы за свободу готовят новый Октябрь! Непосредственная цель этой организации – борьба за свержение диктатуры и восстановление демократических свобод, за свободную Родину, в которой не будет коммунистической диктатуры, концентрационных лагерей, угнетения и нужды. Товарищи, умножайте ряды нашей организации, создавайте подпольные ячейки, разрабатывайте планы организации сопротивления. Необходимо организовать забастовки, изготовлять и распространять листовки, а также использовать и другие формы подпольной борьбы. Это приказ времени, приказ разума и сердца каждого патриота. Присоединяйтесь к нам! Вперед на борьбу за свержение диктатуры! Да здравствует свобода!»²¹³.

Несмотря на решение членов организации распространить воззвание в виде листовки, это так и не было сделано. Возможно, причиной тому было появление у них массы «самиздата», привозимого из Москвы Хаустовым, в том числе 10 номеров «Хроники текущих событий», фотокопия книги Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», брошюра «Памяти А. Е. Костерина», листовки в защиту П.Г. Григоренко и А.И. Гинзбурга, журнал «Новый град» и др. В феврале – марте 1972 г. Кузин доработал устав и программу «Патриотического фронта России, которую назвал «За что мы боремся? Россия: сегодня, завтра, будущее». В программном документе организации было записано: «... в СССР нет социализма. Нынешний режим – это диктатура Коммунистической партии. СССР страна принудительного, сверху организованного единства мысли, творчества слова, страна совершенного тоталитарного государства. Советский социализм не оправдал надежды трудящихся! Радикальный порок диктатуры Коммунистической

---

²¹³ ГАРФ.Ф.р-8131.оп.36.д.5761.Л.119.

партии, как и всякой диктатуры, есть неправда. Сегодня мы больше всего нуждаемся в демократии. Поэтому мы говорим о необходимости политического решения, которое покончит с нынешним режимом. Мы не только желаем быть свободными, но, и обладаем волей к освобождению»²¹⁴.

Главной целью своей деятельности организация считала «...коренное преобразование государственного строя на началах политической свободы и демократии. Мы требуем признания в основном государственном законе прав человека и гражданина, изложенных во «Всеобщей Декларации прав человека». Мы придерживаемся принципа самоопределения народов. В новой демократии центральным органом государственного суверенитета будет парламент, избранный, как и все органы правления, всеобщим голосованием.

Сама концепция парламента, естественно, предполагает наличие многопартийной системы. Мы сторонники смешанного хозяйства, где наравне с национализированными отраслями промышленности существовали бы кооперативные и частные отрасли промышленности. Нужно дать землю тем, кто ее обрабатывает...»²¹⁵.

При расследовании уголовного дела о распространении «печатного органа» диссидентов – «Хроники текущих событий» органы госбезопасности выявили ряд нелегальных групп, взаимодействующих с Якиром и Красиным, в том числе и «Патриотический фронт России». Однако в соответствии с существовавшей тогда следственной и судебной практикой материалы на них выделялись в отдельные надзорные производства и соответственно проходили по разным судам.

Тоталитарная система предполагает монолитность общества. Поэтому, инакомыслию закономерно было отказано в праве на существование. Сложность ситуации заключалась в том, что советское руководство опасалось возврата к прежним сталинским методам репрессивной политики,

---

²¹⁴ ГАРФ.Ф.Р-8131.Оп.36.Д.5761.Л.116.

²¹⁵ ГАРФ.Ф.Р-8131.Оп.36.Д.5761.Л.117.

с одной стороны, с другой, вынуждено было оглядываться на мнение Запада, который стремился использовать внутренние противоречия СССР в своих целях.

Власть боролась с оппозицией, с одной стороны, методами прямого силового воздействия, с другой – идеологическими средствами для создания необходимого общественного мнения в плане дискредитации движения. Были созданы специальные подразделения в структуре КГБ именно для «работы» с инакомыслящими. Так, в 1960 г. 4 управление КГБ, занимавшееся данным направлением, было включено в состав 2 Главного управления, из которого в 1967 г. было выделено 5 Управление, специально для борьбы с идеологической диверсией.

Не отрицая определенного значения субъективных (психологических) особенностей и свойств личности в объяснении источников каждого поступка, вредного для общества, советская наука акцентировала внимание на общих причинах правонарушений в социалистическом обществе. К ним относилась «прежде всего, враждебная деятельность империалистических стран, разлагающее влияние буржуазной идеологии, резкое отставание сознания отдельных членов социалистического общества от развития материальных условий жизни»²¹⁶. Данное положение получило свое развитие в курсе советского уголовного права. Преступления, совершавшиеся инакомыслящими, как правило, классифицировались властью как особо опасные, обладающими исключительно высокой общественной опасностью, под которыми признавалось «общественно опасное умышленное деяние, направленное на подрыв или ослабление советского общенародного государства, государственного или общественного строя и внешней безопасности СССР, совершенное в целях подрыва или ослабления советской власти».

Для осуждения инакомыслящих использовалось более 40 статей УК РСФСР (в республиканских кодексах менялся лишь номер статьи, а

---

²¹⁶ Теория государства и права. М., 1971. С. 585.

содержание было идентичным): ст. 64 (Измена Родине); ст. 65 (Шпионаж); ст. 66 (Террористический акт); ст. 70 (Антисоветская агитация и пропаганда); ст. 72 (Организованная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации); ст. 79 (Массовые беспорядки); ст. 80 (Уклонение от очередного призыва на действительную военную службу) и т.п.²¹⁷.

Оппозиционеров помещали в лагеря, исходя из двух позиций: во-первых, максимальная изоляция их друг от друга; во-вторых, наличие опыта работы лагерной администрации с политзаключенными. Наибольшее количество диссидентов содержалось в лагерях России и Украины. Лагери строго режима находились в Архангельской области (ст. Ерцево), Горьковской области (ст. Сухобезвоздное), Кемеровской области (г. Кемерово). Коми АССР (Княжпогостский район ст. Весляна), Краснодарский край (пос. Новогадовый), Мордовская АССР (ст. Потьма), Омская область (г. Омск) и др. Лагери усиленного режима функционировали в Горьковской области (г. Горький – 28), Киргизкой ССР (г. Фрунзе – 9), Украинской ССР (г. Херсон) и др. Однако, вопреки стараниям властей, именно в заключении многие диссиденты познакомились друг с другом.

В 1970-е гг. активистов оппозиции, в отношении которых западная общественность предпринимала широкие акции поддержки, власти стали принуждать к эмиграции. Некоторых инакомыслящих, как правило, не согласовывая с ними данный вопрос, просто лишали советского гражданства, пока те находились в заграничных командировках или на лечение за рубежом. Довольно интересна и перспективна, с точки зрения властей, была практика обмена заключенных оппозиционеров на арестованных за границей советских разведчиков или оказавшихся в заключение лидеров коммунистических партий.

Специфическим видом наказания было принудительное, по определению суда, помещение в психиатрическую больницу, что с

---

²¹⁷ См.: УК РСФСР. М., 1967.

юридической точки зрения не являлось репрессивной санкцией. Суд, напротив, «освобождал от наказания» и направлял на бессрочное – до полного «выздоровления», лечение. Это объяснялось тем, что определить заранее, в течение какого срока будет продолжаться заболевание, и больной будет нуждаться в лечении, невозможно, поэтому срок принудительного лечения не устанавливался. В 1956 г. в спецбольницах МВД СССР содержалось 3350 заключенных²¹⁸. Широкое распространение насильственное помещение в психиатрические больницы, как мера наказания, получило в 1960-е – 1970-е гг. Именно от решения суда (ст.408, 409 УПК РСФСР), зависел тип психиатрической больницы, куда направляли на «лечение»: общий (обычная городская, областная или республиканская больница – ПБ) или специальный, т.е. тюремного типа (психбольница специального типа – СПБ). Психиатрические больницы общего типа находились в ведение МВД. К середине 1980-х было известно о существовании 11 психбольниц специального типа: Днепропетровская, Казанская, Ленинградская (на Арсенальной улице), Минская, Орловская; в Смоленской области (Сычевка), Черняховская; два «спецсанатория» в Киевской и Полтавской областях и т.п.²¹⁹

Медицинское освидетельствование и экспертиза на предмет вменяемости обычно проводилась в научно-исследовательских институтах: Центральный НИИ судебной психиатрии им. В.П. Сербского в Москве (ЦНИИСП), Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева в Ленинграде, Психоневрологический институт Минздрава УССР в Харькове и Одессе и др. Как правило, оппозиционерам ставились диагнозы «вялотекущая шизофрения» и «сутяжно-паранойяльная психопатия».

Таким образом, даже относительная демократизация советского общества после смерти Сталина привела к «выходу из подполья»

²¹⁸ ЦА МВД РФ.Ф.55.Оп.1; Кудрявцев В., Грусев А. Политическая юстиция в СССР. М.,2000.С.139

²¹⁹ Королева Л.А. Власть и диссидентство (1950 - 1980-е гг.): автореф. дис.... докт ист. наук. М.,2001.С.30.

инакомыслия в провинции, его частичной легализации. В то же время система вовсе не прекратила преследования инакомыслящих. Она лишь сделала их более утонченными и адресными. Волну инакомыслия, поднявшуюся вслед за хрущевскими преобразованиями, не смогла остановить даже смена курса в 1964 году, происшедшая с падением Н.С. Хрущева.

В период с 1953 по 1964 г. в советском обществе происходил процесс относительной демократизации, получивший название «оттепель». Но развенчание культа личности Сталина и реформы нового руководства были неоднозначно восприняты гражданами СССР. Экономические эксперименты Хрущева и его многочисленные ошибки в политической жизни вызывали протест среди различных слоев населения, проявившийся как в массовой форме, так и в единичной. В 1960-е гг. несогласие с партийным курсом приобрело характер критики лидеров КПСС, которая выражалась открыто (на партийных собраниях и демонстрациях) и анонимно (с помощью листовок и писем в различные инстанции). Эти тенденции активно поддерживались западными средствами массовой информации и в процессе увеличивающихся контактов между двумя общественно-политическими системами, особенно в среде интеллигенции.

Приход к власти Брежнева означал новый этап в противодействии инакомыслию. Концепция «развитого социализма» подразумевала бесконфликтность его развития, а главное – отсутствие почвы для общественных противоречий. Поэтому оппозиция однозначно расценивалась как инспирированное Западом явление или малая группа людей с расстройством психики. Нагнетанию обстановки в этом плане свою лепту внесла и идея о перманентном обострении идеологической борьбы двух систем по мере совершенствования социализма. За инакомыслием не признавалось право на существование, его следовало искоренять. Ресталинизация общества, преобладание силовых методов решения

возникавших проблем не способствовали налаживанию диалога «впасть – инакомыслие».

Все это происходило на фоне «активизации» борьбы СССР за права человека на международной арене. В 1966 году было принято два основных документа по данной проблеме: Пакт о гражданских и политических правах и пакт о социальных, экономических и культурных правах. Правда, положения, содержащиеся в пактах, по-разному трактовались в СССР и США. Преобладал классовый подход.

С приходом Брежнева власть пыталась найти компромисс с церковью. Уже в начале 1965 года было принято постановление Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», в соответствии с которым была проведена работа по дополнительному изучению дел и даже отмене судебных решений.

Ослабление «железного занавеса», увеличение контактов с Западом, расширение западной пропаганды способствовали изменению взглядов советских людей на западное общество. В период Брежнева западной пропаганде удалось нанести серьезный удар по принципиальным положениям советской идеологии о преимуществе советской системы перед западным образом жизни.

Практика латентного террора имела свои последствия. Общество вновь было запугано. Общественные отношения, личные связи становились более избирательными, социальная среда атомизировалась. В конечном итоге, когда начались репрессии против инакомыслящих и диссидентов, бурной реакции со стороны основной части населения не последовало. Обеспокоенное размахом политической активности масс, которая представляла большую угрозу для власти, руководство партией прибегло к традиционному средству самозащиты – оно усилило роль органов государственной безопасности в борьбе с инакомыслием, подведя под нее законодательную базу.

Выполняя установки партии, органы КГБ использовали в своей деятельности методы, противоречащие международно-правовой практике и Конституции СССР. Они были инструментом правящих кругов в борьбе с инакомыслием и всевозможной оппозицией. Работа органов государственной безопасности по преследованию лиц, критикующих существующий строй и политику лидеров КПСС, составляла одну из характерных черт административно-командного режима.

Причины для возникновения негативных и внутривластных ситуаций находились не только в сфере экономической и социальной деятельности партии. В условиях «холодной войны» этому в немалой степени способствовала пропагандистская и подрывная работа западных спецслужб, направленная на развитие сепаратизма и развал Советского Союза изнутри. В целях противодействия этому руководство КПСС ставило задачу перед органами государственной безопасности не допустить расширяющегося влияния западных средств массовой информации. Однако процесс «размывания» коммунистической идеологии под воздействием реально складывающейся обстановки в стране охватывал все новые и новые сферы. На почве либерализма общественной жизни проросли ростки новых политических выступлений и протестов. В среде беспартийных и коммунистов стали подниматься вопросы об ответственности КПСС за происходящие события и исторические ошибки. Многие писатели довольно смело стали призывать к искренности в литературе и ратовать за предоставление художнику права писать о том, что он видит, а не то, что от него требуют. Однако если объектом критики могли быть отдельные недостатки в советской жизни, то критика самого советского строя по-прежнему не допускалась.

Фактически органы государственной безопасности выполняли функции политического контроля в обществе и несли ответственность за все политические процессы в государстве, подавляя любые несогласия с официальной доктриной КПСС. Установки партийного руководства

подчиняли деятельность органов государственной безопасности идеологическим штампам, а не насущным задачам объективного развития общества. Это, естественно, наносило ущерб работе КГБ и еще больше усугубляло внутривластную ситуацию в стране. К тому же противоречия, рожденные жизнью, перекосы в социально-экономической политике, которые возникали в результате многочисленных реорганизаций, руководящими структурами игнорировались и не получали объективной оценки.

Под воздействием внутренних и внешних факторов руководство КПСС постепенно видоизменяется и совершенствует стратегию «борьбы с врагами народа». Формировалась новая концепция «борьбы с идеологической диверсией противника», в которой говорилось о том, что нельзя игнорировать возможность буржуазного влияния, поэтому надо вести борьбу против него, против проникновения в среду советских людей и, особенно, в среду молодежи чуждых взглядов и нравов. При этом органам государственной безопасности лидеры КПСС отводили первостепенное место в этой борьбе.

Таким образом, особенности внутривластной ситуации в стране наряду со специфическими чертами внешнеполитического курса СССР обусловили характер и направленность деятельности органов государственной безопасности в 1960-е – первой половине 1970-х гг. Руководство КПСС отказалось от массовых политических репрессий, однако органы КГБ по-прежнему рассматривались лидерами страны как «вооруженный отряд партии». Несмотря на смягчение их репрессивных функций, борьба с инакомыслием перешла на новый качественный уровень, характеризовалась применением более совершенных методов. Противодействие «идеологической диверсии» осталось при этом одним из самых важных направлений в деятельности КГБ СССР и существенно повлияло на весь облик советской спецслужбы и ее восприятие в обществе.

В годы перестройки, по мере ослабления и демонтажа тоталитарных структур власти, инакомыслие стало не только легальным движением (впервые за многие годы и десятилетия). Но и лидеры диссидентского движения 1960-х – 1970-х гг. стали своего рода «героями дня», порой «свадебными генералами» перестроечных политических мероприятиях. В условиях даже частичной и весьма относительной демократизации советского общества в 1987 – 1991 гг. многие их прежние взгляды и оценки были подтверждены жизнью, но немало из них самой же жизнью было отвергнуты. Политические деятели КПСС использовали освобождение диссидентов из заключения и ссылки в политических целях, связывая с ним не только открытую демонстрацию отечественному и международному общественному мнению «нового политического мышления», но и надежды на сотрудничество авторитетных деятелей оппозиции с «архитекторами перестройки». В то же время следует признать, что вне зависимости от этих целей, даже помимо их воли, сам факт освобождения из заключения деятелей диссидентского движения, ознакомление общественности с системой их взглядов привели к раскрепощению сознания советского человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование позволило рассматривать сущность и особенности проблемы политического контроля на уровне одного из регионов СССР – Центрального Черноземья. В тандеме отношений «политическая партия – органы государственной безопасности» следует исходить из первичности именно государственной власти, для которой органы безопасности являются лишь средством, инструментом достижения тех или иных целей в рамках существующей системы права или за ее пределами.

В диссертации указывается на существенный политический феномен: компартия, заняв правящее положение в обществе, вела борьбу не только и не столько с истинными врагами страны, сколько с политическими оппонентами. При этом карательные функции против инакомыслящих государство осуществляло в условиях, когда социализм укрепился в стране и общественном сознании, когда сама партия заявляла о его полной победе. Следовательно, существовавшая в СССР особая модель социализма априори не могла обеспечить политические права ее граждан, а напротив, предполагала борьбу и уничтожение идейных противников. В этой связи автор обращает внимание на тот факт, что даже XX съезд КПСС, осудивший репрессивную практику 1930-х гг., заявивший о несправедливости политических репрессий, не отказался от представления троцкистов, правых и прочих политических сил как идейных противников социализма, компартии, режима.

В диссертации документально характеризуется репрессивный характер карательной политики центральных и местных властных структур советского государства по отношению к оппозиционно настроенным гражданам. Эволюция социально-политического развития российского общества рассматривается во взаимосвязи, взаимообусловленности общественных явлений и событий на общеисторическом фоне. Исследование социальных

перемен в обществе, развитие общественной жизни в регионе рассмотрено в динамике и исторической последовательности.

На основе широкого источникового материала делается вывод, что правоохранительные органы и спецслужбы действовали под руководством и контролем коммунистической партии, непосредственное руководство осуществлял ЦК ВКП (б) – КПСС. Изученные источники позволили автору сделать вывод, что массовость государственного политического контроля и его активная поддержка не только местными властями и силовыми структурами, но и населением Центрального Черноземья, во многом объяснялись массовой пропагандой наличия в стране «врагов народа», пропагандистскими маневрами по преувеличению политической оппозиции.

В ходе исследования были выявлены взаимообусловленность, взаимовлияние всех основных элементов политического контроля, осуществлявшегося правящей партией, государством, органами безопасности, общественными структурами. Автором рассматривается в единстве совокупность политического контроля в сфере прав человека, специально осуществлявшегося государством посредством правоохранительных органов, и политического контроля, проводившегося посредством уставной практической политической деятельности центральных и местных структур политических институтов российского общества – коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, творческих союзов и т.п. С учетом современного исторического знания в работе делается вывод, что политический контроль, массовость политических репрессий стали во многом возможны потому, что со стороны граждан и общественных институтов страны и региона не было серьезного организованного сопротивления тоталитарному режиму.

Автор на основе анализа архивных и печатных источников приходит к выводу, что победа в Великой Отечественной войне, энтузиазм послевоенных лет оказали существенное влияние на политическую и общественную жизнь в СССР и Центральном Черноземье. Вместе с тем

позитивный процесс в развитии страны не получил должного углубления, не были устранены негативные явления довоенного прошлого, прежде всего тоталитаризм, пренебрежение общественным мнением, попрание прав человека.

Изучение источников позволило сделать вывод, что идеологические мотивы играли в преследованиях правоохранительными органами инакомыслящих граждан важную, но, во многом, не определяющую роль. Можно ли считать целью судебных или полицейских преследований подавление антикоммунистических настроений и идей, если просоциалистические и марксистские вариации также подлежали беспощадному искоренению органами госбезопасности – от малейших отступлений до принятых на конкретный исторический момент официальных толкований. Репрессии и должны были воспитать в людях «идеологическую дисциплину» готовность если не думать, то хотя бы говорить по приказу Центрального Комитета партии или вообще молчать.

Исследование показало, что идеологическая неразборчивость власти при выборе объектов репрессий вполне сочеталась с тем, что у противников и критиков режима выбор идеологической оболочки для конфронтации с властью часто был делом случая, а отличительная особенность большинства массовых оппозиционных высказываний – эклектизм взглядов и идей. Разгромленной в 1920-е гг. легальной, организованной и сознательной оппозиции так и не суждено было возродиться ни в легальных, ни даже в нелегальных формах. Исключение составили некоторые националистические подпольные организации имперской периферии и, отчасти, диссидентское движение. И для власти, и для правоохранительных органов, и для их противников главным в конечном счете оказывались не идеологические фетиши, а сам факт конфронтации.

Анализ архивных и печатных источников позволил сделать вывод, что примат интересов государства вступал в противоречие с интересами его граждан и общества при отсутствии с их стороны организованного

сопротивления. Органы государственной безопасности региона, выполняя политическую волю и обязательные для исполнения распоряжения высшего партийного и советского руководства, осуществляли тотальный контроль над настроениями различных слоев населения страны, регулярно информируя соответствующие инстанции о выявленных негативных тенденциях и фактах. Проведение политики, основанной на принуждении в отношении значительной части населения, требовало мощного репрессивного аппарата. В данном случае, учитывая сходство задач, аппарат КГБ СССР, по существу смыкался с партийным аппаратом.

Важным элементом системы и обеспечения национальной безопасности страны, и деятельности органов безопасности являются нормы права, которые также имеют конкретно-исторический и преходящий характер. В значительной степени именно от наличия разработанной системы правовых норм зависит степень защищенности прав граждан, жизненно важных интересов общества и государства. Органы безопасности с момента их возникновения являлись в советском государстве одним из важнейших инструментов власти правящей коммунистической партии. В реальной политической жизни страны сложилась ситуация, когда партия в целях собственного выживания делилась властью с организацией, которая постепенно вырастала в своеобразное «государство в государстве».

Сложившаяся практика принятия без опубликования в печати законов, нормативных актов и ведомственных директив об установлении различных видов юридической ответственности, организации и деятельности репрессивного аппарата являлась грубейшим нарушением норм государственной жизни и конституционных прав человека.

Проведенное исследование показало, что механизм применения репрессий обуславливался не только наличием секретных партийных инструкций, нормативных приказов, которые исходили от органов, не обладавшими законодательными правами. Во многом он был обусловлен распространением двойных стандартов политического поведения. В таком

поведении принимаются и признаются, причем вполне искренне, многие демократические принципы, и, что самое важное, считается возможным использование различных способов их фактического несоблюдения.

Изучение отношения населения к выборным кампаниям, его поведение во время выборов позволило выявить широкий комплекс массовых политических настроений. Отношение к выборам наиболее наглядно продемонстрировало наличие в советском обществе как бы «двух мнений» – официального и неформального. В официальной обстановке (на собраниях, в беседах с агитаторами и т.д.) люди, как правило, высказывали одобрение политике партии и в основном поддерживали выдвинутых кандидатов. Однако положительный спектр оценок не отражал всей совокупности мнений, высказанных в связи с предвыборной кампанией. Среди наиболее часто встречающихся критических суждений – сомнения в демократическом характере выборов, обоснованности расходов на их проведение в условиях общего снижения уровня жизни в стране, а также опасения репрессивных санкций со стороны власти.

Политика репрессий, жесткий политический и идеологический контроль нанесли существенный урон государству, которое не было правовым, и обществу, которое не было гражданским. Вместе с тем советский народ, государство и партия в рассматриваемый период добились значительных успехов в преобразовании страны, в социальном и культурном развитии, а Советский Союз являлся могущественной державой мира.

В то же время отсутствие легитимных механизмов передачи высшей власти неизбежно вело к усилению борьбы за власть между различными группировками и конкретными лицами. «Номенклатурный принцип управления» был восстановлен во всей полноте. Изученные архивные и печатные источники позволяют сделать вывод о том, что только смерть Сталина остановила новую волну смены высшего руководства весной 1953г., а это в свою очередь привело к неминуемым кадровым перестановкам и в региональных властных структурах.

Исследование источников позволило проанализировать репрессивную практику центральных и местных органов власти и управления, в первую очередь органов госбезопасности, в отношении православного духовенства и верующих в регионе. Представители местных партийных и советских властей во многом занимали конформистские позиции в отношении церкви, с одной стороны, постоянно подстраиваясь к поворотам государственной политики в отношении РПЦ и воспринимая эти повороты как очередные кампании, с другой стороны, благосклонно относясь к религиозным чувствам близких им в повседневной жизни родственников и верующих.

Процессы, происходившие в сфере государственно-церковных отношений в Центральном Черноземье, качественно были аналогичны другим регионам России, а уровень религиозности был выше среднероссийского, что было связано с существенным преобладанием в крае сельского населения, больше склонного к традиционной церковности.

В ходе рассмотрения государственно-церковных отношений в повседневной жизни российской провинции нами были выявлены факторы, влиявшие на их изменение. В период «ровных» государственно-церковных отношений факт неконтролируемой религиозной деятельности был для властей, проводивших политику интегрирования РПЦ в советскую государственно-политическую систему, не менее тревожен, чем в период обострения отношений государства и церкви, когда борьба с религией велась по всем направлениям без исключения. Надо подчеркнуть, что для официальной церкви деятельность разного рода сектантов, приводившая к ухудшению отношений с властями, отчасти вносящая смятение в души верующих, также была весьма нежелательна. Таким образом, в борьбе с расколом церковь и власть, преследуя свои цели, стали в какой-то мере союзниками. Непоследовательность религиозной политики государства в полной мере отражалась на положении духовенства и верующих региона, которые всегда оставались в поле зрения силовых структур.

Изменение ситуации в религиозной сфере в годы войны и первые послевоенные годы объективно «работало» и на укрепление существующего режима, повышение авторитета советской власти. Однако для государства было важно поставить церковь под жесткий контроль, сделать ее управляемой. Кроме того, в арсенале идеологического аппарата советского государства неизменными оставались догматы марксистско-ленинского учения о религии как о враждебном мировоззрении. Периодически разворачивались антирелигиозные кампании, которые не могли способствовать процессу нормализации церковно-государственных отношений.

Своеобразие «сталинского курса» по отношению к религии и церкви заключалось также в том, что новая политика была заявлена, но закона, который бы эту политику закрепил, не было. Формально продолжало действовать постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», а фактически реализация новой конфессиональной политики осуществлялась лишь в рамках конкретных решений партии и правительства. Попытка открытого наступления на религию и церковь была предпринята ЦК КПСС в июле 1954 г. Гонения на церковь, начавшиеся в конце 1950-х гг., были продуманы, подготовлены, в какой-то мере даже «прорепетированы».

Для современной российской государственности, находящейся в поиске новых подходов в отношениях с Русской православной церковью и другими религиозными объединениями, огромную практическую значимость представляет опыт предшествующих институтов власти, прежде всего недавний советский опыт. Произошедшая на рубеже 1980-х – 1990-х гг. и ставшая началом интенсивного процесса восстановления многих церковных институтов демократизация государственно-церковных отношений привела, на наш взгляд, к возникновению новых проблем. В частности, не может не вызывать опасения весьма четко обозначившаяся в последнее время тенденция огосударствления РПЦ. Значимость исследуемой проблемы

позволяет говорить о возможности осуществления РПЦ в современном российском обществе функций стабилизатора и амортизатора многих социальных противоречий.

Приведенный в диссертационной работе фактический материал позволяет проследить не только масштабы репрессий, но и динамику религиозности, как всего населения региона, так и отдельных его слоев. Следует лишь отметить, что на протяжении исследуемого периода, несмотря на описанные выше колебания государственного курса, религиозность населения в целом не уменьшилась, а местами даже возросла.

Один из выводов исследования состоит в том, что ни одно цивилизованное общество не может сохраняться, развиваться без модернизации своей общественно-политической системы. В этом отношении можно говорить об общественной потребности в необходимости перестройки, начатой в середине 1980-х гг. Но в этот период, может быть в силу углубления противоречий, усиления негативных тенденций, заложенных ранее в 1950-е гг., не был найден правильный ракурс преобразования.

Исследование показало, что следует рассматривать в совокупности и взаимодействии проблему «власть – инакомыслие», трактуя последнее как мнение малой части социума в различных сферах социальной деятельности, имевшее свою специфику, что находило выражение в направленности движения, формах активности, количественной характеристике и т.д. Эволюция инакомыслия опосредованно отражала этапы развития советского общества, в свою очередь, косвенным образом, воздействуя на него.

Советская оппозиция, представленная гражданскими, национальными, религиозными течениями, будучи неоднородной по задачам, методам, социальной базе, численности, не выступала против советской власти как таковой, а преследовала главную цель – ее усовершенствование путем создания условий для реализации на практике провозглашенных самим

руководством страны прав и свобод, тем самым свидетельствуя о кризисных моментах в развитии системы.

Социальной базой инакомыслия являлась интеллигенция, хотя, безусловно, в его рядах присутствовали представители и других социальных страт. Инакомыслие уже по определению не могло быть многочисленным. Но в данном случае, количество не могло перейти в качество. Центрами оппозиции являлись крупные города – в первую очередь, Москва и Ленинград, промышленные и научные центры. Единичные же эпизоды инакомыслия наблюдались чуть ли не каждом населенном пункте, даже в провинциальной глубинке. Что наглядно подтверждают изученные нами в процессе работы над диссертацией источники.

Обстоятельства, побуждавшие «инакомыслящих» заняться оппозиционной деятельностью, были самыми различными. Несмотря на их многообразие, в глубине лежало противоречие между запросами личности и возможностями их удовлетворения. Весь вопрос заключался в том, что одни «радели за все человечество», а другие преследовали свои корыстные интересы. Спецификой советских инакомыслящих людей являлось то, что они были «детьми» социалистического строя, другого они просто не застали. Именно это и вынуждало власть задуматься о том, что корни инакомыслия следует искать или внутри системы, что отрицалось в принципе, или где-то вне ее, т.е. интерпретировать как происки мирового империализма.

Несмотря на отсутствие конкретных результатов, сам факт существования в СССР инакомыслия внес определенную роль в формирование политического климата будущего общества. Государство, регулируя способы существования оппозиции, таким образом указывало целесообразный, социально полезный и необходимый с точки зрения власти вариант поведения. Но оппозиция, как правило, выбирают поведение, которое основано на иной нормативной ориентации, порою даже противоречащей требованиям, предъявляемым государством. Исходя из

этого необходим поиск оптимальных параметров взаимоотношения власти и инакомыслия.

Заслуга советских инакомыслящих, диссидентов заключалась и в том, что они, вероятно, сами того не осознавая, вынуждали руководство моделировать ситуации нахождения даже не компромисса, а просто поддержания отношений с оппозицией, т.е. заставляли власть признавать сам факт существования инакомыслия в советском обществе. Пускай опосредственно, косвенно, но они способствовали пониманию того, что оппозиция в обществе – это естественная его реакция на возникающие противоречия между социальными целями и нормами их достижения.

На современном этапе развития российского общества задача заключается в том, чтобы сделать Конституцию Российской Федерации с ее ориентацией на личность подлинным, реально действующим Основным Законом. чтобы системой мер – правовых, организационных, нравственных – создавать в обществе глубокое уважение к правам личности. Гражданин должен иметь широкий выбор возможностей самостоятельной защиты своих прав. Однако его действия не должны идти вразрез с законами, установленными в обществе. Недопустимы любые экстремистские действия, прогнворечащие нормальной жизнедеятельности российского общества.

Как показало изучение корпуса нормативно-правовых актов, инакомыслящие граждане подвергались следующим видам наказаний:

- лишение свободы в виде заключения в тюрьму или исправительно-трудовую колонию;

- условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из лагеря с обязательным привлечением к труду, при этом место работы и место жительства определялось органами внутренних дел;

- ссылка;

- высылка;

– исправительные работы без лишения свободы – работа на своем предприятии (или на указанном правоохранительными органами) с вычетом из зарплаты до 20%.

Специфическим видом наказания было принудительное, по определению суда, помещение в психиатрическую больницу, что с юридической точки зрения не являлось репрессивной санкцией.

Наряду с уголовно-правовыми средствами борьба с инакомыслием велась и посредством предупредительной работы. В частности, основное внимание в данном вопросе сосредотачивалась на индивидуальной воспитательной работе с политическими незрелыми лицами в соответствии с положениями Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1975 года «Об объявлении предостережения как профилактической меры».

В своей практике советская власть использовала так называемые «косвенные» репрессивные меры: увольнение с работы, понижение по службе, исключение из партии, осуждение общественности, анонимные угрозы по телефону, отключение телефонов, недоставка телеграмм, писем и бандеролей и т.д.

С начала 1970-х годов советское руководство уже открыто усиливает прессинг в отношении инакомыслящих и диссидентов, оценивая их деятельность исключительно как противоправную, враждебную, идеологически вредную, вредную и чуждую советской действительности, не имеющей под собой никакой основы.

Руководство СССР проводило репрессивную политику в отношении инакомыслящих путем непосредственного силового воздействия и создания соответствующего негативного общественного мнения в их адрес, в ходе чего приходилось учитывать интересы и собственные и Запада. В то же время власти пытались использовать оппозицию для реализации своих интересов.

Запад активно поддерживал советскую оппозицию, пытаясь через них реализовать собственные цели – воздействовать на руководство СССР,

способствовать распространению западной демократии, буржуазных идеалов и т.п. Среди членов мирового коммунистического движения отсутствовало единство в отношении советских диссидентов. «Перестроечные» преобразования команды М.С. Горбачева кардинально изменили отношение к инакомыслящим как со стороны руководства страны, так и самого общества, а оппозиция получила шанс начать конструктивную деятельность. Несмотря на крушение советской политической системы, диссиденты не состоялись как серьезная политическая сила, с которой следовало бы считаться, они оказались невостребованными как внутри страны, так и со стороны Запада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опубликованные источники

1.1. Сборники документов и материалов

1.1.1. Конституция СССР. – М. 1936.

1.1.2. Конституция СССР. – М. 1977.

1.1.3. Конституция (основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Конституции. – М. 1978.

1.1.4. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГРУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 [Текст]: / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Международный фонд «Демократия», 2002. – 872 с.

1.1.5. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 – 1960 гг. [Текст]: сб. документов и материалов / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Международный фонд «Демократия», 2002. – 888 с.

1.1.6. Из истории Курской областной комсомольской организации 1918 – 1970 [Текст]: сб. документов и материалов / под ред. Т.И. Архиповой. – Курск: Курская правда. 1972. – 459 с.

1.1.7. История Советской Конституции [Текст]: сб. документов. – М.: Госполитиздат, 1957. – 554 с.

1.1.8. История советской политической цензуры. Документы и комментарии [Текст] / под ред. Т.М. Горяевой. – М.: РОССПЭН, 1997.

1.1.9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК [Текст] Т.4.– М.: Политиздат, 1970; –Т.6.М.: Политиздат, 1985.

1.1.10. Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 – 1982 гг. [Текст]: рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / сост. В.А. Козлов, О.В. Эйдельман, Э.Ю. Завадская. – М.: Материк. 2005. – 432 с.

1.1.11. Курск [Текст]: краеведческий словарь-справочник / гл. ред. Ю.А. Бугров. – Курск: Изд. центр «ЮМЭКС», 1997. – 496 с.

1.1.12.Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960. Справочник. Документы и материалы [Текст].– М.: Международный фонд «Демократия», 1997. – 352 с.

1.1.13.Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1991.Справочник [Текст] / авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: Международный фонд «Демократия». 2003. – 768 с.

1.1.14.Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти [Текст] / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: Международный фонд «Демократия», 2006. – 640 с.

1.1.15. Об идеологической работе КПСС. Сб. документов [Текст]. – М.: Политиздат, 1977. – 501 с.

1.1.16. Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов [Текст] / под ред. А.Н. Яковлева. – М.: Политиздат, 1991. – 568 с.

1.1.17.Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий [Текст] / сост. Е.А. Зайцев. – М.: Республика, 1993. – 223 с.

1.1.18.Советская жизнь. 1945 – 1953 [Текст]: / сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова и др. – М.: РОССПЭН, 2003.–720 с.

1.1.19.Холодная война. Новые подходы. Новые документы [Текст]: / под ред. М.М. Наринского и др. – М., 1995. – 400 с.

1.1.20.ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты. 1945 – 1953 [Текст]: сб. документов / сост. В.В. Денисов, А.В. Квашников и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 496 с.

1.2 Нормативно-правовые акты

1.2.1. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Текст] // СУ. 1926. №80.

1.2.2. О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками. Постановление Пленума Верховного суда СССР

№22/М/16/У/сс от 25 ноября 1943 г. [Текст]// Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.,1993. – С.43–45.

1.2.3. Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР [Текст]: указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. // Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: справочник / науч. ред. Р.Г. Пихоя. – М.,1997. – С.81.

1.2.4. О культе личности и его последствия. Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС [Текст] // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. – С. 128 – 170.

1.2.5. О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. [Текст]// Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С.80–81.

1.2.6.Об уголовной ответственности за государственные преступления [Текст]: закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 8.

1.2.7.Положение о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах [Текст]: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. // Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ. 1917 – 1991. – М.,2003. – С. 694–695.

1.2.8.Об усилении борьбы органов государственной безопасности с враждебными проявлениями антисоветских элементов [Текст]: приказ КГБ №00175 от 28 июля 1962 г. // Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ.1917–1991. – М., 2003. – С. 703–708.

1.2.9.Об усилении прокурорского надзора за расследованием дел о государственных преступлениях и рассмотрение их в судах [Текст]: приказ Генерального прокурора СССР от 28 июля 1962 г. // Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ.1917–1991. – М., 2003. – С. 708–709.

1.2.10. О состоянии и мерах улучшения партийно-политической информации. Постановление Центрального Комитета КПСС от 7 февраля 1969 г. [Текст] // Об идеологической работе КПСС. – М., 1977. – С. 297 – 303.

1.2.11. О гражданстве СССР [Текст]: закон СССР от 1 декабря 1978 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 49. Ст. 816.

1.2.12. О возмещении ущерба, причиненному гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц, при исполнении ими служебных обязанностей. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 21. Ст. 740.

1.2.13. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов. Постановление ЦК КПСС [Текст] // Правда. 1989. 6 января.

1.2.14. О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 3. Ст. 19.

1.2.15. О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов. Указ Президента СССР от 13 августа 1990 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1990. № 34.

1.2.16. О реабилитации жертв политических репрессий. Закон РСФСР от 18 октября 1991 г. [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

1.2.17. О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека. Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 1992 г. [Текст] // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 5–6.

1.3. Мемуарная литература

- 1.3.1. Аджубей, А.И. Крушение иллюзий [Текст] / А.И. Аджубей. – М.: Республика, 1991. – 291 с.
- 1.3.2. Арбатов, Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953 – 1985) [Текст] / Г.А. Арбатов. – М., 1991. – 234 с.
- 1.3.3. Бакатин, В.В. Избавление от КГБ [Текст] / В.В. Бакатин. – М.: Новости, 1992. – 192 с.
- 1.3.4. Берия, С.Л. Мой отец – Лаврентий Берия [Текст] / С.Л. Берия. – М.: Современник, 1994. – 431 с.
- 1.3.5. Бобков, Ф.Д. КГБ и власть [Текст] / Ф.Д. Бобков. – М.: Изд-во «Ветеран», 1995. – 382 с.
- 1.3.6. Крючков, В. Личное дело [Текст]: в 2 ч. / В. Крючков. – М.: Олимп-АСТ, 1996. Ч.1. – 448с.; Ч. 2. – 429 с.
- 1.3.7. Климов, А.И. Моя судьба – судьба России (рассказ ветерана ФСБ) [Текст] / А.И. Климов. – Рязань: РИнфо, 2007. – 216с.
- 1.3.8. Микоян, А.И. Так было: Размышления о минувшем [Текст] / А.И. Микоян. – М.: Вагриус, 1997. – 637 с.
- 1.3.9. Нездоля, А. КГБ – рассекреченные воспоминания [Текст] / А. Нездоля – Донецк: Каштан, 2008. – 560 с.
- 1.3.10. Николаев, Ю.А. Будни военного контрразведчика (1949–1991 гг.) [Текст] / Ю.А. Николаев. – М.: Русь, 2005. – 248 с.
- 1.3.11. Пятовский, С.П. Далекое и близкое [Текст] / С.П. Пятовский. – Курск: Курский государственный университет, 2008. – 118 с.
- 1.3.12. Семичастный, В.Е. Беспокойное сердце [Текст] / В.Е. Семичастный. – М., 2000. – 231 с.
- 1.3.13. Судоплатов, П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы [Текст] / П.А. Судоплатов. – М., 2005. – 342 с.
- 1.3.14. Удилов, В.Н. Записки контрразведчика (Взгляд изнутри) [Текст] / В.Н. Удилов. – М.: Ягуар, 1994. – 207 с.

1.3.15. Устинов, И.Л. Крепче стали. Записки ветерана военной контрразведки [Текст] / И.Л. Устинов. – М.: Русь, 2005. – 288с.

1.3.16. Шебаршин, Л.В. Рука Москвы. Разведка от расцвета до развала [Текст] / Л.В. Шебаршин. – М.: Алгоритм, 2012. – 336 с.

1.4. Периодические издания

1.4.1. Газеты

1.4.1.1. Курская правда [Текст]: областная общественно-политическая газета: выходит с июня 1917 г. / учредители Комитет информации и печати Курской области и АУКО «Редакция газеты «Курская правда».

1.4.1.2. Литературная газета [Текст]: еженед. газ. / учредитель ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

1.4.1.3. Новая газета [Текст]: учредитель ЗАО «Издательский дом «Новая газета»

1.4.1.4. Новости разведки и контрразведки

1.4.2. Журналы

1.4.2.1. Военно-исторический архив

1.4.2.2. Военно-исторический журнал

1.4.2.3. Вопросы истории

1.4.2.4. Известия ЦК КПСС

1.4.2.5. Источник

1.4.2.6. Коммунист

1.4.2.7. Отечественная история

1.4.2.8. Свободная мысль

1.4.2.9. Служба безопасности: новости разведки и контрразведки

2. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ)

2.1. ГАРФ, ф.Р-8131, оп.31.д.39849, л.5.

2.2. ГАРФ, ф.Р-8131, оп.31.д.42766, л.16-18.

- 2.3. ГАРФ, ф.Р-8131, оп.31.д.83990.
- 2.4. ГАРФ, ф.Р-8131, оп.32.д.8176, л.65.
- 2.5. ГАРФ, ф.Р-8131, оп.36.д.5716, л.16, 116-119
- 2.6. ГАРФ.ф.9414.оп.1.д.66.л.56.
- 2.7. ГАРФ.ф.9492, оп.1а, д.608, л.239.

Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ)

- 2.8. РГАНИ.ф.89 (коллекция), оп.6, д.2, л.48.
- 2.9. РГАНИ.ф.89 (коллекция), оп.6, д.20, л.1–16.
- 2.10. РГАНИ.ф.89 (коллекция), оп.6, д.21, л.1.

Государственный архив Курской области (далее – ГАКО)

- 2.11. ГАКО, ф.Р-5027, оп.1, д.5, л.5-7, 14, 16
- 2.12. ГАКО, ф.Р-5027, оп.1.д.6, л.23, 36, 39

Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО)

- 2.13. ГАОПИКО, ф.65, оп.15, д.936, л.3
- 2.14. ГАОПИКО, ф.П-190, оп.1, д.144.
- 2.15. ГАОПИКО, ф.65, оп.1, д.23, л.10,97, 125–126

Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (далее – АУФСБРФКО)

- 2.16. АУФСБРФКО, ф.4 отд. УНКВД по Курской обл., оп.1.д.6, т.1., л.16.
- 2.17. АУФСБРФКО, ф.4 отд. УНКВД по Курской обл. оп.1.д.5.л.69.
- 2.18. АУФСБРФКО, ф.10.оп.1, д.2 91945 г.), л.6061
- 2.19. АУФСБРФКО, ф.10, оп.1, д.5(1945 г.), л.23–29.
- 2.20. АУФСБРФКО, ф.10, оп.3, д.1(1947 г.), л.1,2–5,7,89-91,
- 2.21. АУФСБРФКО, ф.10, оп.3, д.2(1947 г.), л.57-58,60-63, 66-69,95,
- 2.22. АУФСБРФКО, ф.10, оп.3, д.2(1946 г.), л.36.
- 2.23. АУФСБРФКО, ф.АУД, д.П-14588, л.94-98, 143, 176, 183.
- 2.24. АУФСБРФКО, ф.АУД, д.П-17049.
- 2.25. АУФСБРФКО, ф.АУД, д.П-14049.

3. Монографии, статьи и сборники трудов

3.1. Адибеков, Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947 – 1956 [Текст] / Г.М. Адибеков. – М., 1994. – 235 с.

3.2. Алексеев, В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР [Текст] / В.А. Алексеев. – М., 1972. – 299 с.

3.3. Альбац, Е.М. Мина замедленного действия: Политический портрет КГБ [Текст] / Е.М. Альбац. – М., 1992. – 291 с.

3.4. Бордюгов, Г. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества [Текст] / Г. Бордюгов, В. Козлов. – М.: Политиздат, 1992. – 350 с.

3.5. Волкогонов, Д.А. Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет [Текст]. Кн.1 Д.А. Волкогонов. – М.: Советская Россия, 1989. – 321 с.

3.6. Волобуев, О.Е. Очищение: История и перестройка [Текст] / О.Е. Волобуев, С.В. Кулешов. – М.: Новости, 1989. – 284 с.

3.7. Воронцов, С.А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность [Текст] / С.А. Воронцов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 704 с.

3.8. Воронцов, С.А. Спецслужбы России [Текст] С.А. Воронцов. – Ростов-на-Дону: 2008. – 511 с.

3.9. Данилов, А.А. История инакомыслия в России: Советский период. 1917 – 1991 [Текст] / А.А. Данилов. – М.: Социум, 1997. – 103 с.

3.10. Дугин, А.Н. Говорят архивы: неизвестные страницы ГУЛАГа [Текст] / А.Н. Дугин. Социально-политические науки. 1990. № 7. – С. 90–101.

3.11. А.В. Елпатьевский // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 15–20.

3.12. Земсков, В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) [Текст] / В.Н. Земсков // Социологические исследования. 1991. №6. – С.10–27.

3.13. Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность [Текст] / под ред. А.А. Здановича и др. – М., Великий Новгород, 1999. – 119 с.

3.14. Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы 1945 – 1953 гг. [Текст] / под ред. А.А. Здановича и др. – М., Великий Новгород, 2002. – 135 с.

3.15. Исторические чтения на Лубянке. 2003 год. Власть и органы государственной безопасности [Текст] / под ред. А.А. Здановича и др. – М., 2004. – 225 с.

3.16. История Курской области [Текст] / под ред. Т.И. Архиповой – Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1975. – 159 с.

3.17. История Курской прокуратуры: люди, события, документы [Текст] / под ред. А.Г. Бабичева. – Курск: ФГУИПП «Курск», 2001. – 488 с.

3.18. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства [Текст] / сост. В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1991. – 366 с.

3.19. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика [Текст] / под ред. А.К. Соколова. – М.: Высшая школа, 2004. – 687 с.

3.20. Кокурин, А.И. КГБ: Структура, функции, кадры (1954 – 1967) [Текст] / А.И. Кокурин, Н.В. Петров // Свободная мысль. 1998. № 2.

3.21. Коровин, В.В. История отечественных органов безопасности [Текст] / В.В. Коровин. М.: Норма-ИНФРА, 1998. 256 с.

3.22. Курский край: история и современность [Текст] / под ред. Б.Н. Королева. – Курск: АП «Курск», 1995. – 280 с.

3.23. Кузнецов, И.Н. Засекреченные трагедии советской истории [Текст] / И.Н. Кузнецов. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 251 с.

3.24. Кузнецов, И.Н. Без грифа «Секретно». Тайны архивов и материалов спецслужб [Текст] / И.Н. Кузнецов. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 251 с.

3.25. Лавинская, О.В. Процесс пересмотра дел политических заключенных в 1954–1956 гг. и попытка наказания работников госбезопасности за фальсификация дел [Текст] / О.В. Лавинская //

Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008 / под ред. А.А. Здановича и др. – М.: Кучково поле, 2008. – С. 307–315.

3.26. Лазарев, В.И. Деятельность органов государственной безопасности в послевоенный период (1945 – 1954) [Текст] / В.И. Лазарев // Исторические чтения на Лубянке. 2001 год / под ред. А.А. Здановича и др. – М., Великий Новгород, 2002. – С. 3–19.

3.27. Линдер, И.Б. История специальных служб России. Х–XX вв. [Текст] / И.Б. Линдер, С.А. Чуркин. – М.: Рипол, 2004. – 736 с.

3.28. Линдер, И.Б. История спецслужб. Секретная разведка партии [Текст] / И.Б. Линдер, С.А. Чуркин. М.: Рипол Классик, 2008. – 688 с.

3.29. Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки [Текст] – М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картография», 1999. – 360 с.

3.30. Медведев, Р.А. Они окружали Сталина [Текст] / Р.А. Медведев. – М.: Политиздат, 1990. – 351 с.

3.31. Медведев, Р.А. Юрий Андропов: Неизвестное об известном [Текст] / А.А. Медведев. – М.: Время, 2004. – 488 с.

3.32. Медведев, Р.А. Андропов [Текст] / Р.А. Медведев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 434 с.

3.33. Млечин, Л.М. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы [Текст] / Л.М. Млечин. – М.: Центрполиграф, 2001. – 861 с.

3.34. Мозохин, О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) [Текст] / О.Б. Мозохин. – М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.

3.35. На службе Отечеству: из истории органов безопасности Курской области [Текст]: статьи, очерки, воспоминания / под ред. Г.А. Свиридова и др. Курск: ОАО «ИПП «Курск», 2008. 480 с.

3.36. На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края [Текст] / сост. Н.А. Постников. – Курск: ФГУИПП «Курск», 2002. – 560 с.

3.37. Некрасов, В.Ф. Тринадцать «железных наркомов»: История НКВД–МВД от А.И. Рыкова до Щелокова, 1917–1982 [Текст] / В.Ф. Некрасов. – М.: Вече, 1995. – 561 с.

3.38. Ошеров, А.Г. Над пропастью во лжи [Текст] / А.Г. Ошеров. Курск: ГУИПП «Курск», 1998. 304 с.

3.39. Павлов, Д.В. Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов [Текст] / Д.В. Павлов. – М.: Росспэн, 1999. – 232 с.

3.40. Петров, Н.В. Специальные структуры КГБ по борьбе с инакомыслием в СССР. 1954–1989 гг. [Текст] / Н.В. Петров // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т.3.– М.: Кучково поле, 2007. – С. 306–317.

3.41. Петров, Н.В. Первый Председатель КГБ Иван Серов [Текст] / Н.В.Петров. – М.: Материк, 2005. – 269 с.

3.42. Пожаров, А.И. КГБ и инакомыслие [Текст] / А.И. Пожаров // Обозреватель. 1997. № 5–6. – С. 95–100.

3.43. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991 гг. [Текст] / Р.Г. Пихоя – М., 1998.

3.44. Пожаров, А.И. КПСС и органы госбезопасности СССР [Текст] / А.И. Пожаров // Обозреватель. 1997. №8. – С. 49–54.

3.45. Пожаров, А.И. КГБ и партия (1954 – 1964 гг.) [Текст] / А.И. Пожаров // Отечественная история. 1999.35. – С. 169–174.

3.46. Пожаров, А.И. КГБ СССР в 1950–1960-е годы: проблемы историографии [Текст] / А.И. Пожаров // Отечественная история. 2001. № 3.– С. 141–148.

3.47. Пожаров, А.И. «Вооруженный отряд партии», партией оболганный [Текст] / А.И. Пожаров // Военно-исторический архив. 2002. № 5(29). – С. 76–90.

3.48. Поляков, Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое [Текст] / Ю.А. Поляков. – М.: АИРО-XX, 1995. – 216 с.

3.49. Противостояние: рассказы о курских чекистах [Текст] / сб. очерков / сост. С.П. Пятовский. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1991. – 208 с.

3.50. Пыжиков А.В. Политические преобразования в СССР 950-е – 60-е годы) [Текст] / А.В. Пыжиков. – М.: ООО «Квадрат С», 1999. – 305 с.

3.51. Север, А. История КГБ [Текст] / А. Север. – М.: Алгоритм, 2008. – 336 с.

3.52. Пыжиков, А.В. Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953 годы [Текст] / А.В. Пыжиков, А.А. Данилов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с.

3.53. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. I–II. [Текст] / А.И. Солженицын. – М.: Книга, 1990. – 588 с.

3.54. Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты [Текст] / под ред. В.В. Журавлева; сост. Н.М. Таранев. – М.: Политиздат, 1991. – 272 с.

3.55. Уткин, А.И. Мировая «холодная война» [Текст] / М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. 736 с.

3.56. Хлобустов, О.М. Госбезопасность от Александра до Путина [Текст] / О.М. Хлобустов. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – 480 с.

3.57. Хлобустов, О.М. КГБ СССР: шаги становления [Текст] / О.М. Хлобустов // Власть. 2005. № 11.

3.58. Хлобустов, О.М. «Советские люди вправе знать... о деятельности органов КГБ» [Текст] / О.М. Хлобустов // Военно-исторический журнал. 2005. № 9, 11.

3.59. Чертопруд, С. Юрий Андропов: тайны председателя КГБ [Текст] / С. Чертопруд. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 512 с.

3.60. Шаваев, А.Г. Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта и теории [Текст] / А.Г. Шаваев, С.В. Лекарев. – М.: «БДЦ-пресс», 2003. – 544 с.

3.61. Шамаев, В.Г. Во имя спокойствия и безопасности державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края

[Текст] / В.Г. Шамаев. – Воронеж: ИПЦ Воронежского госуниверситета, 2008. – 606 с.

3.62. Щегольский, А.В. К вопросу о рассекречивании архивных документов [Текст] / А.В. Щегольский. Отечественные архивы. 1997. № 2. – С. 6–10.

3.63. Энциклопедия секретных служб России [Текст] / авт. - сост. А.И. Колпакиди. – М.: АСТ, 2004. – 800 с.

3.64. Энциклопедия спецслужб [Текст] / авт.-сост. К. Дегтярев. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. – 704 с.

4. Диссертации и авторефераты диссертаций

4.1. Бобровский, С.С. Становление и развитие территориальных органов прокуратуры СССР в Центральном Черноземье (1934 – 1953 годы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.С. Бобровский. Курск, 2003. 27 с.

4.2. Володина, Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917 – 1953 гг. (на примере Среднего Поволжья) [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / Н.А. Володина. М., 2010.

4.3. Воронцов, Д.В. Общественно-политические процессы в жизни советского общества (1953–1964 годы) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Д.В. Воронцов. М., 1999. 200с.

4.4. Давыдов, С.Г. Инакомыслие в СССР в 50-е – первой половине 60-х гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.Г. Давыдов. М., 1996. 24с.

4.5. Давыдов, С.Г. Становление и развитие неформального молодежного движения в СССР (1945 – 1985 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / С.Г. Давыдов. М., 2002. 32 с.

4.6. Демин, В.И. Борьба партийно-государственных органов с инакомыслием в советской провинции: 1917 – 1945 гг. (на материалах Курского края) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.И. Демин. Курск, 2005. 23 с.

4.7. Дианов, С.А. Политический контроль в Пермском крае в 1919 – 1929 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.А. Дианов. Пермь, 2007.

4.8. Гуляев, А.Н. Развитие органов внутренних дел в СССР в 1953 – 1991 гг. (на материалах Курской области) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Н. Гуляев. Курск, 2006. 24 с.

4.9. Ильина, З.Д. Культурная политика и духовная жизнь горожан во второй половине 70-х – 80-е гг. (на материалах Центрально-Черноземного региона РСФСР) [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / З.Д. Ильина. М., 1999. 35 с.

4.10. Калкутин, Д.Л. Деятельность молодежной оппозиции в СССР (1945 – 1960 гг.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.Л. Калкутин. Курск, 2000. 22 с.

4.11. Карнаевич, В.Г. Деятельность правоохранительных органов Курской области по реабилитации жертв массовых политических репрессий (вторая половина 1980-х – 1990-е гг.) [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук / В.Г. Карнаевич. Курск, 2000. 175 с.

4.12. Катков, А.П. Политический контроль в советском обществе в 20–30-е годы [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / А.П. Катков. Саратов, 2000. 269 с.

4.13. Кирычев, М.В. История территориальных органов прокуратуры СССР в 1953 – 1964 гг.: На материалах Центрального Черноземья [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук / М.В. Кирычев. Курск, 2006. 179 с.

4.14. Королева, Л.А. Власть и диссидентство (1950–1980е гг.) [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / Л.А. Королева. М., 2001. 43 с.

4.15. Леус, М.В. Реформирование правоохранительных органов СССР в 1953 – 1964 гг. [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук / М.В. Леус. М., 2008. 201 с.

4.16. Лукин, Ю.Ф. Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук / Ю.Ф. Лукин. М., 1993. 37 с.

4.17. Митрохин, Н.И. Движение русских националистов в СССР (1953 – 1985 гг.) [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук / Н.И. Митрохин. М., 2002. 239 с.

4.18. Павлухин, Д.В. Комсомол в системе политического контроля: 1934 – 1938 гг. На материалах Воронежской и Тамбовской областей [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук / Д.В. Павлухин. Тамбов, 2005. 190 с.

4.19. Пикалов, Б.В. Правоохранительные органы и проблема прав человека в российской провинции: 1917 – 1953 гг. (на примере Курского региона) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б.В. Пикалов. Курск, 2007. 23 с.

4.20. Реутов, В.В. Социальное служение церкви в XX веке (на материалах Курской епархии) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.В. Реутов. Курск, 2006. 23 с.

4.21. Романкина, И.А. Типология диссидентского движения в СССР (1950-е – 1980-е годы) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / И.А. Романкина. Архангельск, 2007. 197 с.

4.22. Устинова, Л.В. Общественно-политические процессы в российской провинции: 1943–1953 гг. (на примере Курской области) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.В. Устинова. Курск, 2007. 23 с.

4.23. Чеботарев, С.А. Отношение государства и церкви в середине 1940-х – середине 1960-х гг. (на материалах Тамбовской области) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.А. Чеботарев. Тамбов, 2004. 25 с.

4.24. Шишлова, М.В. Реализация государственной архивной политики Российской Федерации в Курской области: 1991–2004 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.В. Шишлова. Курск, 2005. 23 с.

5. Исследования зарубежных авторов

5.1. Байрау Д. Интеллигенция и диссидентство. К истории русских образованных слоев в Советском Союзе с 1917 по 1985 гг. - Геттинген, 1993.

5.2. Боффа, Дж. История Советского Союза [Текст]: [пер. с англ.] В 2 т. Т.2. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1941–1990 / Дж. Боффа. – М.: Международные отношения, 1990. – 659 с.

5.3. Верт, Н. История советского государства. 1990-1991 [Текст]: [пер. с англ.] / Н. Верт. – М.: Прогресс, 1992. – 480 с.

5.4. Вознесенский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза [Текст]: [пер. с англ.] / М.С. Вознесенский. – М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.

5.5. Дж. Кип. «Последняя из империй. История Советского Союза. 1945–1991». Дж. Кип. - Оксфорд, 1995.

5.6. Козн, С. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина [Текст]: [пер. с англ.] / С. Козн. – М.: АИРО-XXI, 2008.

5.7. Козн, С. Возвращение из-за черты закона. О первых реабилитациях после смерти Сталина [Текст] / С. Козн. «Новая газета». 2008. 24 ноября.

5.8. Харт Дж. Русские агенты ЦРУ [Текст]: [пер. с англ.] / Дж. Харт. – М.: Олма-пресс, 2005. – 318 с.

5.9. Хоскинг, Дж. История Советского Союза. 1917–1991 [Текст]: [пер. с англ.] / Дж. Хоскинг. – Смоленск: Русич, 2000. – 496 с.

5.10. Эндрю, К., Гордиевский, О. КГБ: История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева [Текст]: [пер. с англ.] / К. Эндрю, О. Гордиевский. – М.: Терра, 1992. – 439 с.